

МОДЕСТ КОЛЕРОВ

# ВОЙНА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ  
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

1999 – 2009

REGNUM

2009

УДК 327(470) «1999/2009»

ББК 66.4 (2рос), 302

К60

**Модест Колеров.**

**К60** Война: внешняя политика России и политическая борьба.  
Статьи 1999–2009. М.: REGNUM, 2009. 332 с.

ISBN 978-5-91150-033-7

УДК 327(470) «1999/2009»

ББК 66.4 (2рос), 302

ISBN 978-5-91150-033-7

© Модест Колеров, текст, 1999–2009

© Алексей Яковлев, оформление.

## Оглавление

|                  |   |
|------------------|---|
| ПРЕДИСЛОВИЕ..... | 5 |
|------------------|---|

|                                   |   |
|-----------------------------------|---|
| DAS FUTUR ZWEI: 2008 – 2009 ..... | 7 |
|-----------------------------------|---|

|                                                                                             |     |
|---------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| • В. К. Акопян, М. А. Колеров. Перспективы войны<br>в Закавказье и Средней Азии             | 9   |
| • «Концепция внешней политики России»<br>ставит новые акценты в отношении стран б. СССР     | 27  |
| • Статус-кво больше не будет                                                                | 34  |
| • Новый Большой Кавказ: взаимное сдерживание без чужих.<br>Чего уже нет и что может быть    | 37  |
| • После победы, накануне войны: принуждение к власти                                        | 43  |
| • Плевна навсегда                                                                           | 47  |
| • Мюнхен-1938 и Грузия-2008                                                                 | 53  |
| • «Новое соседство» ЕС и энергетическая безопасность                                        | 61  |
| • Das Futur Zwei: политическая экономия России и Украины                                    | 67  |
| • Абхазия признана и независима. Что дальше?                                                | 76  |
| • «Обновление институтов»: Dark Age Ahead?                                                  | 84  |
| • Необходимый, достаточный и остаточный суверенитет                                         | 89  |
| • Курдистан от Балкан до Кавказа: эффект домино                                             | 94  |
| • «Восточное партнёрство»: чем «доктрина Брежнева»<br>лучше энергетического колониализма ЕС | 98  |
| • Политический класс против государства: 100 лет «Вех»                                      | 105 |
| • «Вот ваши подвиги...»: 100 лет «Вех»                                                      | 110 |
| • М. А. Колеров, В. В. Зотов: «Уход Белоруссии на Запад»:<br>две игры и две погибели        | 128 |

|                                                                                   |     |
|-----------------------------------------------------------------------------------|-----|
| • Геополитические риски Таможенного союза<br>России, Казахстана и Белоруссии      | 140 |
| • Штабы в огне...                                                                 | 149 |
| • Государство Путина:<br>школа консенсуса и война большинства                     | 170 |
| • «СНГ мертво...»                                                                 | 182 |
| • Ош-2: почему Узбекистан не хочет<br>военного присутствия России на Юге Киргизии | 190 |
| • Война в Южной Осетии: в шаге от катастрофы                                      | 197 |
| • Информационную войну в августе 2008 года<br>вело общество, а не государство     | 210 |
| • Послание Медведева:<br>Ющенко — враг, а Украина — пока нет                      | 215 |
| • России и Армении нужен независимый Курдистан                                    | 220 |

## **БЛИЖНЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ: 1999–2008.....227**

|                                                                                     |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| • Тотальное Просвещение для Косово и всех нас                                       | 229 |
| • «Вечный мир» и вечные угрозы ему                                                  | 233 |
| • Фронт против России: санитарный кордон<br>и внешнее управление                    | 247 |
| • Непризнанные государства бывш. СССР<br>в контексте Балкан и Черноморского региона | 254 |
| • «Косовский прецедент»: создатели и плоды                                          | 262 |
| • «Ближнее зарубежье» новой России<br>и «задний двор» США                           | 290 |

## **БИБЛИОГРАФИЯ .....330**

## Предисловие

В августе 2009 года одна с другой совпали две памятные годовщины: 10 лет нападению Ичкерии на Дагестан и год нападению Саакашвили на Южную Осетию. Август 1999 года привёл к власти Владимира Путина, август 2008 года стал главным испытанием для Дмитрия Медведева как главы государства.

1999 год был следствием — становящихся в российском общественном сознании всё более баснословными — «девяностых годов» государственного хаоса и слабости. 2008 год был проверкой для «двухтысячных», когда, буквально накануне мирового финансового кризиса, образ восстановившей государственное единство и основы централизованного порядка России получил прямой военный удар, не выдержать который страна не имела права.

Утром 8 августа 2008 года, проведя первую бессонную ночь за «станком» информационного вещания REGNUM'a, я писал: «Слабость России в защите Южной Осетии, прямо скажем: поражение России в Южной Осетии будет иметь для неё самые тяжелые политические последствия. И речь не только о гибели людей и распространении гуманитарной катастрофы на Северную Осетию. Речь о катастрофическом ущербе для репутации России как гаранта безопасности своих граждан и своих союзников. Это всё крайне тяжело отразится на позициях России и её союзников не только в Закавказье, но и на её собственном Северном Кавказе и вообще на её региональной политике. Теперь следует ожидать радикализации противников России и ужесточения требований, предъявляемых к ней её недоброжелателями...».

Катастрофы тогда не произошло, но общество, впервые за многие годы, вновь поставило в центр дискуссии не частности, а принципиальные основания государства. Если в «девяностые годы» общественный шок от самоубийства СССР ещё во многом уравнивался пафосом новой национальной государственности России — и рептильной, предательской внешней политике страны противостояли лишь немногочисленные реваншисты, реакционеры и бессловесные зрители из «потерянного поколения», то к 2008 году многое изменилось.

Пассивный «отложенный спрос» на национальное достоинство и безопасность был реализован — и на сцене России зажил неудобный, активный политический общественный смысл, ставящий своему государству внятные «потребительские» условия. Если все 1990-е Россия, оставленная распадом СССР, по точному слову Вигена Акопяна, без внешней плоти и кожи, ещё не могла понять — где предел этого распада, то теперь это уже привычное «без кожи» стало делом обострённого сознания. Внешняя политика России стала предметом не только прежней, отчаянной арьергардной полемики, но предметом растущей, публичной внутривнутриполитической борьбы.

О внутренней истории этого превращения — настоящий сборник точно привязанных к времени актуалистических статей, организованных в две неравные части: вторую — о том, что думалось и делалось в 1999-м – начале 2008 года в остром понимании приближающейся войны («Ближнее зарубежье»), и первую – о том, что делалось в 2008–2009 годах — в момент и после войны («Das Futur Zwei»). В не менее остром понимании того, что для будущего уже созрели предсказанные Александром Блоком «неслыханные перемены, невиданные мятежи...».

Благодарю моих соавторов В.К. Акопяна и В.В. Зотова, чей труд стал частью сборника, и посвящаю этот сборник Борису Соркину и феноменальному коллективу информационного агентства REGNUM, вся жизнь которых в России и вне её стала идеалистической борьбой за право людей и народов говорить своим собственным голосом — и за Россию.

*14 августа 2009*

# **Das Futur Zwei: 2008 – 2009**





## **Перспективы войны в Закавказье и Средней Азии**

### *1. Глобальная сцена*

Главными зонами конфликтов на постсоветском пространстве (кроме Крыма) остаются Закавказье и Средняя Азия. Перспективы безопасности здесь определяются следующими факторами:

- характером стратегического диалога между Россией, США и сопутствующего им ЕС, интересами Китая, Турции и Ирана,
- внутривполитической ситуацией в странах названных регионов,
- региональными конфликтами: грузино-абхазским, грузино-осетинским и нагорно-карабахским, азербайджано-иранским; другими региональными конфликтами: казахско-узбекским, узбекско-таджикским, афганско-таджикским (узбекским, киргизским) и другими скрытыми конфликтами, протекающими в форме «экспансии безопасности» (например, Ирана

в Закавказье и Средней Азии, Ирана и Китая — в Средней Азии);

- способностью местных режимов самостоятельно генерировать внутренние и внешние конфликты.

Узловая проблема, вокруг которой строится региональная конкуренция, заключается в контроле над энергетическим потенциалом Каспийского и транзитным потенциалом Черноморского региона, являющегося частью большого Балкано-Черноморского региона и перспективой «глобальных Балкан от Суэца (Косово) до Синьцзяна», прямо включающих в себя Среднюю Азию и Казахстан. Здесь традиционная линия «сдерживания» России со стороны её южных границ дополняется западной линией «сдерживания» по Балтийско-Черноморско-Каспийской оси. И, самое главное, «сдерживание» России становится частью евроатлантического «сдерживания» арабского мира и Китая, Евразии в целом.

В практической реализации новых евроатлантических проектов вокруг «Закавказского коридора» Запад терпит экономические неудачи и испытывает дефицит времени: вложив средства в прокладку альтернативных коммуникаций, в том числе нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан и газопровода Баку – Тбилиси – Эрзрум, продвигая NABUCCO, вовлекая в «коридор» Казахстан и Туркмению, Запад не смог обеспечить гарантированных источников сырья для заполнения этих трубопроводов, а сами даже проектные объёмы транспортируемого сырья не имеют принципиального влияния на рынок энергоресурсов. Поэтому богатый природными ресурсами Казахстан становится объектом особого политического, военного и гуманитарного внимания Запада, главной целью которого является

«отрыв» Казахстана от России и Китая. Ясно, что наиболее реалистическим сценарием такого «отрыва» будет коммуникационная, экономическая и оборонная изоляция Казахстана в регионе. Тем более тяжёлыми для Казахстана станут последствия перевооружения его ПВО силами специалистов НАТО, ставящее под контроль НАТО весь запад Китая, территорию России вплоть до Ледовитого океана и страны Персидского залива, прямо угрожающего безопасности всех соседей Казахстана. В отличие от Узбекистана и Киргизии, в Казахстане ещё не до конца осознали перспективу своего превращения в «разменную монету» стратегии «сдерживания».

При этом главным генератором политических конфликтов в регионе «глобальных Балкан» остаются не региональные силы, а сами США, именно — слабость США как безответственной внешней силы, плодами политики которой стали распад Ирака, активность Ирана, колебания Турции и наркотически-террористическая эпидемия из Афганистана.

## *2. Закавказье*

Сегодня приоритетной практической и тактической задачей Запада в регионе является реализация проекта Транскаспийского трубопровода, который мог бы подпитать трубопроводные артерии по линии Азербайджан – Грузия – Турция, а также загрузить перевалочные мощности грузинских портов.

Одновременно стратегически Запад активно выталкивает из региона Иран и Турцию, что делает их си-

туативными партнерами России. Тем не менее Турция оказывает огромное политическое влияние на ситуацию в Азербайджане, пользуясь, в том числе, и широкими общественными сетями. В свою очередь Иран, параллельно с ослаблением позиций России, наращивает присутствие в Армении, по сути дела превращаясь в фактор, гарантирующий безопасность республики.

После прихода к власти команды Михаила Саакашвили Грузия передала свой суверенитет США, взяв на себя роль полноценного буфера против России, препятствующего возможности наращивать её региональные интересы. Вывод российских военных баз из Батуми и Ахалкалаки, а также многолетняя массированная антироссийская кампания, развернутая Саакашвили, лишила Москву всяческого влияния в Грузии. В итоге Россия была вынуждена фактически отгородиться от региона, заблокировав транспортное сообщение через КПП на Военно-Грузинской дороге и порты Поти и Батуми. На протяжении всего этого периода единственный легальный сухопутный маршрут из России в регион проходил через Дагестан в Азербайджан и использовался в локальных целях.

Грузино-российские противоречия дали Западу большой лимит времени и широту маневра для наращивания влияния на политические системы этих стран. При этом стратегический диалог Запада с Азербайджаном строился в основном вокруг перспектив нейтрализации Ирана, а с Арменией — вокруг возможности вывода страны из орбиты России и разблокирования границы с Турцией. Ни одну из этих целей нельзя считать реализованной в полной мере, поскольку и Тегеран, и Анкара

старались не допустить чрезмерного усиления позиций Вашингтона.

Вместе с тем Запад добился значительного успеха, в частности включив все три страны региона в режим индивидуального сотрудничества с НАТО, а для Грузии четко зафиксировав перспективу включения в Альянс. США прямо заявили о том, что рассматривают регион в качестве территории для размещения элементов своей системы противоракетной обороны (ПРО). Территория Азербайджана уже предоставлена для реализации интересов американских РЛС и ВВС. В рамках подписанного между США и Азербайджаном соглашения о военно-техническом сотрудничестве, США планируют включить РЛС в Лерике и радиотелефонную наблюдательную станцию в Агстафе в состав радиолокационной сети «Кавказнет», которую они собираются создать на Южном Кавказе. США установили радары на территории Астаринского и Хызинского районов, модернизировали базу ПВО в Кюрдамире, участвуют в переговорах между Москвой и Баку вокруг перспектив использования Габалинской РЛС. Азербайджан старается время от времени успокаивать Тегеран, заявляя о том, что не предпримет действий против своего южного соседа, однако очевидно, что Иран одними заявлениями и обещаниями успокоить невозможно. Иран продолжает развивать военное сотрудничество с Россией в усовершенствовании системы ПВО и противоракетной обороны Ирана, в том числе путем поставок зенитных комплексов С-300. Россия балансирует эти шаги в вооружении Армении и Азербайджана. Тегеран ведет не только очевидную «экспансию безопасности» в Туркмению и Таджикистан, но и активнейшую разведывательную деятельность в Закавказье, не оставляет попыток создания

в Азербайджане групп влияния, объединенных в рамки религиозных течений. Региональная линия Ирана заключается в поддержании контуров оси Москва – Ереван – Тегеран, маневрировании во взаимоотношениях с Ереваном и Баку с использованием карабахского фактора. В этой ситуации слабым звеном, несмотря на особые связи с Ираном и Россией, подчинённым воле США, выступает Армения.

Если активная политика США в Закавказье ведет к напряженности в отношениях между Ираном и Азербайджаном, то напротив Тегеран и Ереван поддерживают между собой подчеркнуто конструктивный диалог. Для иранской стороны взаимоотношения с Арменией представляют важность в плане обеспечения рычагов давления на Баку и вообще сохранения присутствия в приграничном регионе, для Армении же Иран становится альтернативным полюсом обеспечения национальной безопасности.

В армяно-иранские энергетические проекты активнейшим образом вовлечена Россия. У Ирана, России и Армении ряд совместных масштабных проектов: железной дороги из Армении в Иран с участием РЖД, НПЗ на армяно-иранском приграничье с участием «Газпрома», доставки газа из Ирана к электрогенерирующим мощностям в Армении, находящимся в российской собственности, увеличения пропускной мощности электрических сетей для экспорта электроэнергии из Армении в Иран. При этом Тегеран старается поддерживать взаимоотношения и с властями Нагорного Карабаха, в том числе и осуществляя там ряд строительных проектов.

По обратной логике строятся турецко-армянские и турецко-азербайджанские взаимоотношения. Усилия Ва-

шингтона, нацеленные на примирение Еревана и Анкары и разблокирование государственной границы между двумя странами, не дали никаких результатов. Власти в Ереване прекрасно отдают себе отчет в том, что Анкара категорически не заинтересована в налаживании диалога с армянской стороной. Такая перспектива не устроит и Азербайджан, являющийся главной региональной опорой Турции и поставщиком углеводородов по турецким транзитным маршрутам. Можно констатировать, что США отказались от дальнейшего продвижения стратегии примирения, тем более что проявились разногласия между США и Турцией вокруг проблем Ирана и суверенизации Курдистана.

Итак, политика США и их союзников в Закавказье обрела практически консолидированное отторжение России, Ирана и Турции. Азербайджану, Армении и Грузии в конечном итоге придётся выбирать свой путь в зависимости от исхода этой позиционной борьбы: или строить собственную стратегию на свой страх и риск, или становиться «разменными монетами» американской стратегии «сдерживания», ответственность за которую не понесут ни США, ни Россия, ни Иран. Одним словом, выбор предстоит неудовлетворительный.

### *3. Косово навсегда*

Прецедент признания независимости Косово, как и следовало ожидать, привел к радикальному изменению ситуации в Закавказье, где тлеют три территориальных конфликта, включающих этнические и религиозные элементы.

Несмотря на то, что Азербайджан, Армения и Грузия до провозглашения и признания Косово заявляли, что урегулирование конфликтов в регионе развивается вне зависимости от исхода событий вокруг Косово, их поведение после появления косовского прецедента свидетельствовало об обратном. В частности, независимость Косово не была признана Азербайджаном, несмотря на обратное решение Турции. Даже проамериканское правительство Грузии отказалось последовать примеру Вашингтона и отказалось признать Косово. А власти Армении не исключили возможность признания Косово, несмотря на однозначно отрицательную позицию России и Ирана. Налицо ситуативное поведение Баку, Тбилиси и Еревана. Отрицая на словах «прецедентность» Косово, закавказские государства отнеслись к нему именно как к прецеденту, решив наполнить его каждый своим содержанием: Тбилиси – против Косово, ибо не хочет его международного повторения в Абхазии и Южной Осетии; Баку – против Косово, ибо не хочет такого же признания Нагорного Карабаха; Ереван — за, ибо борется, как минимум, за сохранение правосубъектности Карабаха.

Косово лишило Запад времени, маневра и чистого политического влияния в Закавказье. Здесь каждому теперь некуда отступать, каждый вынужден торопиться и подменять добровольное «союзнничество» с Западом примитивной торговлей: всем очевидно, что после Косово безопасности на всех не хватит.

После выхода из режима экономических санкций против Абхазии и решения об экономической поддержке Абхазии и Южной Осетии Россия, хотя не заявила о готовности признать Абхазию и Южную Осетию, ведет дело



к интеграции этих протекторатов: в момент вступления Грузии в НАТО, Абхазия и Южная Осетия должны быть полностью защищены от возможной агрессии со стороны Грузии.

Тем не менее при прямой военной помощи своих западных союзников Грузия усиленно готовится к военному решению конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. По мере приближения Олимпиады в российском Сочи (2014), Грузия будет наращивать военное давление в зонах конфликтов, шантажируя Россию срывом Олимпиады (и возобновлением этнического конфликта на Северном Кавказе путём изгнания осетинского населения из Южной Осетии).

Параллельно США и Европейский союз резко активизировали свои усилия по «мирному» внедрению в процессы урегулирования в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, предлагая местным элитам гуманитарные, политические и экономические выгоды от сотрудничества с Западом при «уравновешивании» роли России. Высшие должностные лица Приднестровья и Абхазии, оппозиция в Южной Осетии уже избрали западную риторику «многовекторности» внешней политики в качестве своей официальной доктрины. Таким образом они стараются снизить свою зависимость от конъюнктуры российско-американских и российско-европейских отношений. При этом, однако, реальных механизмов гарантий от тотальной «зачистки» капитулировавших государств и элит по югославскому сценарию Запад не предусматривает. Всё это стимулирует Грузию (и Молдавию) к отказу от мирного урегулирования.

Одновременно вся военная машина Грузии и военная помощь НАТО ей подчинены не только наступательной (Абхазия, Южная Осетия), но и тыловой роли Грузии в будущих действиях США против Ирана, а также в действиях радикальных исламистов на российском Северном Кавказе.

Азербайджан торпедировал многолетние усилия Минской группы (МГ ОБСЕ: России, США и Франции) по урегулированию нагорно-карабахского конфликта. В период острого внутривнутриполитического кризиса в Армении он добился в ООН принятия резолюции, резко ослабляющей позиции Армении вокруг Карабаха, заявил о возможности расформирования самой МГ ОБСЕ, предупредил, что признание Нагорного Карабаха Арменией приведет к войне.

При этом уровень угроз (со стороны Грузии) и весомость гарантий безопасности для Абхазии, Южной Осетии (предоставляемых Россией) несравнимы с реалиями Карабаха. Если бывшие грузинские регионы находятся в сфере ответственности миротворческих сил СНГ, населены российскими гражданами и граничат с Россией, то Нагорный Карабах выпадает из зоны контроля России. Единственным гарантом безопасности Нагорного Карабаха является член ОДКБ Армения. В последние годы Москва предпринимала усилия по включению Нагорного Карабаха в общий политический контекст с Абхазией, Южной Осетией и Приднестровьем, но это встретило неприятие Армении (в частности, на слушания в Государственной Думе РФ о перспективах урегулирования конфликтов, представители Степанакерта были приглашены, но не явились по рекомендации Еревана).

Россия уже дала знать, что война Азербайджана против Нагорного Карабаха не станет поводом для вступления в войну партнёров Армении по ОДКБ.

США заметно активизировали усилия по решению конфликта вокруг Нагорного Карабаха. В рамках МГ ОБСЕ были выработаны основные принципы урегулирования: армяне согласились вернуть Азербайджану пять (из семи) занятых районов вокруг территории бывшей НКАО, в которые вернутся азербайджанские беженцы, будут введены миротворцы из стран, не состоящих в МГ ОБСЕ, восстановлены коммуникации. Лишь затем начнется поэтапное решение вопроса о статусе Нагорного Карабаха: Нагорный Карабах обрел бы отложенный статус, окончательно оформленный в результате референдума через 10–15 лет (формат его проведения не конкретизировался). Ясно, что предложенный США вариант урегулирования в сложившейся ситуации может устроить только Армении. Вместе с форматом урегулирования с участием МГ ОБСЕ Азербайджан торпедировал и этот план, что ещё больше подтолкнуло Армению к НАТО.

После вывода российской военной базы из Ахалкалаки (населенного преимущественно армянами южного региона Грузии), Армения начала испытывать серьезные опасения перед перспективой создания плацдарма для скорейшего развертывания «северного фронта». Тому будет способствовать и реализация проекта строительства железной дороги Карс – Ахалкалаки – Тбилиси – Баку. Возможность блокады с севера — из Грузии — закрепит за Арменией позицию коммуникационного тупика, даже с учетом остающегося маршрута — через Мэгри (Армения) в Иран. Все это способствует популяризации в армянских кругах идеи

о том, что лишь Армения может стать эффективным партнером НАТО в регионе: ведь включение Грузии в НАТО обострит ситуацию вокруг Абхазии и Южной Осетии, углубит противоречия между НАТО и Россией, а членство Азербайджана в НАТО скажется исключительно на усилении региональных позиций Турции.

США будут наращивать давление на власти Армении (где остаются острым социальный протест и низким уровень доверия к власти) с целью вывода её из орбиты влияния Москвы. В ближайшее время США и ЕС примут участие в строительстве новой АЭС в Армении, что позволит воздействовать на энергетическую безопасность не только Армении, но и всех остальных стран региона, начнут активное продвижение на президентский пост экс-главы МИД Раффи Ованисяна. Дальнейшее обострение внутривластной ситуации в Армении (и предстоящие выборы президента Азербайджана Ильхама Алиева на второй срок) приведёт к дестабилизации в Карабахе. Поэтому Армения заинтересована в урегулировании под патронажем США, ибо экономически не в состоянии поддерживать статус-кво вокруг Нагорного Карабаха, а Азербайджан и Турция, Иран и Россия не заинтересованы в урегулировании по американскому сценарию.

Это вовлекает Россию в военные региональные конфликты в Закавказье, не обеспечивая ей, однако, приемлемых стартовых возможностей в этом регионе. При этом техническая военная готовность Грузии и Азербайджана к конфликтам очень высока, однако низко мотивирована в части личного состава. Появление среди российских миротворцев частей чеченского происхождения резко изменило психологическую картину ТВД в пользу России,

но не меняет её пассивного оборонительного замысла. Понимание катастрофических экономических последствий будущей войны в Карабахе оказывает также демобилизующее воздействие на готовность Армении к войне с Азербайджаном. Такая «война нервов» ставит перспективы войны в чрезвычайно милитаризованном Закавказье в зависимость не от стратегических, управляемых факторов, а от мало контролируемого «самовозгорания», перед которым одинаково уязвимы интересы региональных держав и трансрегиональных коммуникационных проектов.

Остаются неясными перспективы главного дестабилизирующего фактора в регионе — намерения США в отношении исламистского правительства Турции, создания независимого Курдистана, ядерной программы Ирана. Сдерживающим фактором для активности США являются крупные политические инвестиции Запада, вложенные в «Закавказский коридор», который в условиях войны может просто перестать существовать. Таким образом, конфликтная инициатива во многом находится в руках тех, кто взвешивает рентабельность двух конкурирующих технологий стратегического сдерживания России: (1) сдерживать рост её влияния путем диверсификации маршрутов доставки энергоресурсов в Европу (через Закавказье) — или (2) добиваться того же, взрывая её «подбрюшье» в зонах конфликтов в Закавказье с перспективой их переноса на Северный Кавказ.

Влияние первого сценария на реальный рынок энергоресурсов Европы преувеличено, а практика разжигания новой кавказской войны против России явно недооценена. Но слишком велико искушение глобального игрока вы-

строить «глобальные Балканы до Синьцзяна», чтобы мы могли полагаться на то, что его проевропейские симпатии перевесят его же антироссийские, антииранские и антикитайские комплексы.

#### *4. Средняя Азия*

В отличие от Закавказья, потенциальные вооруженные конфликты в Средней Азии являются не результатами старых, уже сложившихся, предпосылок, а событиями новой повестки дня, не реализованной в прошлом. Долгое время считалось, что главная экономическая пружина конфликтов лежит в проблеме водно-энергетического баланса, в котором главные источники воды и энергоресурсов (Таджикистан и Киргизия) одновременно являются беднейшими странами региона, а главные потребители воды и ресурсов (Узбекистан и Казахстан) — его лидерами. В этой ситуации все стороны водно-энергетического баланса видели в России естественного финансового, технологического и политического посредника в решении этого вопроса.

Сегодня, в условиях демографического кризиса (перенаселения) в Узбекистане, финансового кризиса в Казахстане, экономического, политического и энергетического кризисов в Таджикистане и Киргизии, наиболее острыми становятся противоречия не общеэкономического характера, а традиционного — миграционного, террористического, социального и регионального характера. Резко выросла роль новых внешних игроков в Средней Азии: Ирана, Китая, Афганистана.

Окончательно сформировались две экстерриториальные зоны конфликтов: афгано-таджикская граница и Ферганская долина, прямой коридор к которым имеет исламистский, террористический и наркотический трафик из Афганистана. Не менее активным участником событий в регионе становится Китай, непосредственно заинтересованный в «экспансии безопасности» в Среднюю Азию ради обеспечения внешней безопасности своего Синьцзян-Уйгурского автономного района, который является традиционной целью исламистов и новой целью активности США в Афганистане, Пакистане и Монголии. Существенно, что экономическая и иная активность Китая в сопредельных территориях Казахстана и в Киргизии опирается на практическое отсутствие регулярной границы между Китаем и этими странами, а, например, фактический оборот торговли между Китаем и Киргизией кратно выше торговли Киргизии с Казахстаном и Россией вместе взятыми.

Перед лицом внешней и внутренней слабости Таджикистана и Киргизии всё более «бесцеремонно» вынужден вести себя Узбекистан, выстраивая собственную пограничную систему. Казахстан мог бы составить в этом конкуренцию Узбекистану, но теперь вынужден перейти к глубокой стратегической обороне.

В течение десяти лет болевой точкой для Казахстана являлась граница с Узбекистаном. После распада СССР так и не была закончена делимитация границ в целом в постсоветском Туркестане, а советские границы не отражают особенностей исторического расселения этнических групп на территории региона. Потенциальные территориальные споры между республиками могут возникнуть из-за казахстанских городов Туркестан и Сайрам, узбекское население

которых составляет 70–80%. Растущая доля узбекского населения на юге Казахстана, юго-западе Киргизии, севере Таджикистана давно превратилась из проблемы этнического меньшинства в проблему преобладающего регионально-го этноса, не представленного в региональных и центральных органах власти (при этом сотни тысяч афганцев уже натурализовались в Таджикистане и представлены в местных органах власти). Ситуация усугубляется проблемой этнически окрашенного аграрного рабства, самозахватами городских земель, особой остротой земельного вопроса в сельской местности, создающего крайний дефицит земли в зонах со смешанным населением, массовой безработицей, постоянной угрозой голода и этнических конфликтов, растущим наркотрафиком (официально зафиксированный поток наркотиков из Афганистана в Таджикистан и далее вырос за последние годы в четыре раза). Во многих случаях радикальные исламистские движения в странах региона характеризуются моноэтничностью состава их участников.

Неизбежная проблема преемственности власти в Казахстане и Узбекистане и модернизации власти в Туркмении в ближайшие годы, крайняя слабость власти в Киргизии и Таджикистане, предельно низкая боеготовность вооружённых сил большинства стран региона делают их особенно уязвимыми перед внешними и внутренними угрозами применения силы.

Бегство избыточного населения из Ферганской долины в целом, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии в Россию и отчасти в Казахстан лишь отчасти снижает накал внутренних социальных проблем. Любые систематические меры по легализации и сокращению трудовой миграции в России и Казахстане будут иметь своим следствием



социальное банкротство государств в Таджикистане и Киргизии и дальнейшую суверенизацию их регионов. В полуофициальной идеологии безопасности Казахстана прямо указывается, что, после смены режима в Узбекистане, Казахстан станет главным объектом миграционной экспансии узбекского населения, которое не сможет ассимилировать, что чревато социально-этническим взрывом на юге Казахстана и вокруг Алма-Аты. В условиях традиционно конфликтных отношений Казахстана с Узбекистаном это неминуемо приведёт к спонтанным военным действиям вдоль границ. Фактическая капитуляция Киргизии как суверенного государства в проекте Центральноазиатского союза (ЦАС) перед политической и экономической экспансией Казахстана, который, несмотря на экономические трудности, прямо претендует на фактический аншлюс Киргизии, приближает территориальный раскол страны на две части: Юг, в котором этнически, политически и экономически будет доминировать Узбекистан, и Север, который станет протекторатом Казахстана. Здесь следует ожидать повышения уровня террористической угрозы из Афганистана и особой экспансии Китая. В перспективе конфликта, например, в Ферганской долине это приведёт к его растущему вмешательству в собственно военную систему безопасности.

Близкая к капитуляции стратегия Таджикистана как младшего партнёра «персидского блока» (Иран – Таджикистан – Афганистан) не гарантирует его от острого столкновения с Узбекистаном и растущей опасности инфильтрации Афганистана в его внутренние процессы, что делает более чем реальным раздел страны между внешними игроками и длительный период военной нестабильности.

## ***5. Потенциальные вооруженные конфликты в Закавказье и Средней Азии***

### ***Высокая вероятность и интенсивность:***

- **Кодорское ущелье – Гальский район – Очамчира:**  
Грузия – Абхазия (с участием России)
- **Цхинвал – Джава:**  
Грузия – Южная Осетия (с участием России)
- **Нагорный Карабах – Нахичевань:**  
Азербайджан (с участием Турции) – Армения
- **Ош:** Киргизия – Афганистан
- **Ферганская долина:**  
Афганистан – Узбекистан – Киргизия – Таджикистан
- **Ходжент:** Узбекистан – Таджикистан

### ***Средняя вероятность и интенсивность:***

- **Вахш – Памир:** Афганистан – Таджикистан
- **Джалалабад – Ош:** Узбекистан – Киргизия
- **Дербент:** Азербайджан – Россия
- **Ленкорань:** Азербайджан – Иран
- **Чимкент:** Узбекистан – Казахстан

### ***Низкая вероятность и интенсивность:***

- **Ахалкалаки:** Грузия – Армения
- **Астрахань:** Россия – Казахстан
- **Алтай:** Россия – Казахстан
- **Чуйская долина – Иссык-Куль:**  
Казахстан – Киргизия

*В. К. Акопян, М. А. Колеров*

*Апрель 2008*

**«Концепция внешней политики России»  
ставит новые акценты  
в отношении стран б. СССР**

Утверждённая президентом России Дмитрием Медведевым новая «Концепция внешней политики Российской Федерации» содержит некоторые новые публичные акценты в отношении политики России на постсоветском пространстве.

Во-первых, прямо и недвусмысленно заявлено, что ползучая «историческая» реабилитация нацизма и агрессивного национализма на постсоветском пространстве не связана с интересами науки, а является частью целенаправленной политики Запада по «сдерживанию России» — «Реакция на перспективу утраты историческим Западом своей монополии на глобализационные процессы находит свое выражение, в частности, в инерции политико-психологической установки на «сдерживание» России, включая попытки использовать в этих целях избирательный подход к истории, прежде всего к истории Второй мировой войны и послевоенного периода. (...) Необходимо обеспечить условия ученым для профессиональной работы по установлению исторической правды, не допускать превращения историчес-

кой темы в инструмент практической политики. (...) твердо противодействовать проявлениям неонацизма, любых форм расовой дискриминации, агрессивного национализма, антисемитизма и ксенофобии, попыткам переписать историю и использовать ее в целях нагнетания конфронтации и реваншизма в мировой политике, подвергнуть ревизии итоги Второй мировой войны».

Во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что отношения со странами Прибалтики и «новой Европы» уже не погружаются полностью в рамки отношений с Европейским союзом. Отмечая параллельные отношения с ЕС двусторонние отношения России с Германией, Францией, Италией, Испанией, Финляндией и другими странами «старой Европы», Концепция адресует и прямо к Латвии, Литве и Эстонии, но (помимо детально прописанного выше отказа от реабилитации нацизма) требует от них лишь соблюдения прав русскоязычных и Калининградской области.

В-третьих, Концепция окончательно трансформирует свою философию СНГ как неполитической организации, как «форума» для всего лишь «политического диалога» и, главное, «механизма сотрудничества с приоритетами в сферах экономики, гуманитарного взаимодействия и т.п.». Концепция переводит отношения со странами СНГ на рыночные основы: «Россия подходит к торгово-экономическим связям с государствами — участниками СНГ... придерживаясь рыночных принципов в качестве важного условия развития подлинно равноправных взаимоотношений...». При этом Россия теперь уже и концептуально рассматривает СНГ как своеобразное лоно для новой, избирательной интеграции с теми, кто «проявляет готовность

к стратегическому партнёрству и союзничеству», а именно с Белоруссией и Казахстаном в рамках ЕврАзЭС и другими государствами в ОДКБ.

Здесь стоит обратить особое внимание на то, что теперь задачи строительства Союзного государства с Белоруссией также переводятся на рыночные основания, хотя и звучат с меньшей долей уверенности: «продолжать согласованную линию на создание условий для эффективного строительства Союзного государства» — «через поэтапный перевод отношений между Россией и Белоруссией на рыночные принципы в процессе формирования единого экономического пространства». При этом остаётся непрояснённой перспектива такой неоднократно декларированной задачи ЕврАзЭС, как «механизма содействия реализации крупных водноэнергетических и инфраструктурных проектов». Если в случае с инфраструктурными проектами в контексте активной энергетической политики России в Евразии вопросов не возникает, то в части «водноэнергетических», то есть клубка проблем вокруг энергобаланса и потребления воды между Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией и, главное, коммерческим смыслом участия в них России, — сегодня гораздо больше вопросов.

Важно и то, что в отношении ОДКБ Концепция делает акцент на интеграционной функции ОДКБ и, главное, её приоритете в Евразии перед лицом экспансии НАТО, задачи «превращения ОДКБ в стержневой институт обеспечения безопасности» в регионе. Забота о такого рода восстановлении веса ОДКБ прямо стимулируется предельно однозначной формулой: «Россия сохраняет отрицательное отношение к расширению НАТО, в частности к планам приема в члены альянса Украины и Грузии, а также к приближению военной

инфраструктуры НАТО к российским границам в целом» (хотя на очевидное противоречие между натовскими перспективами Грузии и Азербайджана и членством Армении в ОДКБ нет ответа).

Внятно и отношение России к неназванному ГУАМ и прочим Балтийско-Черноморским схемам на пространстве б. СССР: эти «субрегиональные образования и иные структуры без российского участия на пространстве СНГ» будут оцениваться в Москве не по декларациям, а по «их реальному вкладу в обеспечение добрососедства и стабильности, их готовности на деле учитывать законные российские интересы и уважать уже существующие механизмы сотрудничества, такие как СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, а также Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)». Если учесть, что не только практика, но и зашкаливающая риторика этих ГУАМов — лапидарно антироссийские, что и созданы они именно для того, чтобы на земле было меньше следов СНГ и ШОС, то легко угадать, что любви и уважения в Москве к ним не будет.

Чистым приговором выглядит в этом контексте пожелание, прозвучавшее в Концепции: «В этом русле будут выстраиваться подходы России к... взаимодействию в Черноморском и Каспийском регионах на основе сохранения индивидуальности Организации Черноморского экономического сотрудничества и укрепления механизма сотрудничества Прикаспийских государств». Одним словом, чем больше они будут увлекаться какой-то «неиндивидуальной», однотипной борьбой за «ценности» транзита и антироссийских «альтернативных маршрутов», тем меньше их будут слушать в Москве.

В-четвёртых, более чем откровенно обозначены угрозы, исходящие для России с территории бывшего СССР, а именно — с Юга: «Первостепенными задачами являются нейтрализация террористической угрозы и наркоугрозы, исходящих с территории Афганистана, недопущение дестабилизации обстановки в Центральной Азии и Закавказье». Напомню, об этом подробно писал ИА REGNUM в своём недавнем докладе «Перспективы войны в Закавказье и Средней Азии». Концепция дважды возвращается к установлению источника этой угрозы: «углубляющийся кризис в Афганистане создаёт угрозу безопасности южных рубежей СНГ. Россия во взаимодействии с другими заинтересованными странами, ООН, ОДКБ, ШОС и иными многосторонними институтами будет прилагать последовательные усилия в целях недопущения экспорта терроризма и наркотиков из Афганистана...».

В-пятых, на мой взгляд, не вполне обоснованно Концепция позиционирует «многомиллионную русскую диаспору — Русский мир — в качестве партнера» внешней политики России, «в том числе в деле расширения и укрепления пространства русского языка и культуры». Дело в том, что, несмотря на всю успешность концепта «Русского мира», на практике не существует отдельной и консолидированной «русской диаспоры», и тем более у тех русских организаций, кто претендует на представительство «диаспоральных интересов», не существует никаких особых, отличных от полномочий национальных властей, возможностей для достижения гуманитарных и тем более экономических и политических результатов. Наиболее успешна в таком случае не мифическая (и рискованная) диаспоральная политика России, а сама Россия, с которой выгодно сотрудничать и тем, для кого узки рамки «этнографи-

ческой диаспоры», и тем, кто не относит себя к «Русскому миру», а просто считает себя поклонником Достоевского, Стравинского, Королёва, Путина и многонационального капитала России. Поэтому более реалистичной и важной выглядит в Концепции задача поддержки не «диаспоры», а всех и любых соотечественников в СНГ в части защиты «их образовательных, языковых, социальных, трудовых, гуманитарных и иных прав и свобод». Здесь, как говорят дипломаты, «потенциал», то есть груз нерешённых проблем почти неподъёмный, но касается именно миллионов, а не единиц «профессиональных русских», за которыми нет ничего, кроме их карьеры.

Наконец, обращает на себя внимание то, что высшее руководство России адекватно оценивает попытки политического диктата Запада в сфере экономических отношений, который чаще всего направлен на защиту противоречащего принципам рыночной экономики «экономического эгоизма» транзитных соседей и глобальных потребителей энергоресурсов России. Теперь Россия не только не пасует перед теми, кто намерен политически диктовать ей односторонние экономические правила игры, но и прямо готова к экономическому обеспечению своего политического суверенитета, «в соответствии с нормами международного права использует все имеющиеся в её распоряжении экономические рычаги и ресурсы, а также конкурентные преимущества для защиты своих национальных интересов»...

Одним словом, в отношении стран постсоветского пространства «Концепция внешней политики России», учитывая всю необходимую компромиссность и законную инерционность подготовки таких документов, как правило, даёт вполне внятные ответы на актуальные



события вокруг России. Конфликтный потенциал этих событий далеко не исчерпан, и конфликтная логика будет нарастать, но на западную теорию «сдерживания России», до сих пор служащую тестом на евроатлантическую лояльность для молодых постсоветских вождей, Россия вполне может ответить собственной национальной практикой «сдержанной силы».

*Июль 2008*

## **Статус-кво больше не будет**

ООН отказывается от международного права в урегулировании конфликтов. Именно так можно расценить смысл заявления специального посланника генсека ООН по проблеме Западной Сахары Питера ван Вальсума в интервью испанской газете País. Говоря о перспективах защиты государственности Западной Сахары (Сахарской Арабской Демократической Республики, САДР) от аннексии со стороны Марокко, представитель ООН проигнорировал тот факт, что САДР уже признана 80 государствами и самой ООН, хотя вот уже тридцать лет ведёт вооруженную борьбу против марокканской оккупации. Питер ван Вальсум сказал: «Необходимо соблюдать международное право, но нужно также иметь в виду и политические реалии в этом конкретном случае... можно, конечно же, получить моральное удовлетворение от того, что вы поддерживаете безусловным образом тех, на чьей стороне право, но нужно иметь в виду и то, что тем самым вы рискуете создать ложные надежды и продлить агонию». Одним словом, ООН цинично готова признать уничтожение государственности САДР и поглощение её Марокко, уверенная, что тридцатилетняя война, массы беженцев, сомнительные перспективы сосуществования сахарцев и марроканцев,

презрение к правам человека — даже политически ничего не значат. Победитель назначен: это — Марокко.

При этом политическая, а не правовая, логика действий ЕС, и отчасти ООН, по расчленению Сербии и суверенизации Косово также оперировала аргументами о «политических реалиях», главной из которых была десятилетняя партизанская война косоваров против сербов и «невозможность их дальнейшего сосуществования в рамках общего государства даже в рамках широчайшей автономии». Здесь война, беженцы и сосуществование политически значили то, что за всё заплатят сербы. Победителем было назначено Косово — созданное с нуля и без намёков на государственность в его истории. Косовары «не могли автономно сосуществовать» в рамках Сербии, но именно «сосуществовать» в рамках Косово принуждены теперь оставшиеся в Косово сербы — и уже не автономно, а в подчинении унитарного государства косоваров.

В эти дни Совет Безопасности ООН, как ожидалось, «не смог» выработать единой позиции по войне, геноциду и этническим чисткам, начатым в Южной Осетии Грузией. Уже третья война, начатая Грузией против осетин, десятки тысяч беженцев, патологическая жестокость в отношении мирных жителей осетинских сёл и Цхинвала вовсе не повод для ООН говорить о праве и «сосуществовании». Его решение не имеет правовой перспективы и опять будет вдохновляться цинизмом: «Необходимо соблюдать международное право, но нужно также иметь в виду и политические реалии... можно, конечно же, получить моральное удовлетворение... но вы рискуете создать ложные надежды и продлить агонию». Чьи надежды будут уничтожены на этот раз и чью агонию предрекает ООН?

Очевидно, что такое одноглазое международное «право» уже не может спасти от войны и гарантировать жизнь. Настоящее право, видимо, придётся заново строить здесь, на нашей земле, опираясь на жизненные интересы и права, а не на «стратегию по глобусу» или на «великой шахматной доске». Инструмент США — Саакашвили — закончил то, что начали США в Ираке и Косово и продолжила ООН в Западной Сахаре, — уничтожил единое международное право. Теперь уже настоящий, региональный баланс сил, интересов и прав, «политические реалии в конкретном случае» будут определять будущее Южной Осетии, Абхазии, Приднестровья, Нагорного Карабаха, а не высмеянное самой ООН «моральное удовлетворение».

А завтра, может быть, снова будет построено общее здание права.

*10 августа 2008*

**Новый Большой Кавказ:  
взаимное сдерживание без чужих.  
Чего уже нет и что может быть**

США грубо посоветовали Сирии даже не высказываться по поводу войны в Южной Осетии и ответственности Грузии за её итоги, а вместо этого заняться своими «региональными» проблемами. Очень точная и своевременная мысль: для Сирии одна из главных региональных проблем — союз Турции и Израиля. Именно той Турции, чьи военные, экономические, политические, особые аджарские и особые абхазские интересы тесно связаны с Грузией и её перспективами. Именно того Израиля, что до самых последних дней вооружал Грузию — агрессора, что ещё совсем недавно устами своего посла в Грузии утверждал, что геноцидом является только Холокост, но не геноцид армян в Османской империи, спасшихся некогда именно на территории нынешней Сирии и контролируемого ею Ливана.

Одним словом, у нас здесь — своя и очень сложная, историческая «региональная» драма. И не представителю другой стороны Луны, без сверки с глобусом неспособному найти Сирию и Кавказ, выступать с методологическими указаниями. Однако главное США невольно подметили верно: новый Кавказ, в Южной Осетии и Грузии ставший

жертвой американской провальной игры в «контролируемый конфликт», уже не может позволить себе оставаться полем для провокаций посторонних, даже очень заинтересованных, сил. Балканы — смогли, Кавказ — нет.

Речь идёт о необходимости новой системы безопасности Кавказа, которая — независимо от дипломатических побед и поражений, количества новых войн и геноцидов — ради элементарного выживания региона как сложнейшего этноконфессионального и политического единства требует категорического исключения «глобальных» игроков, не связанных жизненно и физически с судьбой Кавказа.

Именно эти «глобальные» некомпетентные игроки то вынуждают премьер-кандидата Украины Тимошенко подписать своим политическим именем изготовленную из известной «длинной телеграммы» Кеннана и едва ли не гитлеровских передовиц американскую статью «Сдерживание России», то всё ради того же «сдерживания» высаживают десант гастрوليрующих вдали от собственных проблем лидеров Прибалтики, Польши и Украины в Тбилиси, то склеивают нищую Молдавию с зажиточным Азербайджаном во внутренне не мотивированный ГУАМ. Столь же сомнительным было бы субсидированное, например, Индонезией «сдерживание» Аргентины через включение соседнего Парагвая в проиндонезийский союз имени острова ЯВА...

На Кавказе и без таких игроков безусловна необходимость в рациональном сдерживании государств региона, которое может быть только взаимным и полным взаимной ответственности за Кавказ. Любое сдерживание извне — уже его противоположность, манипуляция.

Завершая предисловие к нижеследующим тезисам, я хочу отметить, что они развивают и расширяют подход к новой системе безопасности Кавказа, систематически

изложенный главным редактором ИА REGNUM Вигеном Акопяном<sup>1</sup> в статье «Смертельные враги Грузии»: в составе трёх лидеров (России, Турции, Ирана) и трёх «средневе-

<sup>1</sup> «Безопасность на Южном Кавказе лопнула, словно воздушный шарик, который усердно надуют. Причем, как правило, надующий и получает шлепок по носу лоскутками лопнувшей резинки. События, произошедшие в период с 8 по 12 августа 2008 года в Южной Осетии — логический итог продолжительного накачивания напряженности в регионе, которое подробно описывает ИА REGNUM на протяжении 5 лет. О том, что активное вовлечение «нерегionalной силы» в острые и конфликтные региональные вопросы чревато катастрофическим по последствиям взрывом, неоднократно заявляли, в частности, представители Ирана — государства, на протяжении тысячелетий принимающего участие в судьбе Кавказа, досконально знающего нюансы и тонкости кавказских проблем. Говоря о нерегionalных игроках, Тегеран, естественно, подразумевал США, которые — опять же за 5 лет — превратили Грузию в полноценный военный плацдарм, успели укрепиться в Азербайджане и Армении. Опасения Ирана не лишены здравого смысла. Если «оснащенную и обученную» американцами грузинскую армию пришлось усмирять России, то чем завершатся направленные против интересов Ирана маневры США в Азербайджане и Каспийском бассейне, а также «миротворчество» американцев в карабахском конфликте и армяно-турецких разногласиях, приходится лишь догадываться. Осознавая все эти риски, иранская сторона в свое время предложила, как представляется, весьма жизнеспособный формат обсуждения проблем Кавказского региона — «3+3», с участием России, Ирана и Турции, с одной стороны, и Азербайджана, Армении и Грузии — с другой. Во всяком случае, диалог в таком формате позволил бы создать сбалансированную систему сдержек и противовесов, учитывающую интересы как крупных региональных центров — Москвы, Тегерана и Анкары, так и «средневесов» — Баку, Еревана и Тбилиси. Активное вмешательство Вашингтона в кавказскую политику, в некоторой степени подстегнувшее страны Евросоюза к столь же проактивной роли в регионе, вызвало ревность традиционных центров силы и неестественно натянуло внешнюю политику трех республик Закавказья. В целом, политическая и ментальная конфигурация в регионе, никогда не отличавшаяся особой статичностью, оказалась сильно деформирована. Венцом деформации региональной военно-политической картины можно считать западную контрверсию иранской инициативы. В видении Запада, место ведущих государств региона — России, Ирана и Турции — в формате «3+3» должны были занять три республики Прибалтики — Литва, Латвия и Эстония. Таким образом, речь шла о совершенно абсурдной попытке «извлечения» республик Южного Кавказа из их естественного политико-географического ареала. Наблюдая за риторикой посетивших Тбилиси в этот сложный для государства период президентов стран Прибалтики, с ужасом понимаешь, как же они могут отравить информационный эфир, скажем, в случае осложнения ситуации вокруг Нагорного Карабаха. На данном этапе утешает лишь одно — развить реальную активность прибалтийские политики смогли лишь в Грузии — ни Армения, ни Азербайджан подобного карт-бланша им пока не давали. Сегодняя трагедия Грузии: во многом результат лоббистской и дипломатической активности стран Прибалтики, той же Польшы и Украины, не адекватной серьезности проблем региона — и на самом деле, не имеющей ничего общего с национальными и историческими интересами самого грузинского государства. В этом контексте солидарность с Россией в связи с ситуацией вокруг Южной Осетии, выраженная 13 августа премьер-министром Турции Реджепом Тайином Эрдоганом, лишь подтверждает принципиальное неприятие турецкой стороной такого технологического вторжения. Очевидно, однозначная позиция по этому поводу есть и у Тегерана. Таким образом, Россия, Турция и Иран, при всей сложности истории взаимоотношений этих государств, не будут и не смогут спокойно наблюдать за стараниями США и ЕС вклиниться в этот регион и создать здесь силовые механизмы контроля. (...)» (REGNUM. 15 августа 2008).

сов» (Азербайджана, Армении, Грузии). Итак, в результате войны в Южной Осетии: чего уже политически не существует на Кавказе и вокруг него? Что может быть политически нового? На какие вопросы нет очевидных ответов?

### *Чего уже политически нет и не будет?*

1. Содружества независимых государств
2. ГУАМ
3. «Балтийско-Черноморской дуги» от Прибалтики до Каспия
4. Организации Черноморского экономического сотрудничества и подобных
5. Грузии, включающей в себя Абхазию и Южную Осетию
6. Азербайджанского блицкрига в Нагорном Карабахе
7. Азербайджана, включающего в себя армянский Нагорный Карабах
8. Транзитных коммуникационных коридоров из Каспийского моря в Чёрное и Средиземное через территории Азербайджана и Грузии
9. Альтернативной роли Азербайджана, Туркмении и Казахстана в поставках энергоносителей на Запад
10. Участия Болгарии, Румынии, Украины, Молдавии в проблемах Кавказа
11. Русского сепаратизма в Крыму
12. Проекта объединения Адыгеи и Краснодарского края России



***Что может быть политически нового?***

1. Признание Россией Южной Осетии и Абхазии
2. Признание Арменией Нагорного Карабаха
3. Признание Азербайджаном Турецкой республики Северного Кипра
4. Федерализация Грузии без Южной Осетии и Абхазии — с автономизацией, кроме Аджарии, как минимум, Квемо-Картли (Борчалы)
5. Ассоциированные отношения Южной Осетии с Россией (Северной Осетией)
6. Система региональной безопасности, созданная Россией, Турцией и Ираном
7. Система региональной безопасности стран Каспийского моря
8. Система региональной безопасности России, Турции, Ирана, Армении, уравновешенная членами НАТО: Азербайджаном и Грузией (и Арменией? ).
9. Система региональной безопасности России, Турции и Ирана, включающая Азербайджан, Армению, Грузию.
10. Система региональной безопасности России, Турции, Ирана, Азербайджана, Грузии, Армении, включающая Абхазию и Южную Осетию (и Нагорный Карабах? )
11. Союз Армении и России по аналогии с Союзом Белоруссии и России
12. Признание США независимости Иракского Курдистана
13. Федерализация Украины
14. Конфедерация Молдавии и Приднестровья

*На что нет ответа?*

1. Восстановится ли единый фронт Турции и Азербайджана в отношении Грузии?
2. Насколько стабильным и перспективным будет альянс Турции и Ирана, особенно против Курдистана?
3. Когда вступят в НАТО Грузия и Азербайджан?
4. Вступит ли в НАТО Армения?
5. Когда будет реализован промежуточный план карабахского урегулирования «мир за земли»?
6. Гарантирует ли новая система безопасности коридор из Азербайджана в Нахичеванскую автономию по аналогии с Лачинским коридором в Карабах или протектором Нахичевани останется Турция?
7. Когда политически реализуется крымско-татарский сепаратизм в Крыму?
8. Станет ли Турция вторым, после России, гарантом безопасности независимой Абхазии?
9. Какие новые цели определит себе радикальное исламское и иное диверсионное подполье на Северном Кавказе России, а также в Абхазии?

21 августа 2008

## **После победы, накануне войны: принуждение к власти**

*Война в Южной Осетии резко ускорила историческое время, переживаемое Россией. И не только потому, что многие конфликтные прогнозы и предупреждения, о которых твердили обществу добровольные «ястребы» против многочисленных конъюнктурных «голубей», оправдались.*

Бог миловал Россию: высшая государственная власть спасла страну от самого страшного преступления, которое только может преследовать всех живущих и действующих на Кавказе, — от слабости. Принуждение к миру, совершённое Россией в Грузии, спасло осетин и абхазов от уничтожения, отодвинуло от всех нас мучительную «войну всех против всех» на Северном Кавказе, сохранило целостность нашей страны, прекратило отвратительную ложь бесхребетного «партнёрства», которую так исторически долго, больше двадцати лет, была вынуждена терпеть страна, отступая перед цивилизаторами-расистами, гитлеровскими коллаборационистами и воспитателями Бен-Ладена.

Глобальный финансовый кризис, начавшийся в США, уничтожил инвестиционно-банковский бизнес, а вместе с ним — и саму «философию капитализации», когда цена экономики любой страны прямо зависит от медийной упаковки, от того, что увидела в своём телевизоре американская пенсионерка. Желтизна съела свой собственный капитал. Самодостаточный, охамевший американский PR остался наедине со своей упаковкой, которая из-за какого-то странного провинциализма всё ещё считается убедительной в Старом Свете и в России, особенно в дипломатической их части.

Время изменило свой ход потому, что исторический опыт России слишком обилен классическими примерами переменчивости судьбы, когда завоёванное русским оружием — в пыль уничтожалось русской дипломатией, в бессмыслицу забалтывалось русской бюрократией, в литературный анекдот превращалось русскими «пикейными жилетами». Победа в пятидневной войне, одержанная Россией в самый острый момент общенациональной опасности, за которой внятно для всех вырисовывалась близкая катастрофа, была спасением, но не окончанием драмы. Драмы впереди. И от них так же не спасёт «партнёрская» вежливость.

Так насильники, шутя, всё ближе ходят кругами над жертвой, пока она, в безумной надежде на случай, стесняется сопротивляться. И становятся истребительными машинами, как только жертва осмеливается на сопротивление.

Привыкнув смотреть на происходящее внутри страны из её постсоветского контекста, я с явным удивлением вос-

принимал оживившиеся аккурат перед войной разговоры о внутривнутриполитической «оттепели». Казалось отчаянным солипсизмом — здесь, перед лицом наступающих вокруг наших границ с своей машинной логикой войн — кому-то вести речь о демобилизации, «либерализации» и «оттепели» государства. Но это не болезненный солипсизм, а предательство — новые вызовы требуют новой мобилизации, для которой нерушимый блок «голубей», бюрократов смутного времени и «пикейных жилетов» — может быть, в лучшем случае, лишь пассажиром.

«Мир ловит» нас в статику победы ли, нарушений ли статус-кво, но мы не имеем права остановиться — мы не можем «отличать» этой победы от поражения. Потому что мир для нас становится более справедливым, но менее комфортным. Достойная жизнь вообще дискомфортней самоубийства.

Мобилизация присутствия России в Евразии не может быть исчерпана ни дипломатией, ни обороной, ни модным, но быстро устаревающим, мифом глобализации и «гуманитарного обмена». Само экономическое преимущество России здесь, теперь, после того как глобальный финансовый кризис открыл уничтожающий «огонь по (финансовым) штабам», к счастью, отвязалось от пиарной пуповины капитализации. Когда рыночный мир бежит от ценных бумаг — инвестируя в технологии и материальные ресурсы, Россия успешно может только на своем континенте завязывать узлы новых валют с логистикой инфраструктуры, транзитом, трафиком рабочих рук и знаний.

Вот именно знания о том, что окружает нас у наших границ и адекватная знаниям власть России на постсовет-

ском пространстве — более всего в дефиците. В наличии — этнографическая пропаганда, советская информационная война, псевдокультурное доминирование жёлтой прессы, рассказывающей о России на языке гламура, криминальной хроники и софт-порно, ничтожный экспорт образования, непреодолимая ксенофобия миграционной политики, брежневские поцелуи «друзей», минимальная, даже в минимуме своём скупленная западными и восточными грантами, наука о тех, кто нас окружает. Кто сам в себе, для себя и для нас, таит новую угрозу.

*Сентябрь 2008*

## **Плевна навсегда. Инфляция эксклюзива**

### **1.**

*На* Старой площади Москвы, рядом с ведомствами, ведущими круглосуточную борьбу за интересы народа, вот уже 120 лет стоит часовня-памятник тысячам русских воинов, 130 лет назад пожертвовавшим жизни в бою под болгарской Плевной, и выжившим, пожертвовавшим на эту чугунную часовню свои гроши. Когда эта часовня возводилась, все политические результаты кровавой и победной русско-турецкой войны 1877–1878 годов за освобождение Болгарии были уже безвозвратно потеряны русской дипломатией и на Балканах, и в самой Болгарии. Это памятник славы русского оружия и поражения русской дипломатии. Потому он лишён помпезности и не любим пропагандой.

Когда Россия только ещё начала побеждать в августовской войне 2008 года, единственным содержанием которой была защита осетинского народа и вместе

с ним — защита себя самой от резни, подготовленной, профинансированной и совершённой шакалами «европейских ценностей», каждый русский человек, в чьём историческом и культурном сознании живы 1878 год и его трагический доброволец Всеволод Гаршин, спрашивал себя: что теперь будет и с этой победой?

После 1878 года были дипломатическая капитуляция на Берлинском конгрессе, уничтожившая большую часть плодов победы, ступор и конец Великих реформ, растущее разочарование левых, правых и центра, поиск выхода в «диктатуре сердца», 1 марта — убийство монарха и, на следующий год после поставления памятника Плевне, самоубийство Гаршина.

В русском историческом сознании слишком живы все эти итоги войны за освобождение Болгарии, чтобы оно не сравнивало их с войной за защиту и освобождение Южной Осетии, с итогами признания независимости Абхазии. Мы, свидетели и участники двадцатилетнего унижения России, слишком хорошо знаем, что, сколь бы ни были катастрофическими экономические итоги советской власти, как бы убийственна ни была для СССР и затем России агрессивно-невнятная смесь национальной политики, главным инструментом нашей капитуляции была именно дипломатия, каста государственных служащих, в наименьшей степени связанная с жизнью своей страны и жертвами её народа. Эта капитуляция сформировала такие внешние условия новой России, которые не только идейно и территориально поставили её на грань выживания, но и функционально почти лишили её права на самозащиту, *ultima ratio* любой политики.



Но и эти последние, в условиях недавней России едва ли не равные смелости кролика, припёртого к стене, «кроличьи» аргументы самоотверженной самозащиты — только начало ежедневной мучительной работы, столь мало любимой русскими бюрократами, готовыми героически умирать, но крайне мало способными мужественно жить. Мы боимся, что русская дипломатия в очередной раз принесёт победы своей армии и страны в жертву своему «европейскому» комфорту. И Плевна станет памятником новым «победам».

## 2.

Мучительный блеск постсоветской бюрократии, немым стадом дождавшейся политической воли лидеров страны к элементарной самозащите, слишком памятен нам из августа 2008 года. Пока год за годом, в пятидесятикратном увеличении только прямых военных расходов Грузии, на Россию надвигалась большая кавказская катастрофа, перед лицом которой почти любое решение было наихудшим — и отступление с Кавказа на Волгу и Дон, и демонстрация силы без её применения, — почти не было бюрократических голосов, которые бы хоть отчасти резонировали с общественным предчувствием катастрофы. И общество не может не видеть, что единоголосный бюрократический хор прозвучал не тогда, когда президент, премьер, армия и русское общество начали войну за Осетию и Россию, а лишь когда победа стала фактом.

Бюрократический хор остался хором, а не системой мужественных усилий. Иначе август и сентябрь 2008 года не стали бы временем беспрецедентного мемуарно-медийно-аналитического бенефиса первых лиц государства, Медведева и Путина — первых лиц, а не государства. Иначе не пришлось бы им лично, а не десяткам ведомств и тысячам специально обученных чиновников, в нарушение привычной и для Запада, и для России меры откровенности и дозы присутствия, эксклюзивно выступать едва ли не перед всеми разновидностями аналитической мысли, СМИ, корпораций. Торговать таким эксклюзивом, вступать в игру с такими джокерами, разумеется, беспроигрышная стратегия для мелких игроков административного рынка.

Вот только на следующий день она превращается в полууспешную тактику просвещения лидером страны уже не корпораций, а каждого немецкого дурака с телекамерой, чьи фаршированные «европейскими ценностями» мозги хорошо дополняются европейской телецензурой. Что поделаешь? Там, где бюрократический хор сменился бюрократической Плевной, эта инфляция безальтернативна.

### 3.

Адвокаты Сталина всегда испытывают неудобство перед лицом миллионных жертв сталинского СССР. И напротив, хорошо чувствуя эту кровь и проводя прямую аналогию между *советским, сталинским и русским*, шакалы «европейских ценностей» уверенно соревнуются в подсчётах всё большего числа жертв: 5, 10,

20 миллионов жертв голода, 15, 50, 70, 100 миллионов «жертв русского коммунизма»... Бесчувствие к смерти, по железной логике массовой культуры и пропаганды, уже выродилось в инфляцию морали и права. Именно поэтому в единый подсчёт «жертв сталинизма» какой-нибудь польско-французский интеллигент, не дрогнув, включает советских людей, погибших в бою против Гитлера и даже — уничтоженных Гитлером в плену. Именно поэтому для них убийство по национальному признаку одного миллиона человек — геноцид, камлание и каждение, а такое же убийство одной тысячи — повод для «терминологической дискуссии».

Вынужденное самопожертвование советского народа на полях Великой Отечественной, конечно, не «преступления советской власти» (которой и без этой войны во всей будущей человеческой истории придётся вымалывать баланс зла и справедливости). Но глубоко аморальны усилия адвокатов Сталина, поклонников Жукова и т. п. изобразить командирскую некомпетентность штыковых атак, презрение к «лагерной пыли», готовность покрыть поля боя миллионами до сих пор не похороненных солдат — «жертвенностью» народа. Морально несомненная жертва народа не оправдание власти. Посылая на смерть и страдание, каждый человек сам разбирается со своим Богом. Но чем больше за каждым решением жертв, тем меньше простора для оправдания. И чем более напрасными стали эти жертвы, тем меньше оправдания тем, кто не смог защитить то, ради чего они были принесены.

Геноцид, пережитый осетинским народом на пути к самоопределению, не оправдание той дипломатии,

что в хороводе шакалов, ведущих терминологический спор, не может защитить эти жертвы от инфляции и предательства.

*Сентябрь 2008*

## **Мюнхен-1938 и Грузия-2008: европейские «скелеты в шкафу» и «раздираемый Кремль»**

*В* Москве магнитные бури, толкающие на противоречивость. Отвратительный юбилей Мюнхена-1938 одних заставляет сосредотачиваться перед угрозой новой «холодной войны» и кризиса, а других — паниковать, тщетно ища баланса между национальными интересами и надеждой «не втягиваться в конфронтацию».

В Москве недовольны заявлением одного из архитекторов европейского порядка 1990-х годов, нынешнего министра иностранных дел Швеции Карла Бильдта о том, что в августе 2008 года Россия якобы так же напала на Грузию, как Гитлер — на Чехословакию осенью 1938-го. Мне удивительно это удивление. Точно такое же заявление президента Литвы, ветерана гитлеровских войск Валдаса Адамкуса эмоций почему-то не вызывало. Москве впору перекреститься, что выглядящую сегодня вполне умеренно оборонительную Мюнхенскую речь Путина 2007 года они не приравнивали к Мюнхенскому сговору. Не приравнивали **пока** — пока не закончена их истори-

ческая чистка, которая снимет с США, Великобритании и Франции ответственность за начало Второй мировой войны и вооружение Гитлера. Её цель хрестоматийна: избавиться от своих многочисленных «скелетов в шкафу», назвать бывшее небывшим, а профашистскую практику «санитарного кордона» против СССР — средоточием «европейских ценностей».

«Санитарный кордон», созданный в 1920–1930-е гг. демократическим Западом против СССР, почти исключительно состоял из фашистских, полуфашистских и авторитарных государств, которым точно так же «позволялись» этнократия, агрессивный национализм и локальный империализм, как это сегодня позволено Ющенко и Саакашвили. Империализмы «Великой Финляндии» Маннергейма, «Великой Румынии» Антонеску, польского «Междуморья» Пилсудского, диктатуры Сметоны в Литве, Ульманиса в Латвии, Пятса в Эстонии, Хорти в Венгрии, соратники по Мюнхенскомуговору Гитлер и Муссолини — вот кто были главными бойцами «европейских ценностей» в глазах Франции и Великобритании. Кое-кто из европейцев сейчас ищет индульгенции в том, что после мюнхенский, антигитлеровский британский лидер Черчилль осудил-де Мюнхенскийговор. Но это не мешает им, адвокатируя коллаборационистов Гитлера, игнорировать прямо адресованную им формулу Черчилля от 22 июня 1941 года: «Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги».

Двусмысленные «европейские ценности» отнюдь не случайно так легко позволяют Ющенко — реабилитировать соучастников Гитлера, Саакашвили — присягать Сталину и Берии, а в здравствующем музее Сталина в Гори — откры-

вать экспозицию о своих подвигах в Южной Осетии. У них — историческая глубина. Почти ежегодные уступки Запада Гитлеру и Муссолини, карт-бланш на милитаризацию, аншлюс Австрии весной 1938-го, оккупацию Албании — все эти последовательные шаги «умиротворения агрессора» были сделаны вовсе не СССР, точно так же как последовательное натовское «умиротворение» Саакашвили путём его усиленной милитаризации были сделаны не Россией.

Мюнхенский сговор демократических Великобритании и Франции с нацистской Германией, фашистской Италией (и союзной им империалистической Польшей) — расчленение Чехословакии, изоляция СССР и подталкивание Гитлера к нападению на СССР — очевидное и настоящее начало Второй мировой войны, которое лишь «европейцы» стесняются так называть. Именно поэтому, не имея пока сил назвать сговор «торжеством цивилизации», его исторические авторы не будут исследовать его юбилейные обстоятельства. Сегодня смесь демократического и русофобского Запада идёт дальше — к объявлению годовщины вынужденного «Мюнхенским сговором» пакта Молотова – Риббентропа (23 августа 1939) Днём памяти жертв сталинизма и нацизма (решение Европейского парламента от 22 сентября 2008). Всё идёт к тому, что в юбилейном 2009 году на СССР и его государство-продолжатель Россию возложат вину за Гитлера.

И только отчаянные невежи могут удивляться заявлениям Карла Бильдта. Им, невежам, уже с доставкой на дом — транслируют будущую логику обвинений. Вот о Мюнхенском сговоре нам рассказывает научный руководитель парижского Центра международных исследований Национального фонда политических наук Пьер Асснер

(«Независимая газета» от 29 сентября) — нет, не о Франции, выдавшей Гитлеру Чехословакию. Вовсе нет: «Посмотрите, как меняется политика России: всего несколько дней назад президент Медведев выступил с поправками к доктрине внешней политики, одна из которых касается права России защищать своих граждан, где бы они ни находились. Это заявление не может нравиться тем, кто знаком с историей судетских немцев, под предлогом защиты которых Гитлер аннексировал Чехословакию...».

Может быть, о поклоннике Сталина Саакашвили? Отнюдь: «Сегодня Путин одновременно примеряет на себя и одежды русского царя, и нового Сталина, и коммунистов». Может, о гитлеровском офицере, которого Ющенко юбилейно вознаградил званием Героя Украины? Напротив: «Сама мысль о том, что Украина или Грузия могут быть независимыми государствами, нестерпима для России... На ум снова приходит лишь Гитлер и Чехословакия. Тогдашняя риторика очень напоминает нынешнюю русскую. Многие в то время говорили о том, что Версальский договор несправедлив к Германии, что он унижает немецкое достоинство, что, наконец, чехи просто плохо обращаются с судетцами. Об осетинах тоже говорили, что грузины плохо к ним относятся».

Чему и кому удивляться? Тем, чья бюрократическая и политическая судьба сформирована Горбачевым, Шеварднадзе и Козыревым, следует честно принять как логический и должный итог своей любви — Саакашвили. Не следует ли как естественный результат принять и решение Европарламента от 22 сентября? Не хотят — магнитные бури. Удивляются Бильдту, но страдают от непонимания в собственной стране.



В интервью французской *Le Nouvel Observateur* (25 сентября) председатель комитета Государственной Думы по международным делам Константин Косачев, согласно прозрачной самопрезентации, «присутствующий даже на самых закрытых совещаниях», жалуется: «В высших властных кругах многие высокопоставленные чиновники действительно считают, что Россия должна изолироваться, рассчитывать только на свои ресурсы... И эти люди с каждым днем становятся многочисленнее и могущественнее... Почему?.. Запад так постарался, что теперь прозападно настроенным людям, как я... стало очень трудно заставить себя услышать». Француз резюмирует жалобу депутата: «По мнению Константина Косачева, ястребы сейчас в фаворе, недавние маневры в Южной Америке его слова вроде бы подтверждают. Косачев также считает, что Кремль, раздираемый между кланами, пока еще не решил, какой курс выбрать».

«Раздираемый Кремль» так долго был кремленологической мулькой, что формулировать вокруг неё повестку внутриполитической борьбы стали стыдиться даже политологи. Но вот изображение этого «раздора» в качестве главной пружины внешнеполитической повестки дня — это новый драматургический ход. Ход тем более интересный, что его озвучивают в Москве «европейцы», которые никогда прежде не жаловались на недопонимание, своё отсутствие на «закрытых совещаниях» и уж тем более не вступали в полемику со своим обществом в официозах. Конечно, их официоз пока не *Le Nouvel Observateur*. Драматургическая тревога с неутомимой регулярностью зазвучала с полос «Российской газеты». В номере от 30 сентября знатный толкователь намерений власти Леонид Радзиховский пишет, словно с Канарских островов, а не изнутри России, накрываемой из-за океана волной кризиса: «Сегодня, в абсолютно благо-

получной жизни, многие... торгуют ненавистью к Западу, к «врагам» и т.д. А общество, сытое, пока что вроде спокойное общество, охотно «нюхает» и в любой момент может подсесть на иглу».

29 августа там же — хедлайнер аналитических «кремлёвских» форумов, глава официального Совета по внешней и оборонной политике Сергей Караганов комично, но искренне сердится на историю: «Несмотря на все заклинания, в том числе мои, и в том числе и на страницах «Российской газеты», новая «холодная война» началась. Сейчас кажется, что главное — это нападение безрассудных или бесноватых тбилисских деятелей на Осетию...» Но Караганов снимает завесу с глаз: главное — не нападение «бесноватых» на Осетию, а, видимо, недостаточное их «умиротворение»: «Мы помогли новой «холодной войне»... благодаря собственным действиям или жестам. Были высокомерны к бывшим победителям, начавшим проигрывать. Не старались делать вид, что играем по старым правилам... Можно до бесконечности разбираться в том, кто стоял за нападением Тбилиси на югоосетин. Но ответ, даже самый точный, бессмыслен... Мы попались в ловушку, сужающую коридоры маневрирования... Нас втягивают в невыгодный бой».

Кому адресованы эти слова со страниц правительственной газеты? Тем, кто готовит европейские переговоры вокруг Южной Осетии и Абхазии? Медведеву? Путину? Это об их «высокомерии» аналитическая боль? Наверное, «кремлёвскому» аналитику известно много военных тайн, но вот обществу, пережившему полдня 8 августа 2008 года в ожидании самозащиты страны от «бесноватых», как-то не приходило в голову назвать эту самозащиту «высокомерием».

26 сентября, уже после решения Европарламента о Дне памяти жертв сталинизма и нацизма и, главное, уже после начала масштабного финансового кризиса в США, Сергей Караганов в «Российской газете» вновь уговаривает и запугивает. По его словам, вовсе не от кризиса в США, а (прямо по тексту деклараций Дэниела Фрида и Кондолизы Райс) именно от действий в Южной Осетии — «Россия понесла потери. Главная из них — нетрудно подсчитываемые падения из-за конфликта фондового рынка». Но ещё горше другая потеря: «После грузинского нападения и вопиюще несправедливой реакции США и Европы и их большой прессы произошло отчуждение подавляющей части российской элиты от Запада. Доверие к США ниже нуля. Доверие к европейцам, даже старым, близко к нулю». Стоит ли так слепо доверять экономическому невежеству Фрида и Райс? Стоит ли так страдать оттого, что на «вопиющую несправедливость» «элита» реагирует как на несправедливость, а не как на благодеяние?

Караганов чувствует фальшь и апеллирует к ещё большей: «Уступать бессмысленно, даже Европе, хотя с ней рвать нельзя. Она — источник нашей идентичности... в последние по крайней мере 300 лет важнейшим источником модернизации общества и экономики нашей страны было европейское влияние... Можно смеяться над европейской слабостью или двуличностью. Но стремление «жить, как в Европе» было всегда одним из важнейших побудительных мотивов российского движения вперед... Так что не стоит в будущем пытаться переплюнуть соперника в заведомо для обеих сторон проигрышной игре, в которой больше проиграть можем мы... Пусть в соревновании «кто кого переплюнет» дальше и чаще плюет другая сторона». Не буду здесь анализировать желание

аналитика быть оплётанным вместе со страной. Мне интересней примитивный уровень исторической пропаганды заместителя директора Института Европы РАН по научной работе: что же именно он полагает источником модернизации России 300-летней давности? Несомненное и вековое, хоть и крайне конфликтное влияние Речи Посполитой (Польши), Швеции или кратковременные новации из Голландии? В Польше, Швеции или Голландии он нашёл источник своей идентичности? Полагаю, даже учебник для начальной школы покраснеет от стыда от такой пропаганды.

Так к кому так поспешно и неловко обращаются московские «европейцы»? К бюрократии, которую они, запугивая катастрофическими сценариями, хотят убедить, что любой её новый шаг, опирающийся не на умершую спекулятивную экономику, а на рационализацию собственных ресурсов страны — путь к «конфронтации»? Ко вновь начинающему экономическое кризисное выживание обществу, чью мифическую «сытость» они предлагают обменять на «умиротворение агрессора»?

Надо быть на самом деле отчаянно провинциальным, вторичным, лишённым собственной идентичности «европейцем», чтобы так рваться в ассистенты к европейским «скелетам» и подставлять свою «идентичность» на предмет её соответствия Гитлеру.

*Октябрь 2008*

## **«Новое соседство» ЕС и энергетическая безопасность — как диалог превращается в конфликт<sup>1</sup>**

*Новая Европа, называющая себя Центрально-Восточной, разделена. Её единство испортила политика «энергетической безопасности». И теперь на этом энергетическом форуме, который проводится при активном участии представителей США и без равного участия представителей Германии, Франции, Италии, обсуждается один главный вопрос: как заставить другие страны Новой Европы отказаться от энергетического диалога с Россией, например от «Южного потока», выработать единую «энергетическую политику», а потом заставить Старую Европу присоединиться к этой политике. На это, очевидно, будут направлены и будущие энергетические саммиты в Софии, Будапеште и Праге. Президент Венгрии правильно сказал здесь: цель этой политики — «энергетическая справедливость». А специальный представитель президента Украины объяснил, как надо понимать эту справедливость: «Энергоносители, как (бесплатный)*

---

<sup>1</sup> Выступление на Третьем Энергетическом форуме в Будапеште, 29 октября 2008.

воздух, должны быть доступны всем». Традиционный для современной Европы экономический социализм превращается в экономический коммунизм.

Следующий шаг — требование к России подчинить её энергетические ресурсы международному контролю. Почему? Потому что социалистической экономике Новой Европы, которая, как правильно заметил здесь президент Венгрии, потребляет слишком много энергии, ей не хватает энергетических ресурсов.

Можно ожидать, что мировой кризис сделает этот вопрос внутренней политики ЕС ещё более острым. У Старой Европы три внешних источника традиционных энергетических ресурсов (Северное море, Северная Африка и Восток), а у Новой — чаще всего один — Россия, с которой Новая Европа привыкла и хочет вести «холодную войну». Даже теперь, когда в мире «холодная война» давно закончилась.

Эта эволюция в последние годы затронула и общую европейскую политическую риторику. И, можно сказать, подчинила себе риторику «Нового соседства» Европейского Союза и погубила её. Риторика «Нового соседства» стала жертвой конфликтной риторики «энергетической безопасности» и вытекающей из неё утопии «энергетической независимости», которая была импортирована в Европу из США и навязана ей странами Новой Европы. Подмена идеологии «Нового соседства» — идеологией политической экспансии и конфликта — драматическая ошибка Европы в отношениях с Евразией.

Политика «Нового соседства» ЕС (реформ и новых стандартов, диалога и сотрудничества) была сформулиро-

вана Европейской Комиссией в марте 2003 года и делала особый акцент только на Белоруссии, Молдавии, Украине и России, странах Северной Африки и Ближнего Востока. В Европейской стратегии безопасности, утверждённой в декабре 2003, прямо сказано: «Особая забота Европы — энергетическая зависимость (Energy dependence)... Основная часть энергоносителей поступает из зоны Персидского залива, России и Северной Африки». Вице-премьер правительства Грузии правильно сказал здесь об этой «взаимозависимости» Европы и России, потребителя и поставщика, о том, что Европа уже сейчас имеет достаточно влияния на Россию. Внешние источники энергоресурсов, потребляемых в континентальной Европе, не изменились.

Однако летом 2007 года главный экономист ВР заявил в Москве: «Регионы добычи углеводородов продолжают отдаляться от потребителей». Так что изменилось? Что географически отдаляется от Европы? Северная Африка? Месторождения в Северном море? Россия? Вовсе нет — отдаляются не регионы добычи, а стратегические цели — новые зоны энергоресурсов, которые дальше традиционных источников.

Вот история этого превращения. Вскоре после утверждения Европейской стратегии безопасности, эксперты НАТО выступили с концепцией собственной роли НАТО в этой безопасности и задачей экспансии на новые рынки ресурсов — Казахстана и Туркмении, чтобы уменьшить энергетическую зависимость от России. Возник проект прямой дополнительной связи потребителей в ЕС с ресурсной базой в Центральной Азии — проект NABUCCO.

С января 2004 крупнейший трубопроводный транзитёр Латвии — LatRosTrans (Вентпилс) вступил в частный конфликт с российскими поставщиками. Владелец транзита обратился за помощью к главе МИД, президенту Латвии. И они решили политически заставить российские компании поставлять углеводороды частной кампании в Латвии. Президент Латвии в Вашингтоне добилась того, что президент США пообещал «решить» этот вопрос. Через три года власти Латвии арестовали владельца этого транзитного монополиста — мэра порта Вентпилс. Президент Латвии и представители США были очень возмущены делами этого монополиста и в его уголовном преследовании видели пример развития демократии в стране. Но это было три года спустя. А пока в мае 2004 ЕС принял план политики «Нового соседства». В ней впервые важнейшим элементом «Нового соседства» было названо «стратегическое энергетическое партнёрство», а в числе важнейших для Европы резервов нефти и природного газа впервые, кроме Северной Африки и России, были названы Каспий и Центральная Азия. Одновременно с тем, как в США развивалась борьба за их собственную энергетическую безопасность, реалистическая формула ЕС «energy dependence» стала превращаться в «energy independence» и императив экспансии и принуждения. Это была новая задача, которую не планировал ЕС.

Как исследователь политической риторики, могу сказать, что образцом этой новой геополитической задачи для ЕС в Евразии стала принятая в США «доктрина Монро» — доктрина backyard (*arrière-cour, el patio trasero, cortile di casa, заднего двора*) — политической и экономической монополии США в Западном полушарии (она жива до сих пор: в октябре 2008 именно на неё ссылалась



Палата представителей Конгресса США, говоря о военной активности России в Венесуэле). Так политика «Нового соседства» стала превращаться в аналог «доктрины Монро» и совпала с историческими архетипами, например, Польши и Румынии, и стала политической формой экономической экспансии к новым источникам энергоресурсов. Тем временем прямо против задач реальной энергетической безопасности началось уничтожение ядерной энергетики в Литве, а Украина вновь отказалась от реконструкции своей инфраструктуры энергетического транзита. Именно эти страны (и на этом форуме) выступают за диктат транзита и экспансию транзита к новым ресурсам. Но мировой кризис уничтожает саму возможность чисто политических решений — и толкает неэффективных экономических игроков (президент Литвы назвал свою страну «энергетическим банкротом», а премьер Украины назвала банкротом свою страну) — к новым политическим конфликтам в Евразии.

Риторика конфликта любит говорить о монополизме «Газпрома», но забывает поговорить об энергетических и транзитных монополиях в Литве, Латвии, на Украине, в Азербайджане, Казахстане, Туркмении, Турции, Узбекистане, Индии, Китае. Я не говорю уже о том, что принципы и стандарты «Нового соседства» давно выброшены там, где это касается новых ресурсных целей — Каспия и Азии, Азербайджана, Казахстана, Туркмении. Эта фальшь «энергетической безопасности» видна всем. Риторика конфликта любит говорить о конкуренции между источниками ресурсов, но становится противником любой конкуренции, когда речь идёт о конкуренции маршрутов транзита — против транзитных и энергетических банкротов. И эта фальшь тоже всем видна.

По словам известной американской лоббистки Зейно Баран, NAVUCCO — «это ответ на вопрос, куда пойдут газовые запасы Туркменистана. Если проект будет реализован, то Европа получит новый источник энергоносителей для себя, если нет, то туркменский газ получают Китай, Индия и Россия». Это ложный выбор. Этого выбора давно уже нет. Он давно сделан собственниками ресурсов. Не будем говорить о новых маршрутах из России и Казахстана в Китай. Достаточно Туркмении. Только что, в конце октября 2008-го, информационному агентству REGNUM представитель Туркмении рассказал о приоритетах страны. Это: газопровод Туркмения – Китай, газопровод Средняя Азия – Центр, газопровод в Афганистан и Индию. И только после этого — Транскаспийский газопровод. Это значит, что теперь, особенно в годы мирового кризиса, когда растёт значение локальной кооперации, Европа втягивается в борьбу, в которой не может быть победителя.

Р.С. В декабре 2008 года по предложению Швеции и Польши Европейский союз принял программу «Восточного партнёрства», специально предназначенную для бывших советских республик, прежде подпадавших под программы «Нового соседства», — Белоруссии, Украины, Молдавии, Грузии, Армении и Азербайджана. Среди приоритетов «Восточного партнёрства» был определён контроль за энерготранзитной инфраструктурой названных стран, особенно на территориях Украины, Молдавии и Приднестровья.

*Октябрь 2008*

## **Das Futur Zwei: политическая экономия России и Украины**

Улица корчится безъязыкая. В поисках терминологии для современного кризиса каждый политический мозг колотится в своём собственном плену: кто-то называет радикальное государственное вмешательство в экономику социализмом, кто-то, аки блудный сын, вспоминает Маркса. И если блудное возвращение к Марксу — не более чем повод без стыда рассказать о своей левой юности, то с именованием современных конвульсий капитализма «новым изданием социализма» есть проблемы.

### *1. Государственный социализм*

Ведь весь XX век капитализм неизменно оставался гибридом индустриализации, социализма и социальной политики: иначе и быть не могло в ходе милитаризации, тотальной подготовки к войне, гонки вооружений и строительства «социального государства». Чему удивляться, коли в сердце рыночной свободы — в Великобритании — потребительская карточная система была отменена только в 1955 году?

Не стыдно признать и то, что русские представления о «чистом капитализме» отражают не эту практику XX века, а тот либертарианский образ, который был реализован в России в начале 1990-х годов под руководством западных академических маргиналов. Но стыдно теперь упрекать труп виртуально-спекулятивной глобализации в том, что она якобы утратила либеральную девственность и в очередной раз нажала на клавиши государственного контроля и дирижизма. Ибо в этих упреках — не только неумение пользоваться зеркалом, но и закоренелое бесчувствие к тому, что происходит рядом.

Ибо только добровольный слепой мог на голубом глазу рассказывать о либеральных «образцовых социальных реформах» в Казахстане, чья образцовость состояла лишь в том, что государственный капитализм и корпоративное государство радикально выкинули вон свои социальные обязательства, утвердив себя и свою «китайскую модель» не на тотальном социальном контроле, а на либертарианском упразднении социальной ответственности, но не контроля.

Только добровольный слепой мог искренне умиляться «уникальности» высокого экономического роста на Украине, вроде как не зависящего от другого украинского чуда — многолетней политической смуты. Между тем именно политическая экономия, политическая борьба за централизованное распределение ресурсов, государственный социализм современной Украины — плоть от плоти советской жизни, новое, лабораторной чистоты, издание пережитой Россией недавней смуты, её *das Futur Zwei* — будущее, которое несомненно наступит, — если...

## **2. Государственный капитализм**

Лабораторная чистота экономической географии Украины создана усилиями империи. Два главных исторических фактора её народного хозяйства — абсолютное аграрное перенаселение и старые индустриальные центры вокруг горно-рудной промышленности и тяжёлого машиностроения — идентичны главным факторам экономической истории Европейской России. С лабораторной точки зрения нет никакой разницы между мегаполисами Украины и мегаполисами Центра России, Урала и Поволжья. Как нет большой разницы между социально-политической инерцией собственно украинских и русских регионов, обременённых национальной динамикой Кавказа и Крыма.

Потому — не будь созданной во времена СССР ресурсно-промышленной базы Урала и Сибири, дающей современной России (и отчасти Казахстану) экономическую свободу, но обрекающей современную Россию на тяжёлое военно-географическое бремя защиты этой свободы, — индустриально-аграрные рынки Европейской России (100 млн) и Украины (50 млн) были бы принципиально равны. И самозаконный в силу своего масштаба, в любую смуту обеспечивающий стабильные внутренние инвестиции потребительский рынок такой России и Украины вёл бы себя одинаково. За одним исключением: в России государственный социализм опирается на ресурсы, на Украине — на обязательства. В России государственный капитализм политически выражает себя в федерализме, на Украине — в эксплуатации слабеющей унитарности.

До самого последнего времени главным институтом внутренней политики в России оставались субъекты феде-

рации, независимо от их экономической состоятельности испытывавшие весь спектр политических целей — от суверенизации до самоупрезентации.

До сих пор неизменной осталась их главная черта — а именно их локальный государственный социализм, наибольший в богатейших и беднейших регионах, чьё благосостояние или бедность равно стимулируют перераспределительную функцию местных властей. Федеративная практика России смогла отойти от конфедеративной перспективы, когда аккумуляция местных ресурсов или федеральных субвенций в руках местных властей-кланов делало избирательный процесс большей формальностью, чем нынешнее избрание губернаторов местными парламентами по рекомендации президента.

Но экономические аппетиты российских регионов не изменили, а проигнорировали административные границы, просто преодолев их в ходе межрегиональной экспансии (Москва и соседи, Петербург и соседи, Красноярский край и соседи), — а не совместного развития. Точно так же, как в мире, в Евразии — глобальный кризис и порождённый им дефицит внешних инвестиций делает экспансию сильных на новые локальные рынки экономически безальтернативной. Вкусившие федеральной политической борьбы, российские регионы находят более рациональную борьбу за локальные ресурсы и обмен их на участие в федеральных государственных корпорациях. Их пафос пока совпадает с пафосом центра. Локальному государственному капитализму нет экономической альтернативы.

Точно так же не было технической альтернативы консолидации энергетических ресурсов России, вся политическая разница между сценариями которой состояла в разнице между компрадорским субститутот государства имени Ходорковского и социальным и национальным государством имени Путина-Медведева.

Теперь, к счастью России, более нет избытка внешних денег и внешней инстанции для компрадорской экономики, но чем более бедным, тем более острым и агрессивным, к несчастью России и Украины, станет внешнее военно-политическое давление на Россию и Украину. Их общенациональные ресурсы станут не только инструментом национальной экономики, но и целью внешнего давления: консолидированная по «модели Ходорковского» горнорудная промышленность и государственная газотранспортная система (ГТС) на Украине, энергетические и географические ресурсы в России. Будь консолидированные энергетические ресурсы России сейчас вне контроля государства и на попечении внешних финансовых игроков, они давно уже сделали бы излишней саму российскую государственность. Будь они в руках регионов — они сделали бы избыточным централизованное государство.

### *3. Das Futur Zwei*

Компрадорская горнорудная промышленность, лишённая перспективы внешних инвестиций, и предсмертная ГТС Украины делают избыточной централизованную Украину. В страхе перед федерализацией лишив региональные кланы перспективы региональной политической влас-

ти, центральная власть Украины осталась наедине со всем бременем социальных обязательств.

Политическая экономия Украины опоздала к государственному социализму. Ежегодно живя посреди общенациональных выборов, украинские региональные кланы вряд ли теперь рассчитывают компенсировать свои многолетние издержки за счёт участия в централизованном перераспределении ресурсов: речь идёт уже не о ресурсах, а о бремени. Их единственный шанс — обратить самовоспроизводящиеся, вечно живые потребительские локальные рынки себе на пользу и защитить их от очередного передела — превратить свою власть-собственность в федеративную власть. И чем больше нищающий киевский центр будет оттягивать введение выборности глав украинских регионов, тем меньше он будет им нужен.

Но что завтра? Das Futur Zwei, новая политэкономия Украины, ищущая новый язык для описания региональной суверенизации и конкуренции, столкнётся с тремя сценариями, каждый из которых заведомо не сможет стать общенациональным. Ни *экономический эгоизм* Юго-Востока, рассчитывающего бессодержательной лаской восстановить кооперационные связи с Россией и льготный вход на её рынок, ни *локальный национализм* Подкарпатской Руси, Галиции и Крыма, ни *военно-политический авантюризм* центрального Киева, тщащегося продать США или ЕС свою главу из букваря геополитики, не могут стать общегосударственной повесткой дня Украины.

И это значит, что таковой повесткой сможет стать только внешний конфликт. Государственный социализм без ресурсов — прямой путь к геополитическому рэкету



со стороны внешнего государственного капитализма, тем более грубому, чем более разноголосому. Питавший надежды Украины на экономический профит от евро-атлантической интеграции, новый, бедный глобализм может предложить ей только войну и участие в войне против России.

Это не ново. Но рэкет Futur Zwei несёт и новые вызовы для России — тем более глубокие, что они опираются на единую экономическую историю европейской части империи. Одесса и Крым — на Чёрном море, Донбасс — на Дону, Харьков — на русско-украинском пограничье — в рамках единого исторического и экономического пространства всегда подавляли (и отчасти подавляют сегодня) географически конкурирующие с ними побережье Краснодарского края, Ростов-на-Дону, Белгород и Воронеж. России природна, но крайне вредна эта некритическая близость.

Русская «династическая» внешняя политика, видимо, изжившая шок от болезненного поражения на Украине 2004 года, которому Россия целиком обязана зависимости от благорасположения Кучмы и Януковича, снова кладёт своё Futur Zwei в корзину Януковича (и с ним — Ющенко) и Тимошенко. Однако в этом формате нет будущей, послекризисной Украины, как нет и понимания судьбы будущей жертвы этой Украины — центральной России. Внешнеполитическая любовь у нас часто абстрактна.

Где теперь лоббисты прибалтийского транзита из России, самоослеплённого олигархической экономикой, «отделённой» (как «история от политики») от политической агрессивности Прибалтики и интересов российской

портовой инфраструктуры на Балтике? Теперь, когда на дворе — профессиональная русофобия Прибалтики в ЕС, НАТО и Грузии, России было бы куда как труднее выживать, сохрани она основной поток своего балтийского транзита через Прибалтику.

Где теперь российские лоббисты открытия Абхазской железной дороги при блокирующем участии Грузии? Теперь, до и после войны в Южной Осетии, нам очень кстати на деле было бы вновь ощутить, что войну 1992 года против Абхазии Шеварднадзе начал под предлогом защиты железнодорожных грузов и — вдоль железной дороги...

Неизбежный крах государственного социализма на Украине и её федерализация создают для России исторический вызов, который только внешне можно назвать знакомым. Принято говорить, что украинская смута с запозданием повторяет генетически близкую ей русскую смуту 1990-х. Принято думать, что России следует ценой любых уступок избегать обустройства регулярных границ с Украиной, чтобы не рвать «общее пространство». Что в России опасно говорить о федерализации Украины, дабы не импортировать к себе её нестабильность. Но «общего пространства» с нынешней Украиной больше нет — и России, лишённой средств даже на анекдотический «либеральный империализм», полезней вспомнить другой опыт.

Послеордынская Русская земля ещё даже не стала Россией и не помыслила себя «Третьим Римом», как её исторические земли были поглощены «воображаемыми империями» — Великим княжеством Литовским, а за-

тем — Речью Посполитой Польши и Литвы. Многовековая оборона России от Польши закончилась участием в её расчленении. Но России владение этим побеждённым воображением, создание там реальной промышленности и инфраструктуры не принесли счастья — напротив, вплоть до 1941 года западная граница была самым уязвимым местом России. Таким же ничем не преодолеваемым обнажением границ стал для России 1991 год. И не дай нам Бог обречь себя на ещё одну Польшу.

Экономическое и политическое обременение России внутренне нестабильной, даже федерализованной, Украиной, неспособной платить по своим социальным, национальным и политическим векселям, сделает Россию политически уязвимой и экономически несостоятельной, обескровит её исторические центры. Теперь, когда, вместе с границами политического Запада, к России приблизился экономический кризис и уже нацелился на её ресурсы, любая, унитарная или федеративная, Украина — станет источником хаоса и инструментом борьбы против России. И будет лучше, если этот источник и инструмент останется вне экономического и политического пространства России.

*Ноябрь 2008*

## **Абхазия признана и независима. Что дальше?**

*Признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии 26 августа 2008 года стало одним из самых ярких достижений современной российской государственности, которое по своему практическому значению и символическому смыслу стоит в одном ряду с обретением Россией собственной независимости после краха СССР. Конечно, не Россия создала государственность Абхазии и Южной Осетии, равно как и не актом 26 августа 2008 года Россия обрела свою действительную независимость. Но правда состоит в том, что без этого признания народы по обе стороны реки Псоу и Рокского перевала оставались бы не вполне состоятельными должниками перед собственной историей, своими предками и потомками. Мне легко говорить об этом, поскольку принципиальная необходимость признания Россией государственности Абхазии и Южной Осетии была моим личным убеждением даже тогда, когда в его реалистичность в России мало кто верил. Точно так же мне легко задаваться не всегда очевидными вопросами о дальнейших задачах государственности Абхазии и Южной Осетии, поскольку ещё в марте 2008 года, перед лицом растущей угрозы войны на Кавказе,*

я в откровенной дискуссии с представителями тогда ещё не признанных государств говорил о жизненной необходимости новых военно-политических и экономических гарантий России, которые потребуются буквально на следующий день после признания.

Сегодня, когда система российских военно-политических и экономических гарантий независимости Абхазии и Южной Осетии детально прописана в обширных двусторонних договорах, время не только говорить о различиях в национальных стратегиях этих государств (между задачами укрепления независимости Абхазии и задачами воссоединения разделённого народа Осетии), но и формулировать перечень фундаментальных задач их государственного строительства.

Внутриполитическая дискуссия в Абхазии, объединённой общенациональным консенсусом о независимости, уже ставит прикладные проблемы гармонизации законодательства с российским, специфики приватизации, государственного статуса абхазского языка, развития политической системы, конституционного надзора и так далее. Однако есть ряд более общих вопросов, которые и до 26 августа 2008 года были известны специалистам как принципиальные, но теперь становятся уже в первый эшелон повестки дня. Их не может не задавать себе каждый искренний сторонник государственности Абхазии, сочувственно следя за тем, как проходит их обсуждение в Абхазии и вне её пределов, как складывается логика их решений.

Итак, независимость Абхазии стала международно признанным фактом. Что дальше? Чтобы очертить её

перспективы, нам потребуется увидеть, как будут решены новые задачи абхазской государственности, некоторые из которых я попытаюсь сформулировать ниже — так, как они видятся из Москвы.

### **Многонациональное национальное государство.**

Национально-освободительная борьба за самосохранение и реализацию права абхазского народа на национальную государственность завершена. Теперь, когда стало возможным строительство регулярного государства, не отвлекающего главные силы нации на элементарное выживание, преодоление разного рода блокад и непризнанности, требует справедливого юридического «признания» и тот хорошо известный факт, что вооруженная, политическая и экономическая борьба Абхазии за независимость была солидарной борьбой всех её народов против агрессивного национализма Тбилиси. Не ставя под сомнение ту очевидность, что Абхазия, в первую очередь, является государством абхазского народа, историческая справедливость, современные стандарты и этнодемографическая реальность требуют ответа на вопрос: как конституционно и практически будут обеспечены особые культурно-языковые права и интересы таких других государствообразующих народов Абхазии, как грузины, армяне, русские и др.

**Черкесское единство.** Признание Россией независимости Абхазии, безусловно, соответствовало консенсусу адыгских (черкесских) народов России: не только собственно живущих в России абхазов, но и абазин, кабардинцев, адыгов, черкесов. 26 августа, несомненно, был днём всех черкесских народов России. Немаловажно и то, например, что признанная Абхазия стала одним из главных

факторов сохранения самостоятельности такого «титульного» субъекта Российской Федерации, как Адыгея, в контексте проектов её объединения с Краснодарским краем. Возможно и то, что активизация в конце 2008 года общественной дискуссии о судьбе кавказских «двусоставных» субъектов федерации (Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии) и идеи Великой Черкесии также стала возможной на фоне новой Абхазии. Реализация адыгского (черкесского) единства народов России и независимой Абхазии требует создания внятного баланса между компетенциями двух государств, межрегиональных связей, не ставящих под сомнение ни субъектность Абхазии, ни целостность России.

**Отношения с Россией.** Уровень желательных отношений Абхазии и России — не новая тема для абхазской общественности. К традиционному спектру вариантов — от «абсолютной» независимости до ассоциированных отношений или «протектората» (формула главы МИДа Абхазии Сергея Шамба) — последние события добавили проект присоединения Абхазии к Союзному государству Белоруссии и России. В главном спора нет: действующие Большой и военный договоры дают внятные ответы относительно практической гуманитарной, социально-экономической и военной интеграции Абхазии с Россией. Однако представляется, что качество этой интеграции не может оставаться качеством «по умолчанию», питая вражескую пропаганду намёками на «аннексию» и т. п., что политический (или даже конституционный) характер отношений двух государств требует внятного определения их статуса. Но однако относительно имени и содержания этого статуса в современном политическом классе Абхазии единства нет.

**Экономический суверенитет.** Идея Абхазии как особой экономической или налоговой зоны рядом с гигантом российской экономики, коротко обсуждённая в терминологии «оффшора», конечно, не сводится к терминологическим спорам или представлениям о сроках реализации подобных экономических моделей. Реальная суть её — в поиске такого корректного существования экономики Абхазии *не рядом, а внутри* экономики России, которое позволило бы сохранить Абхазии экономический суверенитет. Ясно, что гармонизация социально-экономического законодательства стран, государственная экономическая помощь, вливаемая Россией в Абхазию, участие Абхазии в масштабных российских инфраструктурных проектах вроде Олимпиады-2014 в Сочи, идеи распространения российских национальных проектов на Абхазию, подразумевают систему детализированного бюджетного и налогового контроля. Наконец, само развитие России как регулярного государства (тем более в условиях мирового кризиса) — надо прямо сказать — оставляет мало шансов на то, что гиганту российской экономики, как верблюду через игольное ушко, будет позволено устремиться в оффшорное окно Абхазии. Но бесспорно и то, что природно-климатические и земельные ресурсы Абхазии, являющиеся её главным национальным достоянием, не могут быть введены в рыночный оборот не только России, но даже одного её города Сочи, без предварительной эшелонированной системы защиты экономических интересов Абхазии, выработки пределов, правил, темпов приватизации. Равно нет секрета и в том, что порождаемые на несколько порядков недооценёнными уникальными ресурсами Абхазии частные *экономические* интересы — без такой же эшелонированной системы защиты — могут немедленно стать главным уже *политическим* игроком самого лапидарного олигархического свойства.



**Диверсификация политической системы.** Чрезвычайная государственность Абхазии эпохи национально-освободительной борьбы — в прошлом. Но сегодняшние задачи её перехода к государству мирной жизни и, особенно, государству экономического возрождения не сводятся к тому, чтобы накануне справедливой приватизации исключить несовместимый с ней чрезвычайный административный произвол, способный порождать только неэффективную олигархическую экономику и компрадорскую олигархическую политику. Переход к регулярному государству требует активного конституционного творчества, прозрачной политической борьбы, современной реализации традиционных для Абхазии форм прямой демократии (сходов), региональной солидарности. Чем дальше начало этих практических перемен, чем дольше будет сохраняться чрезвычайный статус-кво, тем ближе они к примитивным экономическим интересам, способным омрачить любые идеалистические начинания.

**Возвращение на родину.** Признано, что историческая справедливость в отношении адыгских народов, ставших жертвами Кавказской войны XIX века, в современной политической практике может отчасти быть восстановлена путём возвращения в Абхазию потомков беженцев той войны — махаджиров. Хотя практика показывает, что очень активного возвращения махаджиров, например, из Турции ждать не следует: судьба абсолютного большинства из них необратима. Произнесено высшими лицами Абхазии и то, что страна рассчитывает на участие в её восстановлении наиболее квалифицированной части беженцев недавних — 1990-х годов, нашедших убежище, образование, карьеру, бизнес в России. Их судьба, напротив, неотделима от современности. Но бросается в глаза,

что преодоление этого, недавнего беженства, — в силу понятных обстоятельств менее конфликтного, сделавших Россию не врагом, а убежищем, а российское гражданство — безальтернативной средой реализации элементарных человеческих прав жителей Абхазии, — не получило идейного внимания, сопоставимого с вниманием к махаджирам. И, в общем, понятно — почему: потому что большинство недавних беженцев, по крайней мере, семейно и психологически живут в Абхазии и России — «на два дома». Справедливая реализация этого права «на два дома» в новой Абхазии не может не ставить, помимо процедурных вопросов вроде «ценза оседлости», и задачи системной защиты их политических и экономических прав на родине. Что вновь возвращает нас к проблеме статуса отношений Абхазии и России, к «ассоциации» — «на два дома».

**Церковь.** Абхазская православная церковь, генетически связанная с Русской православной церковью, обстоятельствами обречена на длительное каноническое пребывание не в единстве, а рядом с нами. Ни в коем случае не претендуя обсуждать перспективы канонической легитимации АПЦ, замечу, что ей, пожалуй, не стоит искать замены такой легитимации — не в Москве, так в Константинополе или ещё где-то. АПЦ уже легитимна своим православным народом: и скромные масштабы страны, и потому более непосредственная ежедневная связь мирян и клира по необходимости открывают перед ней все возможности не канонического, а фактического единства с РПЦ и, главное, — не ритуального, а подлинного единства церковного народа. Этот народ исторически принуждён будет — вдали от внешней церковной полити-

ки — являть пример того, насколько подлинна его внутренняя церковная социальность.

Разумеется, все ответы на эти вопросы — в компетенции политического класса, народов Абхазии, их борьбы за свободу и справедливость. Но было бы неправильно предполагать, что нам, русским, нам, абхазам, нам, гражданам многонациональной России, будут не важны результаты этой борьбы.

*Ноябрь 2008*

## **«Обновление институтов»: Dark Age Ahead?**

*Разоблачительница американской городской жизни как жизни наступающих вслед за гибелью нового Рима «тёмных веков» раннего Средневековья (Dark Age Ahead) веков культурного беспамятства, повторяющих оболочку, а не сознательную речь цивилизации, Джейн Джекобс нашла ёмкую формулу деградации. Формулу деградации государства, вовсе не обязательно называемого США. Она пишет: «**Что приговорило побеждённых? Проигравшие сталкиваются с таким надломом, с таким сломом обстоятельств, что их институты не могут адаптироваться к нему адекватным образом, теряют связь с действительностью и распадаются.***

### ***1. Институты и ценности***

Всякий честный исследователь отдельного случая обнаруживает в нём не частную, а некую общую правду. И меня не волнует Dark Age США — за исключением разве что того водоворота, в который за ними утянется всякий, кто рискнул с ними плавать в глобализацию дальше. Меня волнует

институциональная немота нашего общества, чья реакция на мировой кризис оказалась, в лучшем случае, замедленно-консервативной, а в худшем — инфантильной. Общество инертно готовится войти в третью за последние 20 лет полосу бедности. В этой новой своей, относительной бедности оно готовится к самосохранению, издали холодно наблюдая за антикризисными усилиями высшей власти — и с презрением игнорирует вялую суету других экономполитических институтов. Эти «другие» экономполитические институты — парламенты, партии, какие-то профсоюзы, массовые коммуникации, пр. — не то чтобы парализованы. Они смешны. Как экскурсия школьников перед холстом «Иван Грозный убивает своего сына» (199 x 254 см), они жуют докризисную жвачку, входя в сеть с чем-то вроде приглашения мыслить: «Недавно в Иваново прошел интереснейший форум «Экономика ценностей России». Там муниципалитеты представляли свои бренды. Не смотря на то (да, «несмотря» — раздельно: М. К.) ... и т.п.».

Но нынешний «Иван Грозный убивает своего сына» в заведомо ином формате. И надо совершенно утратить связь с действительностью, чтоб не увидеть над своими чистыми от правописания головами художество кризиса, занявшее собой уже не галерейную стенку, а небосвод. Чтобы не меняться в тени таких полотен, надо действительно быть докризисно-жвачным институтом.

## *2. Институты без ценностей*

5 ноября в своём первом послании национальному парламенту президент Медведев говорил о ценностях и «обновлении властных институтов»: «5 милли-

оных наших граждан отдали голоса партиям, которые в Государственную Думу не попали. Эти люди не получили представительства на федеральном уровне... Это несправедливо. И должно быть исправлено. При этом пока не считаю необходимым снижать барьер прохождения в Государственную Думу... Моё первое предложение — дать гарантии представительства избирателям, проголосовавшим за так называемые малые партии. Считаю, что партии, получившие от 5 до 7 процентов голосов, могли бы гарантированно рассчитывать на 1–2 депутатских мандата», чтобы «представлять интересы достаточно значительного числа людей». Не секрет, что в числе миллионов, последние 15 лет страдающих хронической непредставленностью, — именно тот «гегемон стабильности», но институциональный кастрат, — средний класс, о защите интересов которого говорят идеологические вожди.

Что делают после такой прямо высказанной воли и логики «обновления институтов» законодатели субъектов федерации, не подпадающие под президентское «пока не считаю необходимым снижать барьер прохождения в Государственную Думу»? Задумываются о своём не ограниченном никаким требованием момента праве на расширение «представительства интересов», рефлексиируют о ценностях и справедливости? Нет, делают они вот что: 14 ноября Архангельское облсоборание депутатов ужесточает выборное законодательство и поднимает проходной партийный барьер с 5% до 7%. В сопутствующих комментариях законодатели говорят: послание президента о ценностях и институтах не является документом прямого действия. Демонстративный практический смысл решение приобретает ещё и потому, что очередные выборы в это собрание пройдут в марте 2009 года.

Разглядывая практику «управляемой демократии», её риторические критики и технократические апологеты, похоже, равно представляют себе — ко злу ли, благу ли — альтернативу в демократии «неуправляемой», то есть в демократии без институтов, прямой власти якобы самозаконной толпы. Стоит ли вспоминать, что эта охлократическая утопия варварской «военной демократии» не более чем один из частных случаев беспамятного Dark Age. На деле же банальной «управляемой демократии» банально сопутствует неуправляемая бюрократия: их равно реализуют и сдерживают живые политические институты. Если сдерживают. Если живые. Если питаются ценностями и интересами, а не самозаконным потреблением жвачки.

### *3. Ценности – институты*

Мучительное соединение ценностей и институтов, сопровождаемое демонстративным презрением неуправляемой бюрократии, может выглядеть голым заклинанием. В самом деле: партийные институты в России исторически опоздали, исторические партии уже не нужны, их партийные программы — не поле интеллектуальной борьбы. В их натужном социальном консерватизме, социальном либерализме и т. п. нет даже квалифицированной риторики, не говоря уже о кризисном переживании ценностей, ежедневно конфликтующих с миром. В конце концов, именно «славянофильской» баланде «единения царя с народом», питающей вымышленный консерватизм, противопоставлено «обновление институтов». Но даже и в консервативном экстракте «единения царя с народом» нет места безыдейным «генно-модифицированным» институтам. Бюрократия привыкла прятать свою слепую неуправляе-

мость в тень национальных лидеров, но с точки зрения истории идей — она несовременна даже для ранней Византии, начавшей своё тысячелетнее сопротивление Dark Age. Свежеизданный толкователь «Институций» Юстиниана (середины VI века) говорит, что в них «власть принадлежит императору только потому, что народ перенёс на него ту власть, которая ему самому принадлежала»<sup>1</sup>.

Соединение ценностей и институтов перестаёт быть заклинанием: стоя в тени лидеров, ты не можешь быть лишь институтом, даже мёртвым. Обречённо стоя в тени лидеров, а не интересов, любой политический институт принуждён строиться только ценностями, а не тщетными играми в идейно кастрированные социальные сети, «лидеров мнений», гламурчиков и паркетных вождей. Без языка ценностей не имеют содержания институты, не работает культурная память, уступая варварской подделке под процедуры. Вне ценностей-институтов — какофонический хор: персонализированная клиентела, паразитизм на властных функциях, священные коровы, региональные и ведомственные кланы, трусость статусов. Теперь, внутри кризиса, этот хор либо уйдёт, либо будет истреблён, как Византия.

*Декабрь 2008*

---

<sup>1</sup> В. Е. Вальденберг. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008.



**Необходимый, достаточный  
и остаточный суверенитет.  
О евроатлантической безопасности**

*Россия* вот уже полгода предлагает строить новую систему европейской безопасности, а её евроатлантические коллеги не скрывают скептического к ней отношения, говоря, что — и без новых усилий — эту безопасность с успехом обеспечивают все те брюссельские организации, которые старый-новый министр обороны США Роберт Гейтс уличает в любви к «говорильне» и все те, кто вооружил и подготовил агрессию Саакашвили.

После войны в Южной Осетии Турция тоже предложила новую «платформу стабильности и безопасности» на Кавказе, но еще не выветрился её медийный шлейф, как выветрилась сама инициатива. Новый силовой мир уже не скрывает иронии по поводу архаичных попыток «поднять знамя мира» и завалить «воспитующими» инициативами очередную «Лигу наций».

Стерпя иронические комментарии брюссельцев, Совет секретарей Совбезов ОДКБ в мучительной внутренней борьбе против своих участников, Узбекистана и Казах-

стана, на днях в Ереване подписал коллективную петицию в поддержку новой системы европейской безопасности. Но даже это дипломатическое мужество — не мужество вовсе, а бегство, отказ от суверенного права ОДКБ — права в Ереване говорить не о Брюсселе, а о Кавказе, об Азии, о Карабахе. Даже эта мучительность на деле слишком легка. Куда легче: не формулировать своё суверенное право гаранта региональной безопасности, а приносить его в жертву далёкому дипломатическому торгу.

Глеб Павловский выразил законное сомнение: непонятно, говорит он, как строить эту новую систему безопасности, если в России сам национальный консенсус о безусловной ценности суверенитета не оставляет места для неизбежных в этом торге уступок. Пока рождался этот консенсус, он перестал быть просто экзистенциальным переживанием, став совершенно историческим фактом, инструментом самой естественной тактики.

Пока критики концепции «суверенной демократии», не слыша предмета, но видя слова, твердили, что российская ангажированность суверенитетом чрезмерна, что чрезмерность эта абсолютна и что в современном-де мире абсолютный суверенитет невозможен (и потому сам суверенитет уже — архаичный багаж), **«современный мир» умер**. И даже в евроатлантических букварях победила «многополярность», чьим практическим выражением стали суверенные экономики ресурсов и технологий, ставящие локальные рамки спекулятивному глобализму. Казалось бы: отчего бы в «современности-2» не победить и локальным системам безопасности? Если у них достанет мужества быть таковыми. Ведь легче быть глобалистически гибким, как переговорщики о вступлении России в ВТО.

Но, в отличие от условно суверенных экономик народных хозяйств, толпящихся в глобальной очереди за инвестициями, национальная безопасность — не рынок, а безусловная ценность. **Безопасность — ценность, поэтому она не может не вступать в ежедневный конфликт** с практикой её обеспечения. Всякая ценность (а не «политика ценностей») нормативна и находится в вечном, исторически неразрешимом конфликте с реальностью. Примирение, а не борьба, между ценностями и практикой — пропагандистская ложь. Бесконфликтная, стопроцентная безопасность — утопия.

Любая система взаимной безопасности начинается с суверенного права вето. Её невозможно построить только лишь на взаимном праве самоограничения, поскольку оно не создаёт главного — гарантий безопасности. При таком беззащитном самоограничении самозаконным «гарантом» становится не консенсус, а преобладающая сила, оператор-манипулятор (сам манипулируемый бюрократической игрой). При таком порядке сами ценности становятся не нормативным конфликтом с самим собой, а манипулятивной утопией самозванных миссионеров и «образцов» безопасности, стабильности, демократии и прогресса. Видя, зная такую реальность «Лиги наций», назначать её судьёй над своей суверенной безопасностью — безумие.

Сколько-нибудь осмысленная система взаимной безопасности, конечно, не имеет ничего общего с самоограничением перед лицом самозаконного заинтересованного миссионера. Она существует исключительно как развивающаяся система взаимного сдерживания, сдержек и противовесов, то есть взаимного суверенного вето. И только миссионер, требуя единой «политики ценностей», выводит

себя из-под ценностного суда — как США выводят себя из-под Международного уголовного суда, преследующего за геноцид, военные преступления и преступления против человечности.

В дни агрессии Грузии против Южной Осетии сама ООН отказалась от международного права. Специальный посланник генсека ООН по проблеме Западной Сахары Питер ан Вальсум, говоря о перспективах защиты государственности Западной Сахары от аннексии со стороны Марокко, проигнорировал тот факт, что Западная Сахара признана десятками государств и самой ООН, и сказал: *«Необходимо соблюдать международное право, но нужно также иметь в виду и политические реалии в этом конкретном случае... можно, конечно же, получить моральное удовлетворение от того, что вы поддерживаете безусловным образом тех, на чьей стороне право, но нужно иметь в виду и то, что тем самым вы рискуете создать ложные надежды и продлить агонию».*

При этом политическая, а не правовая логика действий ЕС, и отчасти ООН, по расчленению Сербии и суверенизации Косово также оперировала аргументами о «политических реалиях», главной из которых была десятилетняя партизанская война косоваров против сербов и «невозможность их дальнейшего сосуществования в рамках общего государства даже в рамках широчайшей автономии».

Единая система «политических ценностей» никогда не реализовывалась иначе. И ради её утопии отказываться от суверенитета, не гарантируя её правом вето, — значит подвергать принципиальной угрозе национальный суве-

ренитет, ничем, кроме суверенитета, не гарантированный. Мы не можем делегировать, как иные государства, свой суверенитет наднациональной бюрократии, ибо, в отличие от случаев попроще, в случае с Россией никто и ни при каких обстоятельствах не будет обменивать наш суверенитет на возлагаемую на Брюссель полноту ответственности за территориальную целостность и безопасность России.

Опыт России XX века с предельной откровенностью учит: кто бы ни был во главе ослабленной и частично суверенной России, какие бы ценности ни исповедовали белые или красные, их вынужденные «системы безопасности» с врагами или союзниками **всегда** сопровождались принудительным обменом нашего суверенитета на колониальный или зависимый режим, территориальные уступки, несовместимые с устойчивой политической, военной и экономической безопасностью. Это всегда был либо Брестский мир Ленина, «непредрешение» вопросов о формах и пределах государственного суверенитета Деникина, Врангеля и Колчака, государственное саморазоружение Ельцина и дипломатическая капитуляция Козырева.

В кризисной и конфликтной «современности-2» России жизненно необходим экономический суверенитет, ограниченный лишь её рыночными союзами. Но «достаточен» только безусловный национальный политический суверенитет, страхующий нас от «остаточной» наднационально-бюрократической «безопасности».

*Декабрь 2008*

## **Курдистан от Балкан до Кавказа: эффект домино**

*Выращенный США в качестве главы Афганистана, но и так и не ставший главой всей страны Хамид Карзай торопит патрона: требует установить сроки вывода оккупационных войск, готовится к переговорам с талибами, наиболее вероятным итогом чего станет либо бегство Карзая обратно к семье в США, либо его грязная казнь в духе казни другого афганского лидера — Наджиба, брошенного на произвол судьбы СССР и преданного переговорщиками. Так всё сложно. Цейтнот.*

И поэтому велика вероятность эскалации военного вмешательства США в Афганистане, которая, в погоне за «ненулевой суммой» всей предыдущей военной игры в регионе, начатой с Бен Ладена, приведёт к ускоренному уходу США из Ирака. Новая жатва демократии в Афганистане и уход США из Ирака будут иметь катастрофические последствия для континента. Континент к этим последствиям не готов.

Одно лишь вовлечение в сферу конфликта ядерного Пакистана станет, несомненно, страшнее недавних собы-

тий в индийском Мумбае. И только лишь окончательное разрушение афганской государственности и поражение евроатлантических сил призрачного «сдерживания» вызовет цепь новых партизанско-террористических угроз в Средней Азии, социальные последствия которых в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии будут прямо угрожать их государственности. Россия, не имеющая регулярной границы с Казахстаном, гарантирующей от инфильтрации этого конфликтного потенциала на свою территорию, к такому сценарию не готова и не может быть готова даже в теории.

Перед лицом новой активной афганской войны новые и старые энергетические проекты в регионе поблекнут, о железнодорожных, энергосетевых и газопроводных проектах из Туркмении в Персидский залив придётся забыть и вспомнить разве что о «спасительном» козыре ныне абстрактной и мёртвой идеи газопровода NABUCCO, тщащегося увести сказочный туркменский газ в Европу через Закавказье.

Но Закавказье уже не воспользуется этим раскладом, ибо главным результатом переноса центра военной активности США в регионе из Ирака в Афганистан станет раскол Ирака и окончательная суверенизация иракского Курдистана в качестве независимого государства. Не столь важно сейчас, сколь далеко идущие надежды связывают США с Курдистаном, — важно, что военно-экономически Курдистан состоялся как государство, независимо от того, справится ли он с ролью нового «непотопляемого авианосца» США против Сирии и Ирана, ролью безыскусного «сдерживателя» против исламистской Турции. Курдистан состоятелен, и тем радикальней будет «эффект

домино» в регионе, тем суровой этот эффект отразится на Закавказье.

Ужас американского философствования о «глобальных Балканах от Косово до Синьцзяна» (уж не хочет ли товарищ Бжезинский повторения косовского сценария против китайского Синьцзян-Уйгурского автономного района) состоит в том, что его часто оказывается достаточно для принятия прикладных военных решений. Проблема не во вмешательстве США в дела далёкого от них континента, а в его крайней неэффективности, порождающей хаос. И Курдистан — уже реальность, стыдливо укрываемая его невключением в ряд существующих де-факто, но пока не признанных государств. Его появление де-юре уже не уравновесит никаким антиисламским военным переворотом в Турции: логика региональной борьбы за доминирование на всё ещё горячих островах Османской и Российской империй неизбежно приведёт к подчинению Грузии турецко-азербайджанскому контролю, внутригрузинской суверенизации Аджарии и азербайджанского Борчалы (Квемо Картли), подавлению армянского Джавахка (Джавахети), угрозе изоляции Армении, категорическому ослаблению Карабаха, форсированному присутствию турецких интересов — монопольных в Нахичевани, конкурирующих — в Абхазии, Крыму, Гагаузии.

Не то чтобы по единому конспирологическому плану, но с какой-то банальной предопределенностью достроится конфликтный паззл новых границ и расколов на Балканах: раздел Косово на албанскую и сербскую части, раздел Боснии и Герцеговины, раздел Македонии на албанскую и македонскую части — и тяготение растущих албанских



квазигосударств к единому албанскому ядру — будут подозрительно срифмованы с ядром нового Курдистана посреди этнографических курдских земель.

В этом контексте отчленяемая от Сербии отчасти венгерская Воеводина и повышающая свой региональный статус в Румынии венгерская Трансильвания не смогут не создавать прецедента для венгерских меньшинств в Словакии и украинском Закарпатье, не смогут не подталкивать Румынию к укреплению своих позиций на украинской Северной Буковине и к равновесному поглощению Молдавии. Молдавии, всё более жёстко конфликтующей с Гагаузией и Приднестровьем, предстоит стать лишь одной из костей этого бесконечного «эффекта домино». И за ней уже явственно и во весь рост встаёт перспектива кризисной и воинственной Украины, проамериканские (в любом своём обликии) власти которой намерены ответить на единственно спасительный для неё (перед лицом Косово и Курдистана) сценарий федерализации — кровью.

*Декабрь 2008*

**«Восточное партнёрство»:  
чем «доктрина Брежнева» лучше  
энергетического колониализма ЕС**

Принятая 3 декабря 2008 года Европейской Комиссией по инициативе Польши и Швеции и развитие ЕСовской «политики соседства» программа «Восточного партнёрства» (Eastern Partnership, EaP, ВП) для Белоруссии, Украины, Молдавии, Грузии, Армении и Азербайджана — редкостно для евробюрократических продуктов внятный и предметный документ. Создаётся впечатление, что эта программа была написана и утверждена не *до*, а *после* газового кризиса между Россией и Украиной, столь мастерски направленного Украиной против ЕС: настолько явно большая часть её посвящена именно «энергетической безопасности». Насколько предсказуемо подчинено это ВП одной цели. Эту цель древние советологи склонны были приписывать мифологической «доктрине Брежнева», согласно которой страны социалистического лагеря должны были передать СССР львиную долю свою суверенитета в обмен на военную и социально-экономическую помощь. Но правда в том, что запрограммированный отказ участников ВП от своего суверенитета в пользу ЕС никак не будет компенсирован ни экономи-

ческим содержанием (запрограммированные расходы ВП ничтожны), ни — самое главное — участием участников в выработке и принятии решений ЕС о странах ВП, хотя бы таким символическим участием, каковым позволено пользоваться в ЕС странам Прибалтики, Румынии и Болгарии. ВП — это не «Брежнев сегодня» (суверенитет в обмен на деньги), это «Брежнев завтра» — как максимальный приз участникам, отдавшим ЕС свой суверенитет не за деньги, а за сомнительное удовольствие *вымаливать* у ЕС деньги и особый статус, чем уже занялись вожди стран ВП.

Пропагандисты ВП напряглись и заговорили о каких-то новых «ценностях», предоставляемых носителем ценностей, то есть ЕС, участникам этой программы, русская дипломатия обиделась на неприглашение в ВП, удовлетворилась указанием авторов ВП на то, что она ВП не конфликтует с отношениями ЕС с Россией и нескандално обрадовалась придуманному для неё (но не предусмотренному программой) статусу наблюдателя. Зачем? Никаких новых ценностей ВП не предлагает, никакого профита для его участников (и тем более — России) не подразумевает, но предельно откровенно формулирует новые, ещё более конкретные и циничные применения колониальной «политики соседства» ЕС специально для его восточных соседей. Наблюдать (даже в особом статусе) это запрограммированное изнасилование, обижаться, что на это мероприятие не позвали, — обида и удовольствие крайне сомнительные, не имеющие ничего общего ни с профессионализмом, ни с государственной честью.

Участникам и будущим наблюдателям ВП важно признать, куда именно, кроме указанной в программе зоны «жизненных интересов ЕС», их записали и какие «ценности» для них приготовлены.

Во-первых, программа ВП беспрецедентно внятно даёт понять её участникам: ваш статус для отношений с ЕС — это статус даже не второго и не третьего сорта, это что-то вообще находящееся за пределами равноправного или даже неравноправного диалога, это просто диктант для вечных учащихся школы, для вечно неполноправных. Ведь если на деле равным статусом при принятии принципиальных политических и экономических решений в ЕС не обладают даже члены ЕС Латвия, Литва, Эстония, Болгария и Румыния, то очевидно, что «страны-кандидаты» (Хорватия, Турция) обречены на ещё более «особые» условия ведения диалога. За ними, рангом ниже в градации допущенных к диалогу с ЕС в статусе «возможных кандидатов», следуют *только* Албания и Косово (даже не признанного всеми странами ЕС). Так вот: статус стран ВП — Белоруссии, Украины, Молдавии, Грузии, Армении и Азербайджана — для ЕС принципиально ниже статуса Албании и непризнанного Косово. При этом, например, полноценное участие Белоруссии в ВП дополнительно оговорено в программе особыми успехами её отдельного диалога с ЕС.

ВП является не просто фрагментацией и детализацией прежде принятой «политики соседства» ЕС, но явным снижением уровня и ограничением перспектив для участников ВП, *исключаящими* их полноправное членство в ЕС, в сравнении с прежней риторикой вокруг «нового соседства» как формата *приближения* к членству в ЕС. В коммюнике программы ВП прямо говорится: цель ВП — сотрудничество его участников с ЕС *в рамках* оборонной и экономической политики ЕС, перспективой которого названо не более чем включение в «Экономическое сообщество соседства», служащее лишь шагом к полноценному участию

в экономике ЕС. Очевидно, что даже долгосрочные успехи стран ВП обещают им только следование в экономическом фарватере ЕС без каких-либо надежд на политическое сотрудничество и участие. При этом в экономическом плане странам ВП обещано включение не в «Экономическое сообщество соседства», а лишь в специально создаваемый для них «ареал свободной торговли» — особый экономический режим вне ЕС и вне его «соседства».

Во-вторых, общая цель ВП реализуется отнюдь не в следовании «ценностям» или иным риторическим уловкам. Реализация ВП прямо заявлена в трёх бескомпромиссных направлениях:

- 1) энергетическая безопасность,
- 2) сокращение неравенства социально-экономического развития стран-участниц,
- 3) принуждение к реформам. Авторы ВП реалистичны и больше не упаковывают свои намерения в риторику, они признают, что участники ВП «имеют различные цели в отношениях с ЕС», и естественно, что ЕС считает себя свободным в диверсификации своих целей с соседями.

В-третьих, самая крупная и детально прописанная часть программы ВП, «энергетическая безопасность» вынесена в самостоятельный раздел и совершенно отделена от уступающего ей по объёму раздела об экономике. Цель «энергетической безопасности» ВП:

- 1) реализация долгосрочной стратегии энергоснабжения и транзита,

- 2) региональная интеграция энергетической инфраструктуры стран ВП (здесь ВП требовательно всё ещё настаивает на уже решённом закрытии Армянской АЭС),
- 3) полная интеграция энергетического рынка Украины с рынком ЕС, приоритетом которой называется реабилитация сети нефтяного и газового транзита на Украине, включая мониторинг поставок,
- 4) конвергенция энергетической сферы Азербайджана с энергетическим рынком ЕС и её инфраструктурная интеграция в ЕС,
- 5) кооперация углеводородного транзита Белоруссии с ЕС и реформы в энергетическом секторе Белоруссии. При этом особый акцент программа делает на транзитном статусе участников ВП.

Детальная «платформа энергетической безопасности» ВП, сформулированная для текущего мониторинга реализации программы, требует гармонизации энергетических политик и законодательств стран-участниц с соответствующими политикой и законодательством ЕС, сближение и развитие региональных энергетических рынков, диверсификации источников энергопоставок, включая поставки из Средней Азии по «Южному коридору». Требование диверсификации энергопоставок, выдвигаемое ЕС странам ВП, представляет собой странное соединение солипсизма и невежества: ведь для большинства стран ЕС источники внешних энергопоставок и без того вполне диверсифицированы (не только с Востока, но и из Скандинавии и Африки), а вот, например, для Белоруссии или Грузии, равно как и для всех остальных стран ВП, глупо говорить о диверсификации поставок, в любом случае и без того опирающихся на источники в России

и Средней Азии. А в продвижении риторической (то есть лишённой экономического содержания в логике поставок энергоносителей из Средней Азии, а не из Ирана) идеи энергетического «Южного коридора» авторов ВП даже не беспокоит то простое обстоятельство, что эта, *вторая главная*, цель ВП ничего даже не обещает ни Белоруссии, ни Украине, ни Молдавии, ни Армении.

В наиболее общих формулах беспокоясь о борьбе с коррупцией в странах ВП, поддержании внутренней демократической стабильности, снижении уровней внутренних конфликтов, в предметном «районировании» зон конфликтов, ЕС видит и описывает их только там, где они угрожают только и исключительно объявленным в ВП энергетическим «жизненным интересам», а именно энергетическому транзиту, а не целостной стабильности регионов и государств.

Отчаянной глупостью выглядит указание (среди закавказских угроз энергетической безопасности) на грузино-абхазский спор вокруг ИнгурГЭС и одновременно полное игнорирование потенциала конфликта вокруг Нагорного Карабаха, который даже не учитывается в проектировании амбициозной задачи закавказской энергетической интеграции. Но это не глупость, а указание целей и представление о том, что уже может быть фактором риска. Демонстративной «некомпетентностью» выглядит особая забота ВП о транзите газа из России на Балканы через Молдавию и Приднестровье: будто бы что-то ему угрожает непосредственно в регионе, а не, например, на Украине, и будто бы этот транзит недостаточно прозрачен для инвесторов и потребителей. Истинная забота об «уверенности инвесторов», задача укрепить её

силами всех вовлеченных в ВП игроков не покидает авторов ВП там, где, совершенно очевидно, нет и не было места экономическим, а не политическим, инвестициям: в Транскаспийском энергетическом транзите из Средней Азии на Кавказ. При этом без особенных сантиментов всем странам ВП предписывается интегрировать свои энергетические инфраструктуры, а затем включить их в сети ЕС, даже не обсуждая проблем их нынешних инвесторов и собственников, конфликтных обстоятельств, традиционных рынков сбыта и снабжения.

Установление контроля ЕС над энергетической сферой и энерготранзитной инфраструктурой Белоруссии, Украины, Молдавии, Грузии, Армении и Азербайджана — без равной этому контролю политической и экономической ответственности ЕС перед странами ВП — вот что с очевидностью является главной целью ВП как новой энергетической формулы европейского колониализма, в которой, за исключением незначительных собственных энергетических возможностей Азербайджана, главная «энергетическая» роль ВП — не производство, а транзит.

Этот энергетический колониализм, без всякого сомнения, не был бы реализован в иных обстоятельствах. Но теперь — и без денег, но с новой войной США за демократию в Азии — проникнутый высокими ценностями Европейский Союз, не стесняясь, объясняет Восточной Европе и Кавказу, что самая важная их ценность для Европы, самое важное их цивилизационное предназначение — добровольно отдать новым хозяевам транзитные ключи от энергетических дверей России и Азии.

*Февраль 2009*



## **Политический класс против государства: 100 лет «Вех»**

Сборник статей о русской интеллигенции «Вехи», увидевший свет в Москве ровно сто лет назад, 16 (29) марта 1909 года, — центральная книга русской политической мысли. Хотя её исторический контекст становится теперь всё более герметичен и требует всё большего количества разъяснений, на языке «Вех» до сих пор говорит почти вся русская политическая мысль, по её навигации до сих пор действует русская политика, русский политический класс, традиционно состоящий из бюрократии и интеллигенции.

Основные оппозиции «Вех» живы и вновь заставляют политический класс выбирать: идейно-революционный эгоизм — или государство, вторичное подражательство — или национальное творчество, распределение — или производство, «кровавый режим» — или личная ответственность и эффективность, потребительский материализм — или идеалистическое подвижничество, партийная целесообразность — или право...

Но теперь — это не самое главное в наследии «Вех». В первую очередь потому, что контекст сборника только в учебниках прост: де, после поражения первой русской революции (1905 года) бывшие революционеры показались и призвали своих товарищей отказаться от революционности во имя позитивного государственного строительства.

Теперь историческая дистанция позволяет нам видеть в «Вехах» ещё больше. А именно то, что генетически близкие друг другу властная бюрократия и оппозиционная интеллигенция, политический класс — принципиально далёк от интересов большинства, равнодушен к общественному знанию, к той действительной нужде, нищете, жажде личной свободы и безопасности, что составляет главное содержание ежедневной борьбы большинства.

Политический класс равнодушен к тому обществу и государству, чьим именем легитимируется его единственное содержание, его власть и претензия на идейное лидерство. Тогда, 100 лет назад, перед глазами авторов «Вех» стояло общее, архаичное по сути, убеждение этого разнополюсного класса в том, что исторический прогресс государства, политическое освобождение России — автоматическая неизбежность, которую надо лишь регулировать по части полноты и скорости реформ-революций. И что это освобождение — реализация внешних либеральных и социалистических схем политического и общеэкономического устройства, и лишь во вторую и третью очередь — практическое обеспечение социальных и экономических прав большинства. И лишь в десятую очередь — массовой частной собственности.

Этот солипсизм политического класса, похоже, хроничен. Как вспоминает теперь один из членов либеральной «гайдаровской» команды, А. Н. Шохин, неудача самой массовой из их реформ — либерализации цен 1992 года, — оказывается, уже тогда была для них очевидна: «Отпустить цены в условиях колоссального монополизма — значит, способствовать росту цен. А мы даже близко не подошли к тому, чтобы демонополизировать советскую экономику... Не удивительно, что цены зашкалили. Или потеря сбережений... Накопления, дававшие населению определённую стабильность, исчезли. Планировалось компенсировать это за счёт текущих доходов. Но тут раз — и многомесячные невыплаты зарплат. Вот чего никто не ожидал! Все очевиднее становилось: если реформы затянутся надолго, появятся объективные причины для коммунистического реванша...»

Говоря именно о таком солипсизме интеллигенции, «Вехи» впервые (на разные голоса, но внятно) сказали то, что так скандально остро сформулировал в сборнике М. О. Гершензон: «**Каковы мы есть**, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной». Впервые в истории русской интеллигенции «Вехи» усомнились в автоматизме либерально-социалистического прогресса, гарантирующего от «ярости народной» тот политический класс, что надеется на книжное «освобождение» общества и государства **мимо** социально-экономических интересов большинства, и самое главное — почему-то убеждён, что лояльность «штыков и тюрем» (государственных институтов) априори гарантирована реформаторам и революционерам.

Что само это государство просто будет существовать, что бы ни делал с ним и своей исторической ответственностью политический класс, как бы ни будил он своей демагогией те масштабные социальные утопии большинства, что просто уничтожают общество и государство. «Вехи» впервые внятно произнесли: судьба государства прямо зависит от **качества** политического класса. И вовсе не только объявили ему позитивную утопию «новой политики», а устами С. Н. Булгакова вынесли приговор: или русская интеллигенция «поднимется на высоту своей задачи», или «в противном случае, интеллигенция... погубит Россию».

Современный историк О. Р. Айрапетов, исследуя внутреннюю историю русского фронта Первой мировой войны, обнаруживает корни Февраля 1917-го в сговоре части императорского двора с высшим генералитетом, в цепной реакции сговора — в союзе генералитета с выращенным на госзаказах олигархическим предпринимательством, либеральной газетной, муниципальной, земской и парламентской клаской, социалистами и профсоюзами. Историк находит и «генеральную репетицию» Февраля — не в чём ином, как в массовых «национал-патриотических» погромах 1915 года в Москве, формально направленных либерально-дворцовым комплотом против иностранных «агентов влияния», а на деле — против одной из военно-политических партий воюющей страны. Именно тогда политический класс вытренировал стихию гражданской войны, полагая и далее манипулировать ею. И с блеском применил свой опыт дворцово-уличного заговора в Феврале. Социал-либеральная интеллигенция, придя к власти, вычистила из власти этот двор и генералитет. Но в Октябре, не выдержав эксперимента, государство

умерло. Именно об этой перспективе писали «Вехи» в 1909 году.

Хаос и кровавая гражданская война 1917–1920 гг., террористическая сталинская мобилизация, воссоздающая из хаоса элементарно способную к самозащите государственность, стали исторической иллюстрацией диагноза «Вех». Так и теперь: что бы ни говорили современные кабинетно-уличные наследники псевдо-«веховского» перестроечного «Иного не дано», автоматического прогресса нет и не будет. «Иное дано» — в условиях самоубийственного самолюбования политического класса — **альтернатива есть**. Это новая национальная катастрофа и, может быть, окончательная историческая неудача.

*Март 2009*

**«Вот ваши подвиги...»:  
100 лет «Вех»**

«Вот ваши подвиги, ими можно исписать толстые книги». Так писал Велимир Хлебников в одном из своих манифестов о репрессивной и бескрылой современности, в которой правят буржуазные «приобретатели». Может быть, и в самом деле перед сознанием гения стояли эти библиотеки книг о «подвигах приобретателей». Но в русской культуре от Герцена до Иванова-Разумника бороться с буржуазным мещанством было особенно некому. Интеллектуальные вершины были погружены в социализм и омывались социализмом. Лишь сборник статей о русской интеллигенции «Вехи» (1909) попробовал оправдать буржуазное производительное, творческое и религиозное строительство, воспитание и компромисс. И был растерзан. Растерзан и переварен настолько, что уже через год-два, перед лицом взаимно альтернативных усилий национально-го книгоиздательства «Путь» и интернационального журнала «Логос», творивших новую интеллектуальную реальность, «Вехи» воспринимались не как скандал, а как конфликтная классика. В марте 2009 года «Вехам» исполняется 100 лет.

## 1.

Главным героем «Вех» стала русская интеллигенция, которая в истекшие 100 лет изрядно измучила русскую интеллектуальную сцену в высшей степени бессодержательным изучением своих духовных высот и трагических глубин. На деле же она была одним из национальных образов **политического класса**, вплоть до 1991 года реализовывавшего себя чаще сугубо теоретически. Главным классическим наследием «Вех» стали систематические **критика и анализ** собственных идейных, исторических и политических оснований того безграничного интеллигентского социализма, который в интеллектуальной практике того времени доминировал почти абсолютно и составлял предмет многолетнего идеологического консенсуса упомянутого русского политического класса. Подвергнуть нелицеприятной критике, попытке преодоления весь образный строй и язык собственного политического класса могли только классики. Ими и стали авторы «Вех». Но вслед за тем и надолго драгоценное наследие «Вех» отошло на второй план перед его же скандальной славой и его же скандальным **лоялизмом** и властелюбием.

В 1910–1916 гг. каждый из авторов издал сводный том своих сочинений, в который одним из центральных элементов включил и свою «веховскую» статью. Кое-кто попробовал доформулировать «веховскую» самокритику до целостного мирозерцания — до «либерального консерватизма», в котором политическая практика должна была вдохновляться религиозным образом мира, из чего вытекали бы концепции социально-политической «середины», гражданского компромисса и т. п.

Однако проект «веховского» «либерального консерватизма» проиграл. Его политические возможности стремились к нулю, а историческая плоть менялась так быстро, что «веховцам» оставалось лишь — каждому по-своему — искать личное место в национально-культурной катастрофе.

Национальная катастрофа сыграла с «Вехами» жестокий спектакль: идейное семя, посеянное ими, возшло совершенно не так, как хотелось бы «Вехам». Почти солидарно поставив в центр своего нового мира **органическое государство**, в значительной степени освободив его проект от правовых рамок, дискредитировав революционную борьбу как заведомо антигосударственную, позволив государству стать главным носителем национального мифа, «Вехи», скорее всего, хотели спасти от уравнительного, утопического разрушения всё, что было связано с многогранным образом цивилизации в России, — и «подыгрывали» государству *in idea*, закрывая глаза на его уже крайнюю «усталость» *in concreto*. В дни «защиты культуры от хаоса» государству прощали многое.

Но в 1917–1918 гг. хаос победил. И, следуя своей логике, прямые наследники «Вех» стали требовать для России хоть какого-нибудь государства, по результатам гражданской войны оказывавшегося всё более коммунистическим, то есть тем, что ещё вчера угрожало самим основам исторической государственности. Прямой продолжатель «веховского» этатизма — сборник «Смена Вех» (1921) — породил даже особое движение, в рамках которого антикоммунистический политический класс, под руководством советских карательных органов, по-



мог советской власти преодолеть блокаду западного мира, сформулировать основные военно-стратегические и экономические приоритеты новой государственности. И растворился без остатка.

Не случайна прямая, линейная связь Бердяева «Вех» и Бердяева 1922 года, до и после высылки из советской России твердившего (к неопишуемому гневу Струве), что потайной религиозный ренессанс масс настолько несомненное большевистского террора, что именно он и отменит в скорости советскую власть. Эта национал-большевистская казуистика — не более чем повторение его же «веховского резюме», которое там пока ещё выглядело покайанием и просветлением: «Мы освободимся от внешнего гнёта лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, т. е. возложим на себя ответственность и перестанем во всём винить внешние силы. Тогда народится новая душа интеллигенции». Но разве не сам Струве, собственноручно создавший дебютные литературные успехи Бердяева, Франка, Кистяковского, Изгоева, твердил в тех же «Вехах»: «самое положение «политики» в идейном кругозоре интеллигенции должно измениться... ибо в основу и политики ляжет идея не внешнего устройства общественной жизни, а внутреннего совершенствования человека».

Разве не Франк, рассорившийся в начале 1920-х гг. со своим другом и учителем Струве вокруг «непризнания» (Струве) и «признания» большевиков органическим фактом (Франк), ступил на этот путь примирения с будущими большевиками именно в «Вехах», когда писал: «Если в до-революционную эпоху фактическая сила старого порядка ещё не давала права признавать его внутреннюю историческую неизбежность, то теперь, когда борьба закончилась

неудачей защитников новых идей, общество не вправе снимать с себя ответственность за уклад жизни, выросший из этого брожения. Бессилие общества, обнаружившееся в этой политической схватке, есть не случайность и не простое несчастье; с исторической и моральной точки зрения это есть его грех»<sup>1</sup>.

Вслед за тем нужда в «веховском» лоялизме отпала, на первый план вышла критика революционной интеллигенции (наследники которой правили в СССР), а для более узкого употребления актуализировался миф о якобы присутствующем в «Вехах» проекте религиозно переосмысленной политики и общественности.

После 1991 года, гибели коммунистического строя в России, обширная советская интеллигентная среда, выросшая с представлением о «Вехах» как о манифесте альтернатив (социализму, интеллигенции, атеизму) всё с меньшей готовностью узнавала себя в герое этого сборника. Пока не перестала узнавать себя вовсе: ибо более не собиралась революционным путём достигать социализма, предпочитала по умолчанию быть лояльной к церкви и власти, не испытывала особенной любви к собственному народу, не готовилась к его усиленному просвещению,

---

<sup>1</sup> Не вполне корректно, но зато достаточно убедительно — в первую очередь, для представления о пути, пройденном русской мыслью после «Вех», — сравнение этого этактиского «греха» Франка с положением «Основ социальной концепции Русской православной церкви»: «Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении. Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, понуждающего к тяжкому греху... Священноначалие... может... призвать народ применить механизмы народовластия для изменения законодательства или пересмотра решения власти... обратиться к своим чадам с призывом к мирному гражданскому неповиновению» (III. 5).

в массовом фундаменте своём уже просвещённому коммунистической властью.

Историческая плоть «Вех» ушла в прошлое. Изолированные от социального контекста бывшие политики, генетически чужие политике бюрократической, «веховцы» сами начали инициативно и добровольно изолироваться от культурной среды, большинства своего политического класса. Но воссоединить некогда, в XIX веке, общий для всех партий язык описания общенациональных проблем до- и пореформенной России — с общенациональными проблемами государственности XX века, вывести его из раскола агиток «классового анализа» и «народной религиозности», — не удалось. И во все годы раздельного существования русской эмиграции и советской метрополии этот языковой раскол проходил через все взаимно враждебные интерпретации «Вех».

После 1991 года, по мере превращения «Вех» в просто самый известный памятник русской мысли, игровое, подражательное отношение русских читателей «Вех» стало сменяться ревнивым сопоставлением их собственного исторического опыта 1990-х и 2000-х годов с опытом того, как боролись «Вехи», насколько успешна была их вивисекция, рентабельна их история интеллектуального успеха. Вслед за этим в России вырос собственный, уже не миметический, политический класс, пропитанный смесью показной, лживой лояльности к своему государству и калейдоскопом самых завиральных идей о социальной реальности и собственном в ней призвании. Прожило, провалялось в пыли, провоевало своё первое двадцатилетие и поднялось новое государство.

И «Вехи» вернулись: им есть что рассказать о наступившем кризисе. Внимательного читателя не оставляет ощущение дежавю: его вновь не покидает «околовеховский» протест — против религиозности или власти, самозаконного политического класса или русской вторичности. Даже столетней давности политический язык «Вех» не воспринимается как препятствие: настолько он вплетён в дискурсы даже тех, кто «Вехи» терпеть не может. Ведь отнюдь не устарела преподанная ими классика самокритики. Самокритики интеллектуальной моды и левизны, о которой смешно говорить, что она устарела.

## 2.

Поэтому судьба «Вех» не имеет precedентов и повторений, сколько бы их ни искали исследователи и ни принимали последователи. Разве что — по многим параметрам близкий к жанру «идейного сборника», принципиально враждебный «Вехам» сталинский «Краткий курс ВКП(б)» может сравниться с ними масштабом своих интеллектуально-общественных претензий и длительностью воздействия на язык описания русской (советской) истории. Но за спиной влияния «Краткого курса» — тотальный террор, а за «Вехами» — двойственная сила почти тотального отторжения современников и почти всеобщей любви потомков, одновременно видящих себя генетическими продолжателями тех, кто был «Вехами» осуждён.

Эта странная «околовеховская» шизофрения единой традиции русской интеллигенции составляет один из главных уроков этой книги: «Вехи» исповедовали те же главные политические цели, говорили на том же языке

и мыслили теми же образами интеллигенции, политической и исторической смерти которой желали. Современная им русская интеллигенция вполне законно обвинила авторов «Вех» в неоригинальности, несамостоятельности, банальности их самокритики и откровений, но главное — в предательстве всей вырастившей их политической, культурной и интеллектуальной традиции.

Позднесоветские наследники, ценя компетентный, «инсайдерский» антисоциализм «Вех», однако, не очень хорошо понимали всей меры политической наглости и роскоши «Вех», которые — при вполне вегетарианском полуконституционном самодержавии, свободе союзов и слова — истекали презрением к «внешнему устройению жизни». Наследники не понимали, как можно, в советской практике, с чистой общественной совестью исполнить вслед за «Вехами» это же презрение к внешней свободе. Кажется, советскими поклонниками «Вех» двигала не жажда антиобщественной внутренней свободы или, например, «предательства идеалов», а тайная жажда свободы от **пра-  
влящего** социализма.

Теперь уже у прежних героев и современных читателей «Вех» генетического противоречия нет. Если понимать под исследованной в «Вехах» «интеллигенцией» гораздо более лапидарный, менее эмоционально окрашенный, столь же отдельный от бюрократии, но пересекающийся<sup>2</sup> с ней «**политический класс**», то многое становится на свои места: и критика «Вех» перестаёт быть герметич-

<sup>2</sup> Гершензон: «Русская бюрократия есть в значительной мере плоть от плоти русской интеллигенции»; Кистяковский: «Не есть ли наша бюрократия отпрыск нашей интеллигенции».

ной, и их актуальность не блуждает в исторически умерших обстоятельствах.

Булгаков прямо изображает интеллигенцию как политический класс, чей западный аналог укоренён в религиозной (идеальной) этике и особом культурном укладе народного хозяйства. Даже в традиционно полной коротких формул и деклараций, а не описаний, статье Бердяева довольно внятно определена «кружковая интеллигенция» (политический класс), как и бюрократия, противостоящая общенациональной жизни и «деспотически» оперирующая риторикой «народолюбия», то есть — в современных условиях — формулирующая свои политические цели на языке, как минимум, электорального большинства и популизма. Современный политический класс столь же близок к политически равнодушной к нему бюрократии, сколь близок он к прежней интеллигенции, ибо они, старые формулы интеллигенции и бюрократии, и описывают сейчас полноту «политического класса». Сейчас одинаково и у искренних, и у миметических поклонников «Вех» другая беда — они солидарны со своим политическим классом, но его интеллигенция и бюрократия, в отличие от «Вех», далеки от риторики большинства, пафоса социального знания, практики христианской совести.

После происшедших в 1990–2000-е гг. социально-политических чудес — освобождения от коммунизма, спасения от гражданской войны и полного государственного распада, экономического роста, — когда всевластная интеллигенция умерла, — можно было поверить в чудо превращения старой «неправильной», порождающей «Вехи», русской политики: в новое «правильное», исполняемое университетскими фарисеями процедурное пережёвы-

вание общественных интересов в жвачку «общего блага». Но после чудес наступил мировой кризис, вернулась политика, и фарисеи — в силе и славе, свободе и слове — вновь клеймят «кровавый режим» за отсутствие свобод и более всего — за актуальность «Вех». Впрочем, исчезала ли эта актуальность? Ведь пережили же «Вехи» как методический инструмент не только ушедшие уже в тень 1990-е годы, но 1917–1918 и 1941–1945 годы.

### 3.

Как бы ни лукавили они вокруг «самосовершенствования», у самих авторов «Вех» — абсолютный консенсус политического освобождения, который они считали недостижимым в 1905 году. Откуда же это лукавство приоритета «внутреннего устройства жизни»? Если Булгаков девять лет спустя после «Вех», уже в послеваховском «Из глубины» 1918 года цитировал своё «веховское» — «интеллигенция погубит Россию», то, может быть, это осознание неминуемой катастрофы заставило авторов сборника радикально пойти против своего политического класса? Но с чем? Понятно, что, оказываясь от самодостаточной, самозаконной сферы политического, в условиях массовой политической несвободы, «веховский» политический класс искал для страны спасения от угрозы хаоса, охлократии и одновременно не мог признать в своей капитуляции перед действующей государственной властью, на которую он на деле мог повлиять лишь посредством политического шантажа, угрозой, провоцируемой интеллигенцией охлократии. И более ничем. Не сборниками же статей.

Булгаков признаётся: «Русская государственность не обнаруживает пока признаков обновления и укрепления, которые для неё так необходимы... Революция поставила под вопрос саму жизнеспособность русской гражданственности и государственности, не посчитавшись с этим историческим опытом, нельзя делать никакого утверждения о России... Русская революция развила огромную разрушительную энергию, но её созидательные силы оказались далеко слабее разрушительных». Исподволь надеясь на фактическую смерть традиционной, конфликтной внутренней политики, Струве, очевидно, главные надежды свои связывал с тем, что русская интеллигенция (как «политическая категория») стала значимым фактом исключительно в ходе рецепции западного социализма и вокруг его задач и теперь (в 1909 году), когда западный социализм входил в «кризис и разложение» и поглощается синдикализмом и социальной политикой. Струве полагал, что такое приземление и русского социалистического политического класса — только дело времени. Прогностическая нищета и примитивность такого экономико-материалистического взгляда Струве на социально-политический прогресс бросается в глаза. Пользуясь завоёванными революцией 1905 года свободой слова и возвращением из эмиграции в Россию, Струве, тем не менее, видит «поражение» революции 1905 года в том, что она в своём радикализме пошла дальше конституционных требований и вызвала на себя и страну огонь реакции, поставив под сомнение завоевания 1905 года. Но все остальные авторы «Вех», по-видимому, не разделяют столь филигранного толкования Струве. Для них нераздельное на революционеров и конституционалистов общее **поражение** чаемой радикальной революции — главное преступление русской интеллигенции,



оказавшейся *именно-в-поражении-неадекватной* вековой задаче политического и социального освобождения России.

«Поражение интеллигенции,... революция и её подавление,... идеология интеллигенции... неспособна привести к той цели, которую ставила себе сама интеллигенция, — к освобождению народа», — формулировал Гершензон в общем предисловии к книге. Однако «веховцы» с такой готовностью говорили о поражении революции, что, когда она дошла до пределов своей утопии в 1917 году, они признали поражение уже не только интеллигенции, но и всей страны, её государственности и культуры. Эта принципиальная зависимость судьбы страны от качества её политического класса — не очень оригинальное открытие «Вех», зафиксированное в «веховском» же *post-mortem* — «Из глубины», но в русском XX веке оно почти монопольно принадлежит «Вехам». Стоит ли удивляться, что и в начале XXI века кризис в России вновь поднимает крышки этих гробов.

Примечательно, что более других авторов остававшийся социалистом (хотя и «правовым») Кистяковский прямо спорит со своим коммуно-анархическим (Бердяев) и либерально-консервативным (Струве) коллегами в их едва ли не паническом отказе от «внешнего устроения». Кистяковский подчёркивает: «Внутренняя свобода возможна только при существовании свободы внешней, и последняя есть самая лучшая школа для первой». Не иначе как устойчивость Кистяковского в неревolutionной левизне гарантирует его от отказа от права и внешней свободы и удерживает его от разного рода мифологических ухищрений. Но, как и всякого социалиста, не мыслящего

себя вне риторического общения с массой, его волнует собственное право на лидерство. Кистяковский пишет: «В нашей «богатой» литературе в прошлом нет ни одного трактата, ни одного этюда о праве, которые имели бы общественное значение». Его интересует «литература, приобретшая общественное значение..., что способно было бы пробудить правосознание нашей интеллигенции». «Где та книга, которая была бы способная пробудить... правосознание нашей интеллигенции?» — восклицает он. История мысли знает немало случаев того, как трактат пробуждал общественные эмоции (и история «Вех» тому примером), но чтобы действительно так одним махом «пробудить» «правосознание» целого политического класса — утопия. И в этом вождистском утопизме Кистяковский повинен вместе со всей разоблачаемой им русской интеллигенцией и своими единомышленниками.

#### 4.

Общее для авторов «Вех» отвержение народничества и их наследников социалистов-революционеров, социал-демократическая ревность к их успешному освоению азов марксистской науки, к массе, стоящей за ними, к разнообразному аграрному и социальному их знанию, скрытая зависть к яркому поздненародническому и анархистскому соединению религиозности и индивидуализма с революционаризмом — это вовсе не самокритика, а межпартийное сведение счётов. Это понимание того, что собственные предвеховские проекты авторов «Вех» — «критического направления в русском марксизме», «идеалистического направления в освободительном движении», «христианская политика» — не удалась как сколько-нибудь существ-

венные политические игроки<sup>3</sup>. Поэтому почти всё в социальном опыте «Вех» верно для меньшинства, марксистов и социал-демократов, но неверно для большинства политического класса, социалистов-революционеров и стоящего за ним демократического большинства.

Однако вся революция 1917 года и вся сталинская мобилизация 1920–1930-х, к ногам которой положили свой образ государственности и свою личную лояльность такие немногочисленные оставшиеся или вернувшиеся в советскую Россию «веховцы» второго поколения, как С. А. Котляревский, В. Н. Муравьёв, Ю. В. Ключников, Н. В. Устрялов, в основе своей — производная от проблемы массового доиндустриального крестьянства, доиндустриальной демократии, которую видели социалисты-революционеры и не хотели видеть «Вехи». Вот в невнимании «Вех» к социальной реальности, к тому, что в конце концов решило судьбу России, в разочаровании в политической практике, в этом бессилии их «религиозно-идеалистического» пафоса, в этом громогласном и часто пустом бряцании кимвалом — их слабость.

Самим себе поставленных испытаний государственной практикой (или хотя бы описанием её) «Вехи» не выдержали. Достаточно указать на то, как в геополитической основе концепции «Великой России», параллельно «Вехам» развивавшейся (вроде бы видным специалистом по экономике и внешней политике) Петром Струве, можно вычитать экспозицию утопии русско-армянско-еврейской экспансии в Проливы и Палестину. Но ни единого упоминания о критически важных для любой практической

<sup>3</sup> Это в «Вехах» признаёт и Бердяев: «Критическое течение в марксизме, которое потом перешло в идеализм, широкой популярности среди интеллигенции не имело».

государственной власти и мысли России проблемах колонизации Сибири, защиты Дальнего Востока и освоения их ресурсов! Абстрактность такого «либерального империализма» удивительна.

Социальное бесчувствие Струве удивительно. Историк крепостного права, он внятно анализирует социальный смысл русских смут XVII–XVIII вв. в многократных попытках «освобождения крестьян», но он же, историк товарного дворянского землевладения, теоретик тесной связи свободы и собственности, совершенно не замечает того, что на момент «Вех» «освобождение» многомиллионного русского крестьянства идёт без земли (без желаемой крестьянством формы уравнительного «чёрного передела»). Говорить в «Вехах» о таких «правовых» корнях смуты и не говорить о её «материальном» социальном смысле — не только утопия, но и опасная слепота — и для 1909, и для 1917 годов. Это приговор любым рассуждениям о политическом знании и воспитании. Струве исходит из того, что конституционным манифестом 17 октября 1905 революция должна была закончиться, но де социалистические радикалы, разжигавшие восстания и крестьянские движения, вывели позитивный государственный смысл революции в поле антигосударственного разрушения. Но что в таком случае государственная самозащита должна была предпринять, чтобы удовлетворить (хотя бы отчасти) уравнительные социальные ожидания масс? У Струве бессмысленно искать на это иного ответа, кроме красотой о «личной годности». Вот поражающий практически бессилием образец его «веховской» политической теории: пока «не было создано народное представительство, ...действительное настроение всего народа

и степень его подготовки к политической жизни... никому ещё не были известны».

Скандализируя интеллигентский антибуржуазный вкус, Струве писал: «в процессе экономического развития интеллигенция «обуржуазится» ... примирится с государством... быстрота этого процесса будет зависеть от быстроты экономического развития России и быстроты переработки всего её государственного строя в конституционном духе». А если не будет не только скорости, но и вовсе экономического развития и экономического роста? Как в войну 1914–1918 гг. или в год столетия «Вех» (2009)? Тогда что — политический класс, согласно Струве, должен вернуть билет на примирение? Видимо, **капитуляция** Струве перед принятой на себя полнотой государственного сознания, похоже, была всего лишь ещё одной ценой (кроме интеллигентского покаяния), которую он заплатил за своё призрачное «участие» в судьбе государства. Но отмеченная самими «Вехами» непрактичность, отвлечённость и безответственность русского политического класса, претендовавшего на осуществление в революции всех «заветов» социального чуда, ни на шаг не отпускали и Струве, заставляя его ускользать от политической реальности в теоремы «внутреннего совершенствования». Так он, вместе со своим разоблачённым им политическим классом и шёл к новой, почти предсказанной им смуте.

## 5.

И всё-таки — в своём главном — «Вехи», даже капитулируя перед властью, даже чураясь конкретного социально-политического знания, говорили о задачах интеллиген-

ции как деятельности политического класса. Обнаружение этого класса как нового социального тела интеллигенции, наверное, центральное место в актуальности «Вех». Говоря о себе, Булгаков, конечно, примерял не только этику революционаризма с его «ожиданием социального чуда», а и натуральное бремя общественной власти и знания, «интеллектуального смирения»: «чувство ограниченности индивидуальных сил пред расширяющимися задачами охватывает и философского мыслителя, и государственного деятеля, и социального политика».

Булгаков точнее всех сформулировал центр поисков «Вех»: «Для патриота, любящего свой народ и болеющего нуждами русской государственности, нет сейчас более захватывающей темы для размышлений, как **о природе** русской интеллигенции, ... поднимется ли на высоту своей задачи русская интеллигенция, ... ибо в противном случае, интеллигенция... погубит Россию». Видимо, в «Вехах» только Булгакову, обсуждая предпосылки и природу социального «деятеля», удалось провести линию между малосодержательными крайностями «внешнего» и «внутреннего устройства». С редкой для «Вех» точностью Булгаков раскрывает своё понимание интеллигенции как ныне обанкротившегося, но завтра призванного к (неудавшемуся) подвигу политического класса: «Для русской интеллигенции предстоит медленный и трудный путь перевоспитания личности... Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни: государственной — для осуществления «реформ», экономической — для поднятия народного хозяйства, культурной — для работы на пользу русского просвещения, церковной — для поднятия сил учащей церкви, её клира и иерархии». Булгаков говорит о церкви, но в ряду

уже упомянутых им сфер превращения интеллигенции в «деятелей» (хозяйства, культуры и власти) церковь лишь одно из подобных применений, и его определение звучит принципиально: «Имеет ли интеллигенция настоящее право для такой (атеистической — М. К.) критики церковной жизни, пока она сама остаётся при прежнем индифферентизме или принципиальном отрицании религии, пока видит в религии лишь темноту и идиотизм»?

Мне нечего добавить к этому столетней давности диагнозу. Анализируя «Вехи», ты не можешь избавиться от ощущения, что они лишь потому отмечают сегодня 100-летний юбилей и что в том причина их великого результата, что их авторы в полном сознании пошли на моральное, политическое и интеллектуальное самоубийство. Конечно, они подготовились к нему неудачно, слишком многое повязало их по рукам и ногам. Конечно, общественный смысл их предприятия ничтожен. Но интеллектуальное качество самоубийственного усилия «Вех» недосыгаемо. Может быть, потому, что — и в силе, и в слабостях своих — они добровольно стали мыслящей жертвой. Наверное, это единственно возможная моральная позиция для социального мыслителя.

*Март 2009*

## **«Уход Белоруссии на Запад»: две игры и две погибели**

В конце прошедшей недели проблемы в отношениях России и Белоруссии, которые в последнее время являются одним из самых спорных успехов политики России на постсоветском пространстве, наконец проявили себя самым скандальным образом. Президент Белоруссии Александр Лукашенко, явно выведенный из себя заявлением министра финансов России Алексея Кудрина о том, что Белоруссия может оказаться неплатежеспособной стороной, призвал «перестать кланяться перед Россией» и поставил своему правительству задачу «искать счастья в другой части планеты». Лукашенко вполне законно был возмущён тем, что давно уже превратившийся — при личных гарантиях Путина — в отдельную ветвь экономической власти в России Алексей Кудрин осознанно сделал своё заявление одновременно с тем, как Путин в Минске на саммите Союзного государства Белоруссии и России символизировал великую дружбу двух государств.

Политические страхи последнего времени, обычно выражаемые фразой «Белоруссия уходит от России на Запад»,



казалось бы, обрели документальное подтверждение. В российско-белорусских отношениях наступает момент истины. Эти отношения уже никогда не будут прежними — даже столь политически отвратительными. Поэтому следует оценить ряд теорий, которыми политики и эксперты разной степени компетентности руководствуются при анализе абсолютно всех событий, происходящих между Москвой и Минском.

Но сначала — о том, что сегодня является реальностью двусторонних отношений и о чём «забывает» абсолютное большинство политиков и экспертов. Первое — сегодня ПВО Белоруссии является безальтернативным элементом ПВО России, гарантирующим ей безопасность по всему воздушному театру военных действий от Мальты до Мурманска. Любое, даже частичное, выключение Белоруссии из военного союза с Россией делает Россию совершенно беззащитной перед военной угрозой с Запада. Второе — сегодня массовой социально-гуманитарной реальностью является фактическое взаимно признаваемое равенство прав граждан России и Белоруссии в части стандартов и практики образования, миграции и свободы передвижения, пересечения внешней границы Союзного государства, трудового права. Наконец, третье — 1 января 2010 должен вступить в силу Таможенный союз между Россией и Белоруссией, к которому 1 июля планирует присоединиться Казахстан. И если последнее — ещё не реальность, а возможность, хотя и крайне существенная, то первое и второе — уже неотъемлемые факторы стабильности современных России и Белоруссии, отказ от которых будет иметь катастрофические стратегические последствия. Поэтому игра Лукашенко и игра российских властей вокруг этого «неприкосновенного запаса» — непрозрачная,

непонятная даже экспертам по своей логике и процедуре, иррациональная — как минимум, не пользуется и никогда не будет пользоваться поддержкой большинства в России, и как максимум — воспитывает и будет воспитывать у большинства в Белоруссии устойчивое разочарование в России. Эти две игры до крайности рискованны и пока ещё непопулярны. Но именно эти кулуарные игры, — безусловно, выдающихся исторических фигур Путина и Лукашенко — могут стать самым трагическим и непоправимым историческим результатом их политического труда.

Однако на поверхности того, что говорят и пишут сегодня о Белоруссии в России, — ряд примитивных теорий.

1. «Белоруссия бросает Россию и уходит на Запад. В лице Лукашенко Москва теряет последнего союзника в Европе».

Однако на практике участь Лукашенко в качестве «союзника» России была решена отнюдь не в 2008–2009, а в 1999–2000 годах, когда в Москве на свой первый президентский срок заступал Владимир Путин. Вся игра Лукашенко вокруг российско-белорусской интеграции основывалась на стремлении белорусского лидера стать президентом нового Союза. В 1996 году было создано Сообщество России и Белоруссии, ещё через год Лукашенко нанёс ряд визитов в Россию, в ходе которых сорвал массовые аплодисменты со стороны левоцентристской федеральной элиты и региональной бюрократии, что недвусмысленно продемонстрировало всю серьёзность перспектив белорусского лидера возглавить объединённое государство. Назначение

Путина преемником Бориса Ельцина сразу обрубило все эти возможности. Кремль не пожелал и не имел никаких оснований делиться с Лукашенко даже символической, театральной властью. Лукашенко был джокером русской политики, пока Россия практически не существовала как суверенное государство. И по мере того, как Россия стала приближаться к своей подлинной государственности, шансы Лукашенко снижались. Русская элита готова была мстить Лукашенко за свою прежнюю слабость, но месть эта была слишком лапидарной и, главное, неадекватной действительному масштабу Лукашенко.

В 2002 году президент Путин со свойственной ему экспрессией произнёс, возможно, самую трагически неудачную фразу в истории российско-белорусских отношений. Формулируя свою позицию в отношении способа государственного объединения России и Белоруссии, он сказал суверенной и территориально целостной (даже в составе СССР) Белоруссии: а пусть-де она вступает в Россию на правах шести отдельных областей... Можно долго ухищряться в исследовании внутривнутриполитических мотивов такого предложения (угроза Татарстана требовать повышения своего статуса в случае целостного присоединения Белоруссии, угроза губернаторской фронды поклонников Лукашенко, его личные перспективы на московской политической сцене), но надо сказать определённо: оно было неуместным, несправедливым и нерациональным, и его символический смысл очень долго будет отравлять наши отношения.

Свидетельством того, что «неудачная фраза» не была случайной, стало то, что 2004–2005 годы в политике России в отношении Белоруссии прошли под знаком особой антилукашенковской общественно-политической актив-

ности близкого к Кремлю политолога Сергея Караганова, за которой белорусские СМИ угадывали фигуру бессменного помощника президента России по внешней политике Сергея Приходько. В этой неслучайной активности Лукашенко явственно увидел усилия Москвы по его бескомпромиссному свержению. И дело не в том, что Россия не может или не должна влиять на политические режимы ближнего зарубежья: может и должна. Дело в том, что политологически-кавалерийская атака на Лукашенко быстро захлебнулась и ни в коей мере не соответствовала тому весу, который Белоруссия и Лукашенко имеют в стратегических интересах России.

В конце 2008 года ЕС сформулировал программу экономически-инфраструктурного аншлюса восточно-европейских и кавказских республик бывшего СССР, включая Белоруссию, — «Восточное партнёрство». Особая задача этого «Восточного партнёрства» — контроль над транзитной инфраструктурой на территории Белоруссии, Украины, Молдавии и Приднестровья, по странному совпадению транзитирующей исключительно энергоносители из России на Запад. И странны страдания тех в Москве, кто искренне возмущается, что Россию в эту команду подготовленных к съедению инфраструктур и экономик не пригласили. Видимо, очень хочется, в соответствии с историческим коммюнике программы от 3 декабря 2008 года, «демонополизировать» российскую и передать её энергетическую инфраструктуру в руки Брюсселя.

То, что Лукашенко взяли в «Восточное партнёрство» не сразу, а лишь помучив его дополнительными ритуальными условиями, объяснялось лишь тем, что Запад слишком долго отказывался говорить с «последним

диктатором Европы» — даже тогда, когда белорусский президент сам поднимал тему налаживания связей с ЕС и США. Вашингтон вплоть до 2008 года вёл по отношению к Минску абсолютно конфронтационную линию, дело дошло до фактического разрыва дипломатических отношений. Именно фактор непризнанности со стороны Запада и заставлял Лукашенко до поры до времени сохранять Россию в качестве главного приоритета внешней политики Белоруссии. Как только Евросоюз изменил свою позицию по отношению к Лукашенко, поменялась и вся ситуация. По сути, с тем же успехом это могло произойти лет на пять раньше. Ведь в 2009 году путь из «последних диктаторов» в «восточные партнёры» занял какие-то два месяца. В этом контексте особым смыслом наполняется недавняя публичная радость Сергея Приходько по поводу того, что ЕС готово было пригласить Лукашенко на учредительный саммит «Восточного партнёрства».

Итак: Белоруссия не бросает Россию и не уходит на Запад. Она это сделала давно.

2. «Уход» Белоруссии на Запад позволит завершить строительство антироссийского блока государств в границах бывшей Речи Посполитой и таким образом значительно усилить потенциал «санитарного кордона», предназначенного для сдерживания России».

Однако трудно прогнозировать, насколько далеко зайдёт сотрудничество Лукашенко с Западом. Очевидно, впрочем, что реализация устремлений Белоруссии работать лишь в экономической составляющей «Восточного партнёрства» столкнётся с огромными проблемами. «Восточное партнёрство» не может обойтись без полити-

ки. В разгорающейся на евразийском континенте войне за советское наследие достижение полной политической гегемонии над регионом является основной целью западных стратегов, наряду с овладением экономической (прежде всего транзитной) инфраструктурой постсоветских государств. Уже сейчас понятно, что планы Минска и Брюсселя относительно роли Белоруссии в «Восточном партнёрстве» кардинально расходятся.

Белорусское руководство, стремящееся к «реальной многовекторности», напрасно надеется обмануть Европу, которая видит Белоруссию стопроцентно зависимым государством, стоящим в одном ряду с Прибалтикой и Украиной. Лукашенко явно намеревается и дальше лавировать между Россией и Западом, выбивая из обеих сторон миллиардные кредиты в надежде сделать белорусскую экономику самодостаточной. ЕС временно снисходителен относится к действиям белорусского президента. Однако уже в самом недалёком будущем основная цель Брюсселя в Белоруссии — полное подчинение Минска — обозначится очень чётко. Глобализм не терпит суверенитета и не может с ним мириться. Давление на Лукашенко будет нарастать. И если Лукашенко действительно хочет активно развивать сотрудничество с ЕС, он будет вынужден поделиться властью. Если это произойдёт и белорусский президент действительно решится на существенные уступки оппозиции или каким-либо внешним силам, то политический статус Белоруссии претерпит опасные трансформации. Речь пойдёт отнюдь не о переориентации и простой смене внешнеполитических приоритетов, как то было в случае с Украиной, где один режим пришёл на смену другому без фактического изменения сути украинского политического проекта. Вхождение Белоруссии

в «семью европейских народов» потребует полного демонтажа белорусской государственной системы и разрушения социальной и государственной экономики. Фактически это будет миниатюрным вариантом уничтожения СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Это будет конец белорусского государства в том виде, в котором мы его знаем. Платой за вхождение в состав «новой Речи Посполитой» станет гуманитарная катастрофа и полная хаотизация жизни в Белоруссии.

Не следует забывать и об ещё одном не глобальном, но предсказуемом результате. Судьба сербских антизападных вождей разного калибра — Слободана Милошевича, Биляны Плавшич, Радована Караджича — поражает удивительным сходством, независимо от калибра. Сходство это изображается простой формулой: все без исключения «цивилизационные» враги Запада, даже пойдя с ним на сделку и сдав (под особые гарантии) свои государства в управление Западу, неизбежно заканчивают свою жизнь в тюрьме. Ибо Запад не щадит даже коллаборационистов. Гаага, без всякого сомнения, ждёт Лукашенко, если он встанет на путь торга.

Итак: современную Белоруссию на Западе ждёт социально-экономический крах, а выстроенный с нею анти-российский «санитарный кордон» — хаотический развал в самом центре.

3. «Во всех проблемах российско-белорусских отношений виновата Россия. Её некомпетентное руководство оказывает на Минск топорное давление и сознательно тормозит интеграцию. Россия сама отталкивает Белоруссию».

Спору нет: системная внешняя политика России часто подменяется самодостаточной дипломатической техникой, одноразовыми личными договорённостями, актами слепого коммерческого давления, запоздалого подкупа и реакции на свершившееся. Но всё это мы видим и в большинстве других постсоветских государств. Стратегическое планирование здесь также приносится в жертву сиюминутным выгодам.

Белоруссия из по-настоящему интересного политического проекта с нестандартными экономическими амбициями превращается в классическое постсоветское лимитрофное государство, чья главная жажда: «кому подороже продаться». И этот выбор целиком находится в сфере ответственности Лукашенко. Перед ним два варианта будущего: полное вхождение в зону влияния Запада с последующей десуверенизацией и тотальным экономическим и политическим крахом либо длительный постсоветский дрейф, постоянное балансирование и наращивание собственного веса. Либо двадцать первая копия карикатурного и агрессивного восточно-европейского (кавказского, азиатского) национализма на службе евроатлантической бюрократии, либо уникальный опыт «государства-в-себе», консервативного авторитарного интернационализма, исключаящего рискованную внешнеполитическую активность.

Консервативное «государство-в-себе» — весомый, хоть и крайне неудобный, кандидат в оборонные коалиции, по своему, особому циклу меняющий внешние векторы. Лимитроф — вечный младший партнёр и марионетка, склонный периодически исчезать с политической карты мира. Вообще возникает стойкое подозрение, что в руках



внешнего манипулятора всякий лимитроф буквально обречён на исчезновение.

Итак: выбор за Белоруссией — если слабая, ельцинская Россия была для неё желанным партнёром, то странно теперь возлагать на Россию «вину» за собственную геополитическую суетливость. Иначе придётся признать, что лишь слабая Россия была дорога Лукашенко.

\* \* \*

Теперь можно кратко сказать: «уход Белоруссии на Запад» будет для неё самоубийственен. Но эта гибельная игра не сможет не отразиться на всех нас: рухнут все три — военное, социально-гуманитарное, таможенное — единых пространства. И вместе с ним проект Союзного государства. Ничего уникального в этой новой гибели нет: конфедеративная Объединённая Арабская Республика (Сирия + Египет) тоже прожила лишь с 1958 по 1961 год. Вот только надо заранее выбрать: кто в России возьмёт на себя за этот погибший проект политическую ответственность. И ответственность, в частности, за растущую интеграционную требовательность Казахстана, которая до сего времени вполне эффективно уравнивается интеграционным потенциалом Белоруссии.

Без Белоруссии и наедине с Казахстаном Россия в несомненно больших масштабах, избыточно будет вовлечена в нерешаемые экономические, экологические, миграционные, водно-энергетические, террористические проблемы Средней Азии, к которым она не готова и никогда не будет готова в такой степени, чтобы удовлетво-

рить всем утопическим запросам своих переменчивых союзников в регионе.

Обречённая на неэффективность приоритетная погружённость России в Среднюю Азию, в которой она вынужденно найдёт вектор новой интеграции, столкнёт её с уже почти монопольным рыночным присутствием в регионе Китая, сделает её младшим союзником активности Китая и США в регионе, ослабит стратегическое внимание к Кавказу.

Может быть, именно эта шахматная фантазия и витает в умах архитекторов «перевербовки» белорусского Лукашенко.

Финансовая внешняя политика России позволяет уже сегодня почувствовать всю глубину безответных вопросов, в которой мы окажемся завтра. Вот 1 июня 2009 года Кудрин объясняет суть коллизии с Лукашенко: Москва, к трём прежде выданным миллиардам, готова дать Минску кредит на 500 миллионов долларов. Но по-прежнему обуславливает это требованием к Лукашенко: бездефицитный бюджет, замораживание заработной платы, повышение тарифов, проведение девальваций, чтобы «такая поддержка не оказалась безрезультатной и безэффективной».

И сегодня же Кудрин объявляет, что Россия готова выдать Украине через МВФ 10 миллиардов, чтобы «не сорвать поставки газа... в осенне-зимний период» и т. п. У русского юноши непрошеной слезой братского умиления покрываются голубые глаза. Ведь как замечательно: от Украины (не то что от Белоруссии) добрая Россия не требует бездефицитного бюджета, замораживания за-

рабочей платы, повышения тарифов, проведения девальваций... И твердокаменно уверена, что если за надёжность поставок русского газа через Украину платить безо всяких условий надо, то за надёжность поставок русского газа через Белоруссию, напротив, платить категорически нельзя.

Ещё более умильной в этой финансовой борьбе выглядит недавняя выдача 2 миллиардов Киргизии, при которой даже безумцу не могло прийти в голову потребовать в качестве условий не то чтобы бездефицитного бюджета, замораживания заработной платы, повышения тарифов, проведения девальваций, результативности и эффективности, но и даже элементарных целевого использования и прозрачности. Конечно, Москва с гневом отвергала измышления о том, что эти 2 миллиарда стали платой за вывод американской базы «Манас» из Киргизии. Но иностранная пресса не верила. И была категорически неправа: ведь только истинный идеалист мог выдать 2 миллиарда ради сокращения военного транзита США через Киргизию в Афганистан — и не видеть, как этот транзит через Киргизию резко вырос, как резко он распространился на весь регион и как открылись один за другим новые транзитные маршруты США через Азербайджан, Туркмению, Таджикистан и Узбекистан.

Азиатско-украинский «идеализм» России заканчивается на Белоруссии. И нам ещё предстоит ощутить вкус её нового, самоубийственного европейского «прагматизма».

*Модест Колеров, Владимир Зотов*

*Июнь 2009*

## **Геополитические риски Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии**

### **1. Трудности экономической географии**

*Проект Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана — казалось бы, классическая иллюстрация того, как, несмотря ни на что, в пределах Евразийского континента «евразийски» уживаются Запад и Восток, как само географическое единство континента заставляет Россию быть «двуликим Янусом», смотрящим одновременно на Восток и на Запад. Как побеждает интеграция. Но нет: не уживаются, и двуличие не удаётся.*

Изнутри России проект Таможенного союза (далее — ТС) выглядит большим государственным усилием, в котором нелегко отличить идейную сторону от макроэкономической: императив восстановления единства евразийского (а именно — постимперского и постсоветского) пространства — и императив расширения рынка. На поверку оказывается, что «идея» ТС мало отличается от её «экономики»,

поскольку само по себе «расширение рынка» для России, Белоруссии и Казахстана, с большей или меньшей последовательностью построивших у себя государственный капитализм, — это взаимное ограничение своих экономических суверенитетов в интересах соседа, за которым неизбежно последуют политические перемены.

Кроме того, на обоих «флангах» ТС Россия выступает в неодинаковой роли. В отношениях с Белоруссией Россия, прежде всего, вторая часть Союзного государства, стратегически субсидирующая (прямо и косвенно, допуском на свой рынок) союзника ради своей транзитной и военной безопасности. Роль Белоруссии в обеспечении безопасности западного театра военных действий традиционна, однако новациями являются: (1) цепкая, агрессивная экспансия белорусских экономических агентов на Восток, (2) прямая конкуренция белорусских экспортёров с российской транзитной инфраструктурой на Балтике, инвестирующих в развитие альтернативных российских портов Прибалтики.

В отношениях с Казахстаном Россия, прежде всего, вторая часть гигантского, некогда единого в СССР западно-сибирского и туркестанского «второго индустриального центра», разомкнутые транспортные, промышленные, энергетические, ресурсные, даже — кадровые, внутренние цепочки которого сегодня принуждают, как минимум, ограничивать взаимную конкуренцию и согласовывать производственную логистику. Но в рамках этого советского «второго центра», то есть в предыстории нынешней экономической кооперации России и Казахстана, никогда не было таких важных факторов, как (1) экономическая безопасность южной границы Казахстана, (2) транзита казахстанских энергоресурсов в каспийском и китайском

направлениях, (3) экономической экспансии Китая (известный сталинский проект Восточно-Туркестанской республики в Синьцзяне на месте управлялся из советского Узбекистана). Теперь это всё — новая реальность.

Таким образом, реализуя проект ТС, помимо следования понятным интеграционным императивам, Россия усиленно стремится объединить две различные внешнеэкономические стратегии, продиктованные более всего геоэкономическими обстоятельствами: (1) сохранить экономический смысл Союзного государства Белоруссии и России, а саму Беларусь — в качестве российского «окна в Европу» и участника машиностроительной кооперации, (2) восстановить экономическое единство «второго индустриального центра» Севера Евразии с участием Казахстана, а Казахстан — позиционировать в качестве неконкурентного «окна в Китай» и участника ресурсно-энергетической кооперации.

Сможет ли Россия сама, внутри себя, найти рациональное и прогрессивное соотношение технологических и ресурсных отраслей — вопрос всё ещё открытый. И перспектива ТС не облегчает, а усложняет его разрешение, ибо обременяет внутрироссийские проблемы экономического развития её внешнеэкономическими, теперь уже — таможенными партнёрами, чьи разновекторные экономики извне только усугубляют остроту противоречий между технологическими и ресурсными сферами экономики внутри самой России. Точнее сказать: не найдя до сих пор эффективного, реалистичного сценария своей модернизации, Россия фактически берёт на себя обязательство оплатить такую же модернизацию у своих соседей. Понятно, что ни средств, ни политического мандата на это у России нет.

## *2. Трудности риторики*

Экономполитические оценки будущего ТС располагаются в противоречивом пространстве несовместимых друг с другом риторики и реальности: (1) между ожиданием перспектив российско-белорусского конфликта вокруг доступа Минска к российским кредитам и рынкам, убивающего саму идею ТС, и (2) декларациями о согласовании 100% тарифных ставок между тремя участниками ТС, о досрочном — не с 1 июля, а с 1 января 2010 года — старте полного формата ТС, и даже — о тройственном вхождении стран ТС в ВТО<sup>1</sup>, что само по себе не только не облегчает, а напротив — категорически усложняет макроэкономическое сотрудничество стран ТС, не говоря уже о самом проекте ТС. Под такими риторическими темпами интеграции остереглись бы подписаться даже новобрачные, не обременённые семьями и хозяйствами. Но тут — целые политические системы, экономики, элиты. Но и они — не единственное бремя: судьба ТС зависит не только от столкновения конфликтов и деклараций, то есть интересов и намерений. Ещё одним, не менее значимым фактором слабости ТС непременно станет сама его континентальная география.

Огромная территория ТС делает его не только континентальным игроком, но и объектом многочисленных континентальных угроз — по крайней мере, экономических. Впрочем, экономические угрозы на постсоветском про-

<sup>1</sup> Идея блокового вступления в ВТО прозвучала 9 июня 2009 г. на совещании в Москве с участием представителей из Казахстана и Белоруссии. Премьер-министр России Владимир Путин сообщил тогда, что Россия прекращает переговоры о вступлении в организацию и объявил о намерении вступить в ВТО в рамках Таможенного союза с Белоруссией и Казахстаном. 10 июля 2009 г. президент России Дмитрий Медведев отозвал эту инициативу, вернувшись к решению об индивидуальном вступлении в ВТО.

странстве всегда воспринимаются как угрозы суверенитетам. С ними мало кто способен эффективно справиться, но адекватно оценивать суверенное значение экономических интересов способен любой политический класс, тем более — элиты России, Белоруссии и Казахстана.

Известно, что, например, казахстанские потребители с большой тревогой ожидают единства своей таможенной территории с территорией Белоруссии. Если механизмы администрирования в России для казахстанских хозяйствующих субъектов прозрачны, по крайней мере, не меньше, чем такие же в Казахстане, то административная практика в Белоруссии «неуязвима» для прогнозирования и управления. Казахстанцы с полным основанием предполагают, что внешние (особенно западные) национальные границы Беларуси как ввозного участника Таможенного союза (ТС), несмотря на единые таможенные ставки и будущий наднациональный орган таможенного управления, несомненно, останутся в поле определяющего влияния белорусских властей и, следовательно, Казахстану придется отстаивать неукоснительное применение единых таможенных правил на территории Беларуси. И эта практика согласований станет новой серьезной бюрократической (и даже политической) задачей, которая будет прямо затрагивать серьезные экономические интересы и к которым государство и бизнес в Казахстане вряд ли готовы.

Но ведь и белорусский бизнес с таким же основанием должен предполагать, что внешние (особенно южные и восточные) национальные границы Казахстана будут неуправляемы для белорусских хозяйствующих субъектов, в то время как влияние товарных потоков из Азии



на сложившуюся экономическую конъюнктуру в Беларуси способно быть чрезвычайным.

Легко сказать: наднациональный орган таможенного управления обеспечит взимание единых таможенных тарифов на территории ТС. Но уже сейчас, когда потенциал риторики исчерпан, а далее наступает экономическая за неё расплата, ответственные руководители национальных экономик, отраслей и связанных с ними социальных сфер задаются вопросами, на которые риторика не даёт ответа.

Например, кто и как будет обеспечивать «справедливое» распределение таможенных доходов по «национальным квартирам», кто и как будет соблюдать адекватность распределения таможенных доходов протекционистским задачам субсидирования приоритетных отраслей национальных экономик, в целом, а не в частности, защищаемых силами ТС.

Риторика ТС неизбежно потребует практического согласования её со структурами экономик, то есть сделает её жертвой административно-отраслевого торга, предметом внутреннего противоборства национальных экономических элит, несопоставимых с органами ТС по бремени ответственности и влияния. ТС либо научится косвенно, через национальные правительства, влиять на приведение структур экономик в соответствие с «императивами», либо сам станет объектом манипулирования в соответствии с отраслевыми интересами. Высшая административная, политическая и экономическая власть государств-участников ТС способна создать ТС, но её будет явно недостаточно, чтобы — во исполнение наднациональных мандатов ТС — противостоять инерционной структуре своих собственных народных хозяйств.

И дело не только в том, что структуры экономик будущих участников ТС сильно различаются, но и в том, что их геоэкономические приоритеты обусловлены гораздо больше региональным разделением труда и потребления, чем инерционным единством ресурсов, промышленной, транспортной инфраструктуры стран бывшего СССР.

Используя ТС, наднациональные императивы в принципе ещё готовы побороться за многократно декларированную модернизацию структур своих экономик. И только высшим властям России, Казахстана и Белоруссии известно, как именно они будут регулировать свои локальные экономические интересы. Но насколько успешен будет ТС в борьбе с географией, региональными (в значительной степени «серыми», полулегальными) факторами действующих экономик, сама статистика которых полна «экспертных оценок», а не бюрократических цифр?

Говоря коротко, для Беларуси несомненно приоритетнее транзит её продукции через Латвию и Литву, сбыт в Германии, чем борьба с экспансией китайских товаров на территории Казахстана. С другой стороны, помимо далеких от завершения конфликтов между Минском и Москвой, существенным ограничением для политического участия Беларуси в ТС станут и особые экономические надежды белорусской экономики на кредиты Китая и кооперацию с ним.

Точно так же заинтересованность Казахстана в выстраивании, например, своего зернового экспорта через порты Латвии вряд ли будет учитывать сложившийся модус отношений между Ригой, Вентспилсом и Минском.

Какое направление расширяющегося зернового транзита выберет Казахстан в условиях растущей в этой сфере портовой конкуренции между Украиной и Югом России? Какое направление выберет для своего каспийского энерготранзита Казахстан: внутри ТС через Россию или вне его — через Азербайджан?

Точно так же очевидно, что развитие энергетических и транспортных коммуникаций из Казахстана на Запад Китая уже сейчас делает сомнительной реализацию энергетического и транспортного коридора из России на Запад Китая — через российский Алтай. Появление ТС, несомненно, похоронит «альтернативные» российские проекты газопровода и дорог сквозь Алтай — необходимые, в первую очередь, не столько для конкуренции с уже действующими коммуникациями из Китая в Казахстан, сколько для инфраструктурного развития территории. Сколько ещё таких территорий России, Белоруссии и Казахстана станут жертвами «континентального единства», на практике реализуемого через усиление межрегиональной конкуренции?

Однако названные потенциальные противоречия отходят на второй план перед лицом тех проблем внешней политики и экономики России, которые могут стать несовместимыми с жизнью ТС. Одна лишь проблема российского «калининградского транзита» через Беларусь и Литву может стать серьезным камнем преткновения в рамках ТС, когда его экономическая эффективность станет предметом не только межведомственного согласования между национальными железными дорогами, но и сферой ответственности наднационального таможенного органа.

Отдельную сложность представит для внешней политики России и сама принципиальная возможность выстраивания отношений российских хозяйствующих субъектов с бизнесом в Латвии и Литве не через территорию России, а через территорию Беларуси. Столь же травматичными для практики ТС могут стать и растущие «особые отношения» между Белоруссией и Украиной.

В равной мере сложные внешнеполитические маневры между Россией и Узбекистаном с таможенной точки зрения будут представлены на внешней границе ТС не суверенной волей России, а таможенной администрацией на границе между Казахстаном и Узбекистаном, отношения между которыми можно назвать еще более сложными.

### *3. Предположение*

Всё идёт к тому, что ТС будет реализован без Белоруссии. Для России и Казахстана это, вероятно, вдвое облегчит проблему солидарного вступления стран ТС в ВТО, сузит поле структурных противоречий. Но даже и в этом случае никто не сможет игнорировать геоэкономическую судьбу ТС.

Интеграционные отношения России и Казахстана в таком случае не будут омрачаться конкуренцией и политическими подтекстами на западных границах России, но тем весомей будут проблемы солидарности двух стран на их южных и восточных границах, особенно в направлении Азербайджана, Узбекистана и Китая.

## Штабы в огне...

*И*сторически в русской культуре и публичной сфере присутствует невысказанная стыдливость: «нормальные» об элите говорят как бы со стороны. А с элитой себя открыто идентифицируют, элиту изучают в себе только либо обременённые духовными травмами маргиналы, норовящие морально судить окружающий мир, либо не обременённые устойчивыми социальными связями временщики. Но это лишь одна сторона нашего гештальта. В России не только стыдно называть себя представителем элиты, но и одновременно стыдно не осуждать её со знанием дела, изнутри.

Чем больше морализируют русские писатели об элите, тем очевидней их собственные неудовлетворённые ожидания, тем примитивней их ревность. Будто элиты вечны, не кончают самоубийством и часто не губят окончательно тех мест, где исполняют свою элитную роль. Социальное исследование расчленяет нарциссическое тело элиты на составные «бюрократии», «интеллигенции», «политического класса», «власти», «влияния», «производства смыслов» и др. И нужно особое научное мужество, чтобы, подобно физиологу, вычленив в себе, например, «бюрок-

рата» и раскатать его по классификатору. При этом всегда успешен тот, кто находит своему гештальту столь же целостный, неромантический функционал, и всегда отвратителен тот, кто на любой свой секрет приклеивает ярлычок «правильной элиты». Так — между наукой и риторикой — она изучает себя. Пока не придёт Железняк.

### *Немая элита*

Один из ярких представителей русской общественной мысли 1990–2000-х годов, вошедших в исследовательскую практику новой России с богатым опытом собственно-го позднесоветского социального лифта, «творческого марксизма» и государственной аналитической службы на Старой площади, Михаил Афанасьев состоялся именно как исследователь отечественной бюрократии и политических кланов. Пока страна изживала одну мечту за другой, Афанасьев с особым отчаянием демонстрировал профессиональному читателю, как раз за разом во властной самоорганизации общества побеждает ресурсный материализм.

Пока «лирики» и «циники» русской политической мысли сталкивали лбами национальные мифы с интернациональными ещё более мифологическими букварями, немногочисленные социальные исследователи — С. Г. Кордонский<sup>1</sup>, С. Ю. Павленко<sup>2</sup>, М. Н. Афанасьев<sup>3</sup>,

---

<sup>1</sup> С. Кордонский. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М., 2000; Симон Кордонский. Кристалл и кисель. Е-мейлы и статьи 1989–2000. М., 2002; Симон Кордонский. Ресурсное государство. М., 2007.

<sup>2</sup> Сергей Павленко. Наука ошибок. Статьи и проекты, 1994–2000. М., 2002.

<sup>3</sup> М. Н. Афанасьев. Триумф и кризис советской бюрократии. М., 1991; М. Н. Афанасьев.

переходящие из науки во власть и обратно, — рассказали о советских и русских реальностях, её «административных рынках», «борьбе за ресурсы» и «сделках» больше, чем дивизии политологов<sup>4</sup>. Их исследования постсоветских элит, даже если и страдают от чрезмерной бюрократической фактуры и нелицеприятного материализма, уж во всяком случае не имеют ничего общего с публицистическим примитивом, отравившим русскую «медийную политологию» и через неё — западную науку о современной России. В их трудах нет комиксов о борьбе «силовиков» и «либералов», якобы составляющей весь смысл актуальной русской истории, нет ни карликового суда над историей и властью России под видом социологии общественного мнения<sup>5</sup>, ни ярмарки тщеславия под видом «социологии элит».

В трудах этих исследователей ресурсной бюрократии небезосновательно находят дыхание гоббсовского «Левиафана»<sup>6</sup>. Но стоит подойти к власти с точки зрения её инструментальности, а не тотальности, — как любой Левиафан, любое «холодное чудовище» государства начинает казаться Лаокооном, пожираемым собственными элитами. Скептический фатализм «ресурсной теории»

---

Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М., 1996; М. Н. Афанасьев. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияние на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. М., 1997 (переизд.: 2000); М. Н. Афанасьев. Невыносимая слабость государства. М., 2006.

<sup>4</sup> Эта дивизия, конечно, тоже пополнилась отставными чиновниками (Г.Э. Бурбулис, Г.А. Сатаров, М.А. Краснов, Ю.М. Батулин, Э.А. Паин и др.), но никакого нового знания, проистекающего из их государственного опыта, не приобрела.

<sup>5</sup> Об этом см. специально: Модест Колеров. «Смерть политического» // Термидор. Сб. М., 2002.

<sup>6</sup> Е. Евсеева. [Рец.:] Симон Кордонский. Кристалл и кисель: e-мейлы и статьи 1989–2000... // Русский Сборник: Исследования по истории России. Том III. М., 2006.

отечественной бюрократии меркнет перед осознанием того, насколько далека эта «борьба за ресурсы» от целей элементарного национального выживания. Встреча с автопортретом трагична: в нём приходится признать либо тщету своей науки, либо собственную пустоту.

В своём новом труде, выпущенном в свет фондом «Либеральная миссия»<sup>7</sup>, М. Н. Афанасьев, прежде чем изложить результаты собственного социологического исследования беспрецедентно большой выборки представителей российской элиты, с аккуратностью историографа сводит счёты с традициями исследования отечественной постсоветской элиты. Вежливость не мешает ему убедительно продемонстрировать, что труды предшественников посвящены не столько предмету, сколько нарциссизму их авторов.

Выводы недавней книги социологов Левада-Центра<sup>8</sup>, построенной на выборке численностью 568 элитных человек, Афанасьев суммирует так: «Размышления авторов идут по такой схеме. Элита выполняет ключевые социокультурные функции: символическую, интегративную, целеполагания. Наша власть и зависящие от нее верхи общества выполнять эти функции не способны. Следовательно, нужно не величать их элитой, а прямо назвать самозванцами. Элиты у нас нет, и не будет, пока не будет построена плюралистическая демократия...». Однако и из такого материала Афанасьев способен извлечь значимый итог: Левада-Центр свидетельствует, что консолидация отечественной элиты вокруг Путина — миф.

---

<sup>7</sup> Михаил Афанасьев. Российские элиты развития: запрос на новый курс. М., 2009.

<sup>8</sup> Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Ю. А. Левада. Проблема «элиты» в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М., 2007.



Добровольно консолидировались вокруг него лишь 20%, а 50% консолидировались недобровольно, признавая в нём потенциального реформатора и подчиняясь государственному интересу. Но целых 40% элиты не признают приоритета этого интереса, а большинство вообще уверено, что «вертикаль власти» неэффективна, что у Путина нет реформаторской команды, поскольку опирается он только на своё окружение. И такая квазиэлита, по размышлению Левада-Центра, деградирует, оставаясь закрытой постсоветской номенклатурой.

Афанасьев логично указывает социологам, как затворникам в форточку, на современность, на то, что номенклатура принципиально изменилась. Новая номенклатура капитализировала административную ренту не через советское отраслевое распределение, а в форме *частно-государственного патроната*; изменились её социальная природа и место в системе мирового распределения труда. От СССР нетленной осталась лишь левая интеллигенция. Удивительно, что Левада-Центр этого не видит. Не слышит он и ответов собственных элитных респондентов, что «реформа ещё не началась» и что сами они давно ищут во всём виноватых. Если номенклатурная квазиэлита и левадовская «подлинная элита» — «ресурсы» и «ценности» — равно против Путина, то трудно представить себе, в чём позитивном состоит консенсус этой плюралистической оппозиции.

Другое исследование элиты произведено уже не из чрева политической оппозиции, а одним из политических институтов правящей «Единой России» — Институтом общественного проектирования (ИнОП)<sup>9</sup>. Внимательным

<sup>9</sup> Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты. М., 2008.

читателям и без профессионального взгляда Афанасьева бросалось в глаза, что это сочинение ИнОП (объём выборки — 326 человек), несмотря на мелованную бумагу и твердокаменный переплёт, лишено научного резюме и больше похоже на монументальное устремление в космос на ВДНХ. Неленивый взгляд Афанасьева лишь обнаруживает, что и внутри сочинения «образу элиты присущи весьма размытые очертания и последовательное избегание институциональных определений».

Третий подход к отечественной элите продемонстрировала О.В. Крыштановская, в газетах называвшаяся либо первым, либо главным открывателем темы. По итогам её труда<sup>10</sup>, однако, вернее считать открывателями такого понимания элиты М.С. Восленского с его анекдотически-хрестоматийной «Номенклатурой» (1980), М. Джиласа с его «Новым классом» (1957) и Л.Д. Троцкого, детализировавших то простое суждение, что политическая власть не только порождает собственность, но и конституирует элиту. Афанасьев вежливо называет такое несвежее изобретение Крыштановской «иерархическим подходом», «редуцирующим «элиту» к власти предрежащей... единой государственной власти, строящим её на одномерности и неизменности социального господства, но не на его изменчивой сложности, не на многообразии социального влияния и лидерства...». Столь же щадяще Афанасьев подход Левада-Центра определил как «прогрессистско-идеологический».

У меня нет мотивов быть вежливым, и мне легко сказать, что все три мозговых центра, изучивших отечественную элиту, выросли из одного психологического корня.

---

<sup>10</sup> О.В. Крыштановская. Анатомия российской элиты. М., 2005.

Этот корень — их личные отношения с правящей политической властью: *некритичная лояльность*, убивающая свободное исследование (ИнОП), *ревность*, затмевающая всё, кроме власти (Крыштановской), *ненависть*, не дающая мыслить (Левада-Центра). К счастью, Афанасьев не только хочет, но и внятно формулирует, чем он хочет от них отличаться. В марте – мае 2008 года он впервые в России провёл количественно значимый опрос представителей элитных групп: 1003 респондента по «группам развития» — государственное управление в центре и регионах, армия и спецслужбы, предпринимательство, менеджмент, юриспруденция, наука и образование, здравоохранение, массовая информация и публичная экспертиза.

Принципиальное отличие своего труда от усилий мозговых центров Афанасьев видит в том, что исследует не себя и свои фобии, а элиту, осуществляющую публичную власть, формирующую её приоритеты, несущую ответственность за развитие среды и общества в целом. Его задача — «не сводить всё дело к административному ресурсу, а рассматривать российскую элиту как более сложное, современное и динамичное социальное явление»: «Если под элитой мы понимаем исключительно *господствующий класс*, то в сегодняшней России целесообразно сконцентрировать внимание на государственном начальстве в центре и на местах и связанных с начальством финансово-промышленных группах. Эта классическая, прямо по Аристотелю, *олигархия* занимает верхнюю узкую страту доходной структуры общества — 1% богатых россиян, «золотой процент» России. Однако, если мы понимаем элиту как *развивающий класс* общества, то концентрировать всё внимание на государственно-капиталистической олигархии совершенно неправильно...

Социальные группы, из которых вырастают элиты развития, — это обеспеченные и продвинутые группы общества, которые в значительной мере составляют новый российский «средний класс» [20% населения] ... Новые элитные группы связаны уже не только с государственной властью, но и с народившимся «средним классом» — неолигархическим бизнесом, другими продвинутыми и развивающими группами общества... *наряду с мнением и повесткой российской олигархии есть мнение и повестка российских элит развития».*

Замечательные слова. Так и кажется, что под скальпелем Афанасьева элита выйдет из немоты и заговорит, хотя бы эхом, но своим какофоническим голосом. А фобии и филии останутся актами интеллигентского автопортретирования. Но стоило Афанасьеву подойти со своими инструментами к огромной своей выборке, как стало очевидно, что инструменты его столь же грубы и неадекватны. И нам вновь придётся сквозь мычание элиты вслушиваться в её подлинные намерения и способности.

### *Комиксы и отторжение*

В первых же своих подходах Михаил Николаевич Афанасьев стремится задать опрашиваемой элите развёрнутые формулы того, что он называет «цивилизационным выбором». Подобный придуманный выбор стремился задать СССР Михаил Горбачёв, формулируя «цивилизационный» вопрос на референдуме о сохранении СССР 17 марта 1991 года. Тогда, изображая из СССР «всё хорошее» (чем он никогда не был) в противовес «всему плохому», Горбачёв вынес на референдум вопрос-утопию:

«Считаете ли Вы необходимым сохранение СССР как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?». Ясно, что результаты голосования за «всё хорошее» были сколь удобны для Горбачёва (три четверти последних граждан СССР проголосовали за эту мифологическую формулу), столь и бессмысленны: этот самообман не спас СССР и мифологическое большинство уже через несколько месяцев растворилось — 1 декабря 1991 года за независимость от СССР проголосовало 90% жителей Украины.

Теперь Афанасьев задаёт выбор из двух комиксов: *«1. Россия — особая цивилизация, принципиально несхожая ни с Европой (Западом), ни с Азией (Востоком). Нам необходимо отстаивать и развивать самобытность экономического и политического строя российской нации на основе безусловного примата государственной власти» и «2. Для обеспечения социальной эффективности российского государства и конкурентоспособности страны в условиях глобализации нам необходимо развивать свои национальные системы жизнедеятельности на следующих базовых принципах: верховенство закона в обществе, в том числе над властью + конкуренция в экономике и политике».*

Сколько бы ни смеялись учёные над примитивным противопоставлением западничества и славянофильства, как ни банальна критика «архетипического манихейства» русской культуры, как бы бессмысленно даже для школьной дидактики ни было противопоставление «самобытников» и «глобалистов», Афанасьев настаивает на этой отнюдь не безобидной подмене. Почему очевидные особенности России надо втискивать в плен «самобытности»;

«самобытность» безальтернативно подчинять примату государственности, а не анархии; «самобытности» противопоставлять эффективность и конкурентоспособность; сугубо внутреннюю конкуренцию делать орудием внешней и т. п.? У Афанасьева нет ответа. Какой комикс из двух предложенных выбирать тому, кто считает взаимодополняющими верховенство закона и цивилизационное отличие России от Востока, внутривнутриполитическую конкуренцию и примат государственности на внешней арене; «самобытность» и социальную эффективность? Что делать тому, кто рад благам глобализации и одновременно рад отличиям России, хоть и не считает их «принципиальными»?

Афанасьев не даёт на это ответа и вновь заставляет элиту делать фальшивый, риторический выбор: *«С какой из оценок развития нашей страны в 2000-е годы Вы бы скорее согласились? 1. Россия поднялась с колен, доказала свою глобальную конкурентоспособность. Во внутренних делах стало больше порядка, повысилась управляемость трудноуправляемой страны. Государство, компенсируя невысокий уровень самоорганизации российского населения, в целом успешно определяет и реализует стратегию национального развития. 2. Российская элита не использовала внутренние и внешние возможности диверсифицировать экономику и обеспечить качество развития, адекватное вызовам глобальной конкуренции. Вместо модернизации происходит деградация институтов, примитивизация экономики и государственного управления»*. Ну что здесь ответит не-элитный здравомыслящий человек? Что Россия приподнялась, но не доказала? Что государство что-то решило, но «определило и реализовало» не «в целом»? Что элита провалилась, но экономика диверсифицируется независимо от неё?

Увлекаясь собственным чёрно-белым мультфильмом, Афанасьев суммировал метры и килограммы: «Российская элита развития определилась с цивилизационным выбором... лоббируемая и частично уже реализуемая на высшем уровне модель «государственного капитализма» отнюдь не имеет широкой поддержки в российских элитах развития. В своём абсолютном большинстве элиты ориентированы на нормальный капитализм...». С каких это пор исследовательская абстракция стала предметом «цивилизационного выбора»? Если б вопросы были меньше похожи на горбачёвские, ответы на них были б сложнее. Нужна ли автору эта сложность? Не нужна.

Афанасьев пишет: «На каких главных основах должен зиждиться новый российский мир — общество и государство? Это и есть тот самый *цивилизационный выбор*, который был и остается предметом жарких споров. В официальной пропаганде и «пиаре» по главным информационным каналам в последнее время весьма настойчиво проводится и популяризуется следующая установка...». Боже мой, полки его собственных книг о бюрократии взирают на Афанасьева с удивлением. Где и как могли пересечься его телевизионная мудрость, букварная агитка про «общество и государство» — и какофоническая реальность, которой поручается сделать «выбор»? Они пересеклись в учёном труде об элите — и опытная наша элита сыграла по правилам комикса: «государство» выбрали 27% респондентов, «общество» — 66%, и лишь 7% не оценили юмора и отказались от выбора.

Матрёшка «пакетных» вменений, которые — хуже вопросов ЕГЭ — навязывает респондентам Афанасьев, исходя из сказок о борьбе антизападного «национал-государ-

ственного зла» и прозападного «либерал-глобального добра», садится арбатским сувениром посреди исследования и делает комичной саму его цель. Автору стоит присмотреться к «выбору», который он ставит перед элитой, — и он узнаёт в нём съеденные до зубных корней прогрессистские банальности Левада-Центра.

Там же, где Афанасьев традиционно внимателен, нас ждут научные приобретения. Среди «главных бед» России большинство респондентов указывает на «неразделённость власти и бизнеса, ведущую к приватизации и монополизации публичной власти»<sup>11</sup>. Другой «главной бедой» России считают «целеустремленную и последовательную политику Запада, направленную на ослабление России» — и при этом вовсе не только чекисты, но и федеральные чиновники (36%) и бизнесмены (26%). Афанасьев почему-то ищет в этом «заявку на искомую национальную идею» и не хочет признать, что именно федеральные чиновники и предприниматели на практике имеют дело с той внешней конкуренцией, о которой в светлых тонах рассказывал комикс. Назвать предпринимателей обскурантами и антизападными «самобытниками» у Афанасьева не поворачивается язык. И он приходит к важному выводу, что именно такой западный опыт русских бизнесменов стал причиной «явного несоответствия между программными лозунгами либеральных партий 1990-х годов выделки, которые до сих пор претендовали на политическое представительство российского бизнеса, и мнением большей части предпринимателей по таким важным вопросам, как национальные интересы России и отношение к Западу». Остаётся сказать,

---

<sup>11</sup> Против слияния власти и бизнеса, против приватизации и монополизации власти выступают почти все элитные группы: федеральные чиновники — 53%, региональные чиновники — 45%, армейцы — 30%, чекисты — 51%, юристы — 73%, бизнес — 57%...



что и сам исследователь, к сожалению, не далеко эволюционировал от либералов, чьим риторическим коньком была именно теоретическая экономика.

С кругом практических экономических вопросов в исследовании вообще беда. Не снижая агитации в пользу либерального усекновения государства, Афанасьев парадоксально приводит в пример социалистическую Швецию, легендарно известную своими чрезвычайно высокими налогами, от которых сбежали долой из страны «Вольво» и «Эрикссон»... «Есть мнение, — иронизирует Афанасьев, — что для прорывного роста и глобальной конкурентоспособности необходим государственный контроль над ключевыми отраслями и активами национальной экономики... Альтернативное мнение: нужно не усугублять монополизацию и концентрацию экономических выгод в узкой группе государственных компаний, а создавать благоприятные условия для всех национальных экономических игроков... стимулировать развитие малого и среднего бизнеса, по уровню и влиянию которых Россия сильно отстает от развитых стран». Что будет формулировать Афанасьев, узнав из учебников, что госкорпорации в ключевых отраслях придуманы, действовали и действуют не только в современной России, а нынешнее массированное вмешательство государства в экономику — не Путина изобретение? И как автор может в принципе оценить уровень развития малого и среднего бизнеса в России, если его примерные 40% в ВВП не учитываются госстатистикой?

Чем, как не наивностью, является просвещённое представление Афанасьева, что *пользующийся поддержкой элитного большинства* «опережающий рост бюджетных расходов на здравоохранение, образование и професси-

ональное обучение, науку, информатизацию» и «государственное стимулирование частных и корпоративных инвестиций в основной капитал» — либерализм, а не этатизм, ничего общего с его карикатурным либерализмом не имеющий? И как это можно считать альтернативой «созданию *государственных корпораций*»?

Настаивая, что альтернативой «государству» должно выступать «общество», Афанасьев почему-то не рад там, где хором «элиты развития» голосуют против солидарности с государством: «мы наблюдаем психологический эффект «бегства от государства», явно нарастающий в большинстве элитных групп. В тех же группах, которым избежать государства трудно или невозможно — владельцы бизнесов, армейские офицеры, эксперты и аналитики — относительное либо абсолютное большинство прямо говорит о том, что государство своей политикой им не помогает, а мешает». Разве это не либеральная замечательность?

«Как соотносятся Ваши собственные успехи последних лет с политикой государства в сфере Вашей профессиональной деятельности?» — задаёт вопрос Афанасьев и недоумевает: «Неожиданным оказался не столь уж высокий показатель позитивного влияния, точнее восприятия такого влияния как позитивного: у чиновников — 51%, среди работников органов госбезопасности и охраны правопорядка — 46%... Среди предпринимателей самым частым (38%) оказался ответ: «Мои успехи достигнуты скорее не благодаря, а вопреки воздействию и результатам политики государства»...». Такая мера независимости элиты от государства, очевидно, не входит в сценарии комикса.

## *Буквари*

Чем больше недоумений испытывает Афанасьев, тем больше вопросов возникает к его репутации трезво-мыслящего социолога. Он постулирует: «Важным политическим элементом национальной жизни и государственного устройства должна бы являться **партийная система**». Почему — разъяснений не следует.

Но любые разъяснения гаснут в итогах: партийность элиты — не редкость (у региональных чиновников — 28%, у армейцев — 23%), но вера самих партийцев в эту систему минимальна, а сторонников «правительства партийного большинства» — заведомое меньшинство (федеральные чиновники — 9%, региональные — 8%, армия — 2%, чекисты — 5%, юристы — 5%). И лишь предприниматели (28%) и офицеры армии (40%) жаждут партийной реформы.

«Глубокое недоверие к политическим партиям» взрывает мозг: по Афанасьеву, в элитах России партии «воспринимаются исключительно как чьи-то частные политические предприятия, преследующие корыстные личные и групповые, но никак не общественные интересы». А как же иначе? — рвутся из уст либеральные слова. С каких это пор либеральные буквари отказались от партийности интересов и перестали считать «партии всего народа» признаком авторитаризма? И вновь исследователь недоволен: «Стремящиеся к личному благополучию россияне избегают общественной активности». Странная у либералов философия: либо общественность, либо благополучие!

Через две страницы Афанасьев, похоже, берётся уже за другой букварь: «Большинство... выступает за поли-

тическое обновление и приведение партийной системы в *состояние, достойное граждан свободной и цивилизованной страны*. «Достойное состояние цивилизованной страны» — это как? Как в странах «организованного электората»? Их реальность будет неутешительна для букваря. Но ведь и Афанасьев это знает и убеждает, наверное, кого-то другого: «Западная политологическая литература буквально переполнена свидетельствами того, что партии теряют доверие, электоральная активность граждан падает, да и другие формы их общественно-политического участия в местных и национальных делах также скорее деградируют». Так какому же прикажет он следовать букварю?

Исследуя парламентскую функцию партийных институтов, Афанасьев вновь обнаруживает в России что-то нецивилизованное, шкурно-партийное и гражданское: «Факт есть факт: не в начале 1990-х, а в конце 2000-х, на пике бюрократической централизации, абсолютное большинство российских предпринимателей (55%), менеджеров (53%), юристов (69%), работников здравоохранения, образования и науки (58%), экспертов и журналистов (66%) и даже большая часть региональных чиновников (46%) выступают за усиление парламентского контроля над исполнительной властью... для них парламентский контроль над исполнительной властью — отнюдь не демократический лозунг, а институциональный способ усиления своего политического представительства и влияния на правительство». Прекрасно формулирует Афанасьев, именно это и должно его радовать — институционализация неадминистративной элиты.

За возвращение **прямых выборов** глав субъектов федерации выступает добрая половина или большинство

почти в каждой элитной группе: федеральные чиновники — 46%, региональные чиновники — 42%, армейцы — 58%, чекисты — 33%, юристы — 65%, бизнес — 48%, менеджеры — 42%, социальная сфера — 48%, медиа и эксперты — 55%: «Действующий порядок назначения глав регионов России президентом совершенно не устраивает... абсолютное большинство респондентов во всех без исключения элитных группах (78% всех респондентов) высказываются за переход от назначений к иному порядку» — прямым выборам или выборам в легислатурах по результатам открытого конкурса.

И вновь сравнивает автор данные по образцовой Швеции, США и российским элитам. В Швеции, например, в благотворительных объединениях участвует 20,8% населения, а в России — лишь 2,3% элиты. Из этого Афанасьев делает особые выводы: ««Благотворительность» [в России] сегодня понимается как удел богатых и знатных, чуть ли не как статусная характеристика... забота о стариках и недееспособных и воспитание подрастающих поколений являются в России сферой социального отчуждения, а вовсе не широкого общественного участия и взаимодействия граждан... прагматичные шведы и сверхпрагматичные американцы не просто числятся в каких-то ассоциациях, но и довольно активно занимаются общественной работой... В России же таких «тимуровцев» сегодня днём с огнём не найдёшь, неоплачиваемая общественная работа — это не для нас».

После таких заявлений остаётся порекомендовать автору оставаться уважаемым автором — и не делать бессмысленных обобщений, касающихся сфер, в которых его компетентность стремится к нулю. Среда благотворитель-

ности и бесплатного систематического самоорганизованного труда десятков тысяч *волонтеров* на благо стариков, детей, инвалидов в России уже многие годы является развитой, информационно насыщенной и состоявшейся частью общественной активности, детально описываемой в СМИ. Но в мои задачи не входит подловить уважаемого коллегу на некомпетентности.

Мне интересна особая «слепота», демонстрируемая им при сравнении Швеции и элиты в России. Например, он не спешит с выводами при почти полном совпадении показателей партийности: Швеция — 10,5%, США — 19,2%, элита в России — 11,2%. И почему-то совершенно не стремится к «цивилизационным» суждениям при сравнении доли участников «деятельности местных сообществ» в Швеции (9,4%) и США (12,9%) с долей участников «ТСЖ и иных соседских объединений» в российской элите (15,4%), хотя «общественный капитал» ТСЖ вызывает его высокую оценку<sup>12</sup>.

И уж совершенно не укладываются в риторику автора об антизападной «самобытности» — и именно поэтому прямо им игнорируются — данные об участии элиты России в религиозных обществах (3,3%) в сравнении с такими же данными из Швеции (71,4%) и США (57,1%). Я бы понял объективность автора, если бы он уделил внимание «протестантскому духу» в «капиталистической свободе», но, думаю, это не укладывалось в его чёрно-белую схему. Верно пишет Афанасьев: «В России традиционные устои взорваны, а гражданские связи и принципы слабы», но до-

---

<sup>12</sup> Активность участия отдельных элитных групп в ТСЖ (товариществах собственников жилья — формах кондоминиума) ещё выше: федеральные чиновники — 22%, юристы — 24%.

говорить вслед за шведскими цифрами — что эти необходимые устои церковны и религиозны — не позволяет риторический ряд «Либеральной миссии».

Измордовавшись о реальность, исследователь добросовестно признаёт: «результаты социологического исследования не подтвердили тиражируемые утверждения о полной поддержке российскими элитами правящего режима и «преемственности курса». Более того, данные опроса фиксируют широко распространённые в российских элитах развитие ожидания качественных перемен — запрос на новый курс государственной власти». Сказки о русской элите Афанасьев вынужден опровергнуть: она НЕ «очень тесно связана с государственной властью» и отнюдь НЕ «не хочет иметь своего собственного мнения, отличного от мнения власти», НЕ «исповедует мировоззренческий релятивизм», ВПОЛНЕ «принимает западные правила гражданской ответственности, публичной открытости и подотчётности» и «заинтересована в построении общества, основанного на открытой конкуренции».

Итог Афанасьева звучит так (и он чем-то напоминает выводы Левада-Центра): «В элитах развития явно преобладает критический взгляд на сложившуюся в стране систему управления и её результативность. Как известно, правящая администрация рассматривает выстроенную в 2000-е годы «вертикаль власти» в качестве своего главного достижения и залога социальной стабильности. Но как раз в этом центральном пункте мнение правящей администрации резко расходится с мнением национальной элиты: абсолютное большинство участников опроса считают, что мероприятия по укреплению вертикали власти в итоге привели к чрезмерной концентрации власти и бюрократии».

тизации всей системы управления, снизив тем самым ее социальную эффективность... Бюрократия... расколота... Во всех остальных элитных группах число сторонников старого курса совсем не велико, не достигая ни в одной из групп и четверти респондентов... При этом институциональная недостаточность самой системы очевидна почти всем — даже во властных элитных группах, не говоря уже об экономических и общественных»<sup>13</sup>.

Афанасьев выделяет в качестве *точек элитного консенсуса* и подобие позитивной программы «элит развития»: госинвестиции в человеческий капитал; политическая конкуренция; выборы глав регионов и др. Признаться, всё это выглядит крайне несерьёзно. Если перевести эти приоритеты на практический, «ресурсный» язык, то это значит, что консенсус элит состоит в идее *поддержки самих элит за счёт государства*, их «человеческого капитала» и инфраструктуры их влияния, *обеспечения их большего веса в ходе административного торга*.

Одно дело, когда это исповедовали олигархические элиты 1990-х, сознательно отодвинутые Путиным на край политического большинства. Но в исследовании Афанасьева речь идёт уже о другой, демократической элите развития, о «верхнем среднем классе» 2000-х, политическая мобилизация которого так и не состоялась.

---

<sup>13</sup> «Вертикаль власти» позитивно оценивает большинство только в одной элитной группе: 56% федеральных чиновников. Негативно оценивают её итоги: федеральные чиновники — 33%, региональные чиновники — 43%, армейские офицеры — 70%, чекисты — 46%, юристы — 65%, бизнес — 67%, менеджеры — 63%, социальная сфера — 64%, медиа и эксперты — 79%.



А ведь в самом существенном, не сильно искажённом играми в «цивилизационный выбор», исследование Афанасьева обнаруживает много из того, что на социальных перекрёстках, выговаривая каждый свою «групповую правду», вся эта гремучая смесь правящих чиновников, служилых, экспертов, хозяев, начальников и юристов толкует о переменах...

Они действительно недовольны, они действительно хотят перемен, они действительно остро чувствуют бюрократическую и интеллектуальную слабость государства.

Они на самом деле — давно уже — главный субъект институциональной и неформальной, ресурсной и информационной борьбы, который — очень по-русски, спокойно, критично и жёстко — ждёт серьёзного разговора с политической властью.

Они презируют верхушечные «оттепели» и «общественные договоры», для них возвращение либеральных банкротов 1990-х годов равносильно возвращению Березовского в Кремль. Состоявшись как независимая и суверенная элита, они ждут нового, адекватного себе государства.

*Май 2009*

## **Государство Путина: школа консенсуса и война большинства**

Общественное и политическое сознание России XIX–XX веков, сам национальный консенсус в России и у её союзников развивались в рамках двух преобладающих утопий — **утопии справедливости** и **утопии безопасности**. Ни та, ни другая, разумеется, не могут быть реализованы в полной мере. Но самой нереализуемой из нереализуемых, безусловно, является задача полной безопасности России. И не только потому, что она сама волей-неволей лежит на «цивилизационном разломе», но и потому, что *практика* всех без исключения систем глобальной и континентальной безопасности сводится, как минимум, к недружественному «сдерживанию России», а более всего — к построению «безопасности» России **против и без России**.

В таких условиях — любой национальный лидер и устанавливаемый им в России режим — не менее, но и не более, чем фигура, отвечающая национальному консенсусу о справедливости и безопасности.

И если во внутренней политике России в течение XIX–XX веков главным было требование социальной справедливости для большинства — и все трагедии, революции и обманы были им мотивированы, то во внешней политике — совершенно независимо от окраски режимов — было и остаётся требование безопасности. Именно эта внешняя безопасность и есть главная справедливость для народов России и её союзников, в течение последних ста лет неоднократно стоявших на грани и за гранью геноцида. Любое отступление России в области внешней безопасности, даже ради импортируемых «ценностей» и «гарантий», автоматически делает невозможной её «внутреннюю справедливость». Поэтому нам бессмысленно говорить о «правах человека ценой геноцида». Мы это знаем на собственной шкуре.

## *Политика*

**История политики** в России окружена многочисленными литературными мифами. Два главных из них традиционно сводятся к мифологемам «коллективизма» (соборности, общинности) и «авторитаризма». Желая говорить о России запросто — трудно преодолеть искушение говорить примитивно: на «аксиоме» об историческом дефиците права и личности легко построить любую пропагандистскую схему — русофобскую или русофильскую. Но говорить о политической России просто — нельзя.

Во-первых, потому, что *политическое как публичное управление* всегда было в России сферой ожесточённой идейной, корпоративной, персональной, экономической борьбы.

Во-вторых, потому, что *массовая публичная политика* в России возникла исторически одновременно с массовой публичной политикой в странах первых буржуазных революций.

В-третьих, потому, что даже *предельное сокращение публичной сферы политики* никогда не уничтожало самой практики политической борьбы. Публичная сфера политики, уничтоженная в сталинском СССР, не уничтожила самой политической борьбы, сжатой до заговора Маленкова и Берии, уморивших Сталина тогда, когда тот готов был принести их в жертву очередному «обновлению крови».

Наконец, в-четвёртых, в истории России **политика как борьба за власть и ресурсы** в конечном счёте была **борьбой за единство большинства**, ибо всегда имела дело с крайним социальным, этническим, конфессиональным и экономическим разнообразием, перед лицом которого даже массовый государственный террор вынужден был быть избирательным.

### *История консенсуса*

Сколь бы массовой ни становилась публичная политика в России, периодически доходя до масштабов революций, общенациональный консенсус в России XIX и XX веков практически никогда не носил политического характера. Почти исключительным содержанием этого консенсуса были требования **личной и национальной безопасности и социальной справедливости**, в революционные моменты превращавшейся в требования радикального (вне

национальных институтов) **социального освобождения**. В некогда преобладающе крестьянской России консенсус социального освобождения получил своё практическое выражение в «чёрном переделе» 1918 года, то есть уравнительном перераспределении земельной собственности вне каких бы то ни было политических и даже общенациональных общественных институтов и процедур.

Можно сколько угодно размышлять об утопической природе такого консенсуса в вечно воюющей и полной социальной несправедливости стране. Можно, если хочется, примитивно изображать этот социальный консенсус как сугубо этический и внеправовой. Но нельзя не увидеть, что он был реализован — одновременно с финальным разрушением общинного строя — в массовой частной «производительной собственности». Только за такой собственностью и следует рождение **массовой личной свободы и гарантирующих её национальных институтов**. Именно против таких политических последствий массовой крестьянской собственности боролись большевики, устанавливая строй «военного коммунизма», а затем «коллективизации» и ГУЛАГа.

С другой стороны, несмотря даже на десятилетия гражданской войны советских коммунистов против массовой частной собственности (и её метастазы в борьбе гитлеровских коллаборационистов), именно консенсус безопасности стал одним из факторов победы СССР во Второй мировой войне.

Инструментализация такого «военно-социального» консенсуса, разумеется, была весьма далека от обыденной практики, которая — в соответствии с условиями

первой половины XX века — почти целиком поглощалась индустриальной милитаризацией и мобилизацией национальных ресурсов. Но было бы трудно требовать от национального консенсуса «тонкой настройки» в момент национальной катастрофы, непрерывно мучившей Россию весь её XX век.

### *История большинства*

Лишь дважды в России XX века *социальный консенсус был свободно реализован как электоральное большинство*: на выборах Учредительного собрания в декабре 1917 года и на первых выборах президента России в июне 1991 года. В 1917-м за радикальные социалистические партии проголосовало 80% избирателей, в 1991-м за демократа-популиста Ельцина — 57%. Несомненно, что мера внеинституциональной легитимности этих большинств растворилась довольно быстро, и последствия 1917 и 1991 годов развивались уже не по консенсуальному, а по революционному сценарию.

Несомненно также, что эти электоральные большинства принципиально имели фактически внеинституциональный и потому потенциально революционный характер. Стоит только отметить, насколько действительно «безгосударственными» были эти консенсуальные большинства, если легитимированные ими институты либо — в случае Учредительного собрания — вскоре исчезли перед лицом гражданской войны, либо — в случае Ельцина — столь же быстро переродились в партийную власть, победившую в гражданской войне.

Примечательно, что на выборах 1917 года (выдвинутый социалистами-революционерами) лозунг упомянутого «черного передела» (массовой крестьянской собственности) был поддержан динамическим большинством в 50%, а затем, в 1918-м (при поддержке большевиков), приобрёл почти 75% партийных сторонников. В результате произошёл своеобразный обмен массовой «производительной собственности» на политическую диктатуру.

В свою очередь, в 1991-м, новая массовая (теперь лишь «потребительская») собственность, поддержанная электоральным большинством, — бесплатная массовая приватизация жилья и земельных участков — была фактически обменена на экономическую диктатуру новых монопольных собственников.

И в 1917-м, и в 1991-м годах консенсус безопасности и целостности государства если и существовал, явно не был актуализирован: в условном выборе между практикой внешней безопасности и утопией справедливости большинство неизменно выбирало второе. Не потому, что переставало нуждаться в безопасности, но потому, что секрет стабильной безопасности виделся в немедленном достижении частного и общественного благополучия, простым производным от которого виделась утопия «мира без аннексий и контрибуций», то есть государства, отказавшегося от государственных интересов, не сводимых к частно-общественным интересам. В обоих случаях — и Российскую империю в 1917-м, и СССР в 1991-м — ждали государственный распад и гражданская война.

### *Большинство сегодня*

Приход Путина к власти в 1999–2000 гг. впервые в российской истории **операционализировал социальный консенсус, консенсус безопасности и соответствующее им большинство**. В 1999 году, когда все предыдущие образы электоральной легитимности общенациональной российской власти выдохлись, а либеральное государство экономически обанкротилось, страна встала перед перспективой расчленения. Внешний источник угрозы был внятно продемонстрирован войной НАТО против Югославии, внутренний — нападением де-факто независимой Ичкерии на Дагестан, то есть Россию.

Запрос на безопасность требовал уже не риторики, а практики эффективной самообороны. Запрос на социальную справедливость, уничтоженную либеральной олигархией 1990-х годов, требовал, как минимум, риторических действий в области социальной политики. В такой ситуации вновь мог возникнуть ложный выбор между государственной капитуляцией и социальной утопией, но трудно верифицируемые «государственный инстинкт» общества или личный и генетический опыт 1917 и 1991 годов предопределили отказ большинства от такого выбора. Террористический мятеж в Чечне в ходе жестокой войны был подавлен.

Значительному русскому мыслителю и писателю Зинаиде Гиппиус приписывается классическая дилемма — «свобода без России» или «Россия без свободы», — в которой она, находясь в антикоммунистической эмиграции, выбирала первое. В эмиграции 1920–1930-х годов такая дилемма, может быть, не выглядела столь абсурдной,



сколь это становилось понятным большинству в 1999 году. Именно тогда, внутри опыта непрерывных гражданских войн и террористического диктата, становилось очевидным: **без «России» (то есть безопасного и целостного государства) невозможна никакая «свобода» (то есть совокупность неотъемлемых частных и общественных прав, защищаемых государством).**

В России 1999 года конституционные, но институционально слабо гарантированные и во многом риторические, права, свобода и справедливость служили уже не утопической целью, а более или менее знакомой практикой. Поэтому социальный консенсус по определению не мог требовать их немедленного внеинституционального осуществления, а напротив — требовал их полной реализации в существующих общественно-политических институтах. Но конституционная безопасность — даже риторически — не была государственной, общественной и личной практикой. И с очевидностью деградировала вне и внутри страны. Консенсус безопасности здесь реализовывался в его крайней форме национального самосохранения.

Перед Путиным, претендующим стать легитимным носителем воли электорального большинства, стояла задача не просто соответствовать его консенсуальным надеждам, но и — в качестве демократического главы правового государства, а не вождя — верифицировать институционализацию этих консенсусов. К концу 1990-х и безопасность, и частнособственническая свобода, и регионально-национальная справедливость — в равной степени стали предметами навязанного им «внешнего управления», подмены, если не узурпации. И консенсус состоял в требовании уничтожения этих «внешнего управления» и узурпации. Но путь

Путина к представлению воли консенсуального большинства не был триумфальным. Получив на президентских выборах 2000 года 53% голосов, Путин не имел карт-бланша. В его руках был действительно ограниченный мандат арифметического большинства, который впоследствии он сам риторически назвал мандатом «наёмного менеджера».

Возвращение государственной субъектности России в области безопасности и ликвидация верхней части субститутгов, подменяющих собой институты прав и свобод (либеральных монополистов, региональных феодалов и мафиозных самоуправленцев) к 2004-му году, времени новых президентских выборов, впервые обеспечили Путину консенсуальное большинство — 71% (с тех пор его личный электоральный рейтинг локализуется возле 70–75%). Можно сказать, что именно в Путине впервые в российской истории общенациональный консенсус был реализован не в утопии революционных надежд, а в практике устойчивого институционализированного большинства.

### *Большинство завтра*

Но инструментальная война большинства за реализацию общенационального консенсуса посредством легитимации или уполномочия национального лидера, разумеется, не закончилась. И в этом — принципиальное отличие института авторитарного вождя от института лидера большинства. Вожди тоже любят большинства и не любят посредников-узурпаторов в общении с ними. Они тоже оппортунисты там, где речь идёт об узком круге консенсуальных идей. Им тоже вменяется внеполитическая программа «за всё хорошее против всего плохого». Но прививки российского большин-

ства, полученные им в XX веке от гражданской войны, войны за выживание, мобилизации и безопасности, несовместимой с монопольной зависимостью от персональной эффективности монарха Николая, диктатора Сталина, геронтократа Брежнева или популиста Ельцина, не позволяют ему вновь вручить свой суверенитет без условий.

**Условия, поставленные Путину большинством, носят институциональный характер.** Именно поэтому большинство вполне критично следит за продолжением схватки между институтами и субститутами. Поэтому карт-бланш на защиту национальных интересов в области государственной безопасности сопровождается «техническим заданием» на адекватное построение её институтов. И сама воля к такой защите уже не считается достаточным достижением. Карт-бланш на освобождение социального консенсуса от экономической, корпоративной или региональной олигархии сопровождается (может быть, утопическим) «техническим заданием» на ликвидацию самой практики самодостаточных партийно-корпоративных институтов. Пока на смену либеральным олигархам приходили государственные корпорации, состоялась новая экономическая реальность, при которой 40%, принадлежащие мелкому и среднему бизнесу в ВВП, не только (прямо, а не в коэффициентах) не учитываются государственной статистикой, но и сами испытывают глубинное недоверие к государственно-общественным институтам и субститутам.

В поле растущей требовательности расположились и основные идейные противники путинского большинства, полагающие указанное глубинное недоверие достаточным фундаментом для построения собственной альтернативы. Они, может быть, стали бы увлекательным

материалом для прикладной политической истории, но принятой здесь оптике исторического ландшафта, заслуживают лишь скупых констатаций.

*Левые, социалистические и коммунистические альтернативы* полагают возможным восстановить архаичный социальный консенсус утопической справедливости, на деле сводимый не к борьбе с бедностью, а к государственной экономической монополии. У такого консенсуса уже нет и более не будет операциональной перспективы, и нет — большинства.

*Либеральные альтернативы* в наиболее практичных своих изводах не имеют иного сценария, кроме возвращения к олигархической экономической монополии. И на этом пути никогда не встретят даже утопического большинства, даже архаичной антигосударственной капитуляции.

*Консервативные альтернативы*, к несчастью, не формулируют институциональных задач, подспудно выдавая свою претензию на участие в бюрократической политической монополии. Неспособные монополизировать государственно-общественные институты, они тщатся инфигировать своей проповедью институты национального лидерства. И это — тоже уже вчерашний день, прошлое неинституционализированного большинства, которого ныне уже не существует.

*Бюрократическая монополия* в политике и экономике, успешно операционализировав своё доминирование в общественно-государственных институтах, стремительно приближается к новому конфликту с консенсусом боль-

шинства. У этой монополии нет шансов — ни раствориться в разнообразии частно-общественных интересов, ни продать свою операциональную власть институтам национального лидерства. Власть действующей бюрократии — очень быстро «уходящая натура», от которой в новом издании бюрократической власти останется очень немного.

\* \* \*

Уникальное, беспрецедентное для русской истории самоспасение большинства в начале 2000-х годов, оставившее дурной ход консенсуальных национальных самоубийств 1917 и 1991 годов, впервые в России создало институт национального лидерства. Но теперь перед этим лидерством стоит столь же «чудесная» задача — укоренить свою консенсуальную власть в компромиссных, конфликтных и одновременно ценностно осмысленных общественно-государственных институтах.

Национальные лидеры, национальный консенсус, национальное большинство, уже построенные на компромиссных, но несомненных институтах массовой частной собственности, то есть массовой справедливости, теперь должны построить столь же компромиссные и столь же несомненные **институты политической власти этой массовой собственности**. Должны построить **публичные институты внешней национальной безопасности** внутри себя, автоматически исключающие, например, «казусы Зурабова». **Иначе они рано или поздно перестанут быть лидерами консенсуса и большинства.**

*Июнь 2009*

## **«СНГ мертво...»**

*Как Вы считаете, СНГ «скорее живо, чем мертво» или «скорее мертво, чем живо» и почему?*

СНГ мертво, ибо по собственному признанию, например, российских лидеров, являет собой лишь удобный формат саммитов. При этом действительно развитая межгосударственная правовая, экономическая и иная база, облегчающая жизнь участникам СНГ, действует по преимуществу «вслепую», инерционно, без политического смысла.

В СНГ лидирует формат двусторонних отношений и узких интеграционных форматов (ОДКБ, ЕврАзЭС, Таможенный союз), на поверку более декларативных даже в узких форматах: и между Белоруссией, Казахстаном, Россией, и в случае участия Узбекистана, и в контексте противоречий Узбекистана с его «союзными» соседями.

*Чем, на Ваш взгляд, вызваны недавние потери позиций России в рамках постсоветского пространства — просчетами российского руководства, деятельностью «агентов*

*влияния» в бывших советских республиках, «детскими болезнями» независимости или объективными процессами переориентации новых независимых государств на иные центры силы? И, следовательно, насколько устойчивой будет эта тенденция в ближайшие годы?*

Российская дипломатия трагически отстала от разнообразных и системных методов внешнеполитической борьбы не только наших европейских и заокеанских противников, но и методов новых независимых государств. Тому причиной, в первую очередь, «династическая дипломатия» — дипломатия саммитов, верхушечных сделок, не подкреплённых системой вертикальных, горизонтальных, многопартийных, гражданских, экспертных, отраслевых, политических отношений, или линией законного «сдерживания» антироссийского потенциала в новых независимых государствах.

Такая дипломатия несистемна, полна решений *ad hoc* и «казусов Зурабова». Уверен, что никто из нас не доверил бы хирургическое вмешательство, например, в здоровье своего ребёнка просто «хорошему знакомому» или «тренеру по ходьбе». Но в случае с критически, катастрофически важной для нас Украиной такие чудеса — реальность.

Также выглядит и бюрократически-ведомственное перенаселение в направлении СНГ: это и руководимый представителем России исполком СНГ, и, кроме профильных подразделений МИДа, спецпредставитель президента по СНГ, и спецпредставитель по культуре, и спецпредставитель по экономике, и спецпредставитель по гуманитарным вопросам, и национальный координатор по СНГ и т. п. Эта толкотня — признак бессилия.

*Согласны ли Вы с тем, что позиции России в Украине и Молдове подорваны окончательно? Кто, по Вашему мнению, несет ответственность за эти провалы? Существуют ли в этих странах относительно пророссийские силы, на которые нашей стране можно было сделать ставку? Как следует в связи с этим решать проблему Приднестровья? Способна ли Россия противодействовать движению Украины и Молдовы в НАТО и ЕС?*

Прежде чем так ставить вопрос — «подорваны» или «не подорваны» — надо прежде друг другу доказать, что на Украине и в Молдавии эти позиции были, и показать, в чём конкретно, инструментально они состояли.

Так вот, у России давно уже нет никаких значимых позиций в этих странах. По мере того как Россия выбиралась наружу из негосударственного бытия 1990-х годов, она неизменно обнаруживала, что всё её «влияние» в сопредельных странах — это «влияние» донора, в полубессознательном состоянии вливающего свою кровь в экономические и человеческие ресурсы соседей. Оно, разумеется, не было никак политически представлено.

Наилучшие, наиответственнейшие политические силы на Украине и в Молдавии отнюдь не пророссийские, их главное достижение — быть по-настоящему проукраинскими и промолдавскими. В остальном — это тотальная зависимость от «политического бизнеса», в котором почти нет ценностей.

Зацикленность России на поиске «пророссийских» сил — вопиющая некомпетентность, граничащая с подростковым самолюбованием: только очень юные люди



ищут не партнёрства, не совпадения интересов, а похвалы, даже фальшивой. На этом пути нас всегда будут использовать мошенники и маргиналы.

Проблема Приднестровья не может быть полностью подчинена нашим отношениям с Украиной и Молдавией. В их контексте — Приднестровье, в первую очередь, заложник, и ничего замечательного в этом заложничестве нет. Наш безусловный приоритет — сохранение государственности Приднестровья. Те, кто предлагает нам «разменять» Приднестровье на «всю» Молдавию, — лжецы. Такие же лжецы ещё год назад предлагали «разменять» Южную Осетию, «отдать» Южную Осетию и Абхазию — и получить взамен «всю» Грузию. Такие игроки до сих пор уговаривают русских «сдать» Карабах — получить симпатии «всего» Азербайджана.

Это фальшивые размены: в первую очередь, потому, что нам НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ судьба этих народов, мы можем только стараться защищать их выбор, понимая, что этот выбор был сделан в ходе войн, в которых частная справедливость никогда не торжествует. Кроме того, даже в теории «все» Молдавия, Грузия и Азербайджан никогда не будут принадлежать России, ибо это противоречит их (сознательному или вынужденному) национальному самоопределению и, главное, не подкреплено НИКАКИМИ реальными политическими и общественными инструментами влияния и контроля.

Тот, кто подчиняет судьбу Приднестровья судьбе Молдавии или Украины, недобросовестен. Судьба Молдавии и Украины не зависит от России, они разрушительны, и я не могу себе представить, чтобы пикейные жилеты,

говоря о судьбе 200 тысяч русских в Молдавии, не понимали, что и они заложники и надо бороться за их права, а не подчинять их заложничеству судьбу 500 тысяч приднестровцев.

Саморазрушение Украины и Молдавии — неизбежность, и спасти их от самоубийства ценой наших интересов — безумие.

В отношении интересов России на постсоветском пространстве агрессивный национализм, в том числе румынский, всегда выступает террористом, а русские — заложниками. И не пикейным жилетам, и не дипломатическим туристам, строя стратегию по глобусу, рассуждать: сдать или не сдавать Приднестровье. Там проходит не символическая, а реальная, почти внутренняя граница нашей идентичности. Мы можем потерпеть поражение, но мы не имеем права отступать.

*Как Вы оцениваете развитие отношений с Белоруссией? Какими Вы видите их развитие в ближайшее время? Каковы причины охлаждения отношений с этой страной?*

Главная причина охлаждения — экономическое банкротство Белоруссии и политическое банкротство белорусской политики России. Нас ждёт мучительная институционализация взаимного недоверия и главный практический вопрос наших отношений с Белоруссией: что будет со всем комплексом ежедневной практики нашего союза — единством трудового, миграционного, образовательного, таможенного и военного пространства. Утрата этого, не очень видного на первый взгляд, массива будет крайне, невыносимо болезненной для России.

*Сохраняет ли сегодня актуальность деление стран СНГ на «пророссийские» (ЕврАзЭС) и «прозападные» (ГУУАМ)? И не пришло ли время вообще отказаться от понятия СНГ, заменив его какими-то иными объединениями, основанными не на формальном признаке бывшей принадлежности к единой державе, а на общих интересах?*

ГУАМ умер, как и СНГ, потому, видимо, и умер, что умерла его цель. ЕврАзЭС фактически двусторонний формат общеэкономической интеграции России и Казахстана. А риторические манипуляции с понятием СНГ уже давно лишены даже риторического содержания. Некогда Путин назвал СНГ «*формой цивилизованного развода*» бывших союзных республик СССР, затем эта формула была явочным порядком скорректирована. И теперь — главным содержанием понятия является такое циничное, немислимое при содержательном подходе, явление, как «председательство» воронинской Молдавии в СНГ, то есть председательство того режима, который уравнивал в правах наших ветеранов войны с румынскими коллаборационистами Гитлера и антиприднестровскими «комбатантами», совершившими доказанные массовые военные преступления и преступления против человечности, устами первых лиц обвинивших Россию в организации апрельских беспорядков, заявивших о «войне с Россией», прославляющими как национальную совесть Молдавии явных русофобов и т. д. Такое понятие более не имеет смысла.

*Остались ли в рамках постсоветского пространства страны, которые можно безусловно зачислить в разряд союзников России и можно ли выделить в рамках СНГ некие группы стран по степени их близости к России (как это*

*сделали, например, Марк Леонард и Нику Попеску применительно к странам ЕС)?*

Схема Марка Леонарда и Нику Попеску носит дидактический, а не научный характер. Так классифицировать можно и стаканы в посудомоечной машине. У России не было и нет безусловных союзников, и искать их — признак наивности. А среди условных союзников, по мере убывания «союзничества», я бы назвал лишь четыре страны: Южная Осетия, Абхазия, Армения и Казахстан. Остальные союзниками фактически не являются. Ибо нельзя считать союзниками, например, Таджикистан и Киргизию, торгующих своим «союзничеством» в розницу — и то только после авансирования.

*Чем может быть Россия привлекательна для своих соседей по «ближнему зарубежью» и что их отталкивает?*

Россия — огромный рынок, обеспечивающий страны «ближнего зарубежья» относительно доступными энергоресурсами, предоставляющий им до 10 миллионов постоянных рабочих мест, которые дают этим странам от 25% до 50% ВВП, являющийся транзитным и логистическим центром всего постсоветского пространства. Кроме того, для большинства наших соседей Россия — это страна с большей степенью многонационального разнообразия, социальной мобильности и личной свободы. Наши соседи не обязательно должны называть перечисленное факторами привлекательности России, но то, что они в массовом порядке пользуются этим, «голосуют ногами», — факт.

Наших постсоветских соседей Россия отталкивает тем, чем обычно отталкивает любая бывшая метрополия —

самим фактом своего существования. Как и Америка для мексиканцев, как Москва для немосквичей — это лакомый, но очень трудный кусок, это жёсткая конкуренция и часто бесцеремонность. Но главное, чем отталкивает Россия своих соседей, это то, что она по-прежнему воспринимается как часть общего союзного наследия, доступ к которому должен быть льготным для бывших советских. Это у себя дома они строят националистические монополии. Но то, что у России своя собственная национальная судьба, для многих оказывается шоком.

России надо смириться со своим вынужденным, консервативным изоляционизмом, но ей же придётся смириться и с тем, что сфера её ответственности за собственную безопасность требует её особой политической, экономической и культурной активности в «ближнем зарубежье». В отношении «ближнего зарубежья» Россия буквально «без кожи», и никакой династической дипломатией и американской демагогией это не исправишь.

*Август 2009*

## **Ош-2: почему Узбекистан не хочет военного присутствия России на Юге Киргизии**

Узбекистан последовательно и бескомпромиссно протестует против создания коллективных сил ОДКБ и против размещения российской военной базы на Юге Киргизии (в городе Ош, где она находилась до мая 2005 года, или рядом, в Баткенской области). Узбекистан прямо говорит, что эта база будет стимулировать в регионе «милитаризацию» и «национализм».

В таком контексте надежды МИД России и немногочисленных публичных экспертов на то, что Узбекистан можно будет уговорить, удовлетворить отказом от прямого упоминания города Ош или даже ритуальными «консультациями» России с высшим узбекским руководством, являются необоснованными.

России не следует «прятать голову под крыло» и полагать, что сопротивление Узбекистана носит процедурный, восточно-ритуальный, авторитарно-психологический характер, объясняемый спецификой политической системы президента Ислама Каримова. И что стоит президенту России лично побеседовать со своим узбекским коллегой,

как все препятствия будут сняты и наступит такое же взаимное понимание, какое наступило после переговоров президентов о водно-энергетической проблеме Средней Азии, в ходе которых Россия согласилась с водно-дефицитным Узбекистаном в том, что проблема эта международная и не может решаться в одностороннем порядке водно-избыточными Таджикистаном и Киргизией.

Но вот в случае с военной базой на Юге Киргизии понимание Россией международного контекста событий, хотя и присутствует, остаётся «одноглазым».

Очевидно, что главная угроза для России, не имеющей надёжной границы со Средней Азией и, значит, Афганистаном, исходит от тесно связанных между собой радикального исламского терроризма и наркотрафика, для которых существует практически беспрепятственный транзитный коридор с севера Афганистана в Таджикистан и Киргизию — и в Ферганскую долину, в узбекской части отделённую от этих угроз лишь минными полями узбекско-киргизской границы. Насколько ненадёжны эти поля в борьбе с терроризмом, а не местными крестьянами и домашним скотом, показали события в Андижане в мае 2005 года. Ни Таджикистан, ни Киргизия, ни их «многовекторные» западные друзья, ни (пока неполитическая) китайская экспансия в регион не могут гарантировать России, что этот террористический трафик так и застрянет в Ферганской долине и, нарастая, не докатится до России.

Эту угрозу столь же адекватно воспринимает и Китай, но защищает свои интересы в примыкающем к конфликтному региону своему Синьцзяну более консервативно: выстраивая жёсткую внешнюю границу, продвигая свои

рубежи непосредственно к источнику угрозы (разделив индийский Кашмир с Пакистаном) и одновременно реализуя проект сквозной железной дороги вдоль будущего театра военных действий — из Китая в Киргизию и Таджикистан.

Эти международные факторы оцениваются Россией вполне адекватно, хотя и со значительным опозданием. В мае 2005 года первые лица Киргизии (президент Курманбек Бакиев, спикер парламента Омурбек Текебаев, премьер-министр Феликс Кулов) неоднократно публично и официально заявляли представителям России, что выступают сторонниками сохранения российской военной базы в г. Ош. На тот момент база в Оше находилась в образцовом состоянии (образцовом настолько, что кое-кто даже хотел разместить на её месте китайский рынок) и ничто принципиально не мешало сохранить её хотя бы как Антитеррористический центр (численностью до 1000 человек). Но риторика киргизских властей не была доведена Россией до практических решений — и российская база в Оше пала жертвой межведомственных разногласий, когда ни одно из профильных ведомств в России не захотело брать на себя ответственность за её сохранение.

И теперь, летом 2009, администрация того же президента Бакиева отнюдь не горела всепоглощающим желанием непременно договориться с Россией о предоставлении ей права на даже символическое размещение своей базы (батальон личного состава базы свидетельствует лишь о чисто символическом военном присутствии, способном лишь на круговую оборону). При этом союзные киргизские пограничники при недавнем памятном столкновении с террористами на Юге Киргизии были просто истреблены



немногочисленными боевиками, и полагаться на свои силы здесь у Бишкека нет никаких оснований. Но Москва решила дать не только деньги, но и гарантии. И Бишкек не мог не воспользоваться этим.

Киргизия «уступила настойчивости» России, сохраняя в запасе вполне реальную возможность выхода из двустороннего соглашения. Рентабельность такого соглашения для России неочевидна: вымученное право разместить изолированный батальон своих солдат в обмен на 2 миллиарда долларов безвозвратных кредитов вряд ли можно считать деловым достижением.

Немаловажно и то, что киргизские власти не испытывают восторга от перспективы размещения даже батальона российских войск в Оше, поскольку территория базы там находится в черте города, и настаивает на «ссылке» его в Баткенскую область, где батальон будет находиться в фактической высокогорной изоляции. Важно также, что возможная российская база на Юге страны в любом случае не является даже символическим противовесом мощной базе ВВС США «Манас» в непосредственной близости от Бишкека.

Итак — почему Узбекистан против такого нерентабельного идеализма России и не против действующей, как конвейер, мощной базы ВВС США на Севере Киргизии? Почему его не пугает армада США, но пугает всего лишь перспектива символического военного присутствия России на Юге страны? Почему же не протестует Узбекистан и не видит никакой «милитаризации» ни в американской военной базе в Киргизии, ни в американской и натовской военно-транзитной инфраструктуре в самом Узбекистане, Туркмении и Таджикистане?

Дело в том, что названная весомая американская милитаризация всей Средней Азии нацелена на Афганистан и, как показал опыт американо-узбекских отношений в 2005–2009 гг., после событий в Андижане, несмотря на всю правозащитную риторику, не затрагивает внутриполитической практики Узбекистана, интегрируя в публичные, интенсивные связи с Западом исключительно государственные ведомства, а не подпольную оппозицию.

И дело в том, что осуждаемая Узбекистаном мифическая российская «милитаризация» восточной окраины Ферганской долины не случайно увязывается узбекскими властями с «национализмом». Пора перевести на русский политический язык страхи Узбекистана, не ограничиваясь недоговорённостями о том, что именно межгосударственные цели коллективных сил ОДКБ и пребывание даже символического контингента российских войск на Юге Киргизии *прямо угрожает национальным интересам Узбекистана.*

В трёх граничащих с Узбекистаном областях Юга и Запада Киргизии традиционно живёт значительное, постоянно растущее узбекское национальное меньшинство: в Джелалабадской — до 40% населения, Ошской — до 60%, Баткенской — до 10%. В ряде приграничных районов это «меньшинство» достигает 90%. Но узбеки в Киргизии (их в целом до 800 тысяч из 5 млн населения) практически не представлены в органах власти областного уровня, не имеют адекватных их весу языковых прав, в то время как, по данным ИА REGNUM, ещё в 2006 году за придание узбекскому языку в Киргизии статуса официального или языка межнационального общения выступали 11,4% узбеков, да и за предоставление ему статуса регионального языка — 21,5%.

Если учесть, что в соседних районах Узбекистана налицо абсолютное аграрное перенаселение, в ряде случаев измеряемое средней долей обрабатываемой земли в 0,2 сотки на человека, и что в целом по Узбекистану, по местным экспертным оценкам, численность избыточного населения составляет до 5 млн человек, то очевидно, что сопредельные и уже обжитые узбеками области Киргизии — и в первую очередь Ошская часть Ферганской долины — являются естественным направлением демографической экспансии. В современных условиях Средней Азии нет оснований надеяться, что это изменение этнического баланса в названных областях Киргизии будет проходить в цивилизованных рамках. Логичным следствием непредставленности узбеков в органах управления страной становятся факты того, что исламистское подполье в Киргизии всё более организуется по этническому принципу, ища убежище в узбекской сельской среде.

Растущая сегрегация в Киргизии между узбеками и киргизами уже имеет в недавнем прошлом яркий межнациональный конфликт — Ошские события 1990 года, когда сотни человек были убиты, пока не вмешалась армия тогда ещё СССР. Вот о каком «национализме», действующем в связке с «милитаризацией», говорят сейчас узбекские власти.

Понятно, что недалёк тот день, когда проблема статуса и полноты прав узбекского населения Киргизии станет центральной в двусторонних отношениях — и нет никаких шансов, что даже более демократичная по сравнению со своими соседями Киргизия сможет остановить свою эволюцию в сторону «титульного» национализма и предвосхитить будущий межнациональный конфликт. И если это так, то несомненно, что этот конфликт не сможет не стать межгосударственным. И в таком слу-

чае Узбекистану не нужны не только коллективные силы ОДКБ на территории Киргизии, которые будут умирять узбекское меньшинство (на деле — региональное большинство), но даже и малое количество русских солдат-наблюдателей в столице узбекского Юга — Оше.

Может быть, стремясь избежать такой конфликтной локализации в Оше, МИД России уже поспешно заявил, что место дислокации базы «пока не утверждено окончательно» и что «место дислокации — предмет дальнейших контактов с партнерами как в Киргизии, так и в рамках ОДКБ в целом. Есть несколько вариантов размещения базы». Это, конечно, совершенно неудовлетворительная переговорная позиция: рассуждая посуществу, именно в Ошской области действительно сошлись террористическая и межнациональная угрозы, и наивно полагать, что где-нибудь в другом месте российский батальон сможет эффективнее хотя бы обозначить своё присутствие.

Да и Киргизия теперь, когда Россия достигла своей тактической цели, не учитывая расположенного на её пути стратегического капкана, буквально «настаивает, чтобы российская база располагалась в Баткенской области, граничащей, как и Ошская, с Узбекистаном». Очень удобно: и Узбекистан против, и Россия в плену, и узбекские протесты против сегрегации вроде как «нейтрализованы», и наркотрафик из Афганистана в безопасности. Вот только от многократно усиленного повторения Ошской резни это уже не спасёт.

А России, как и прежде, придётся присутствовать при похоронах собственных «гарантий».

*Август 2009*

## **Война в Южной Осетии: в шаге от катастрофы**

*И*сторики современной России знают, сколь глубокое влияние на политическое и общественное сознание народа России оказала натовская война против Югославии весной 1999 года. В момент крайнего, последефолтного экономического ослабления и без того кризисной России ведомые США войска НАТО отчленили от Югославии Косово и сделали первый шаг к отчленению Черногории. Их «гуманитарная интервенция» узаконила этническую чистку сотен тысяч сербов, изгоняемых из Косово, и прямо убила тысячи сербов — бомбардировками страны и Белграда. В России, к тому времени уже потерявшей Чечню, не было никаких сомнений в том, кто именно может стать следующей целью «гуманитарной интервенции».

Общенациональная тревога за само дальнейшее существование России, в Косово получившая столь яркий образ внешней угрозы, справедливо оценивается историками как один из факторов национального «консенсуса безопасности», приведшего к власти Владимира Путина. Но если в 1999 году внутренняя и внешняя безопасность

России ещё не требовала мобилизации от общества, которое по умолчанию оставляло инициативу в исполнении его прямых обязательств самому государству, то в августе 2008 года, в дни скоротечной войны в Южной Осетии, всё изменилось.

В августе 2008 года российское общество самостоятельно вело свою — общественную, информационную и гуманитарную — отечественную войну, уже не оставляя инициативы своему государству. Напротив, общество безальтернативно требовало от государства прямого, немедленного вмешательства в трагедию Южной Осетии. Оно уже не оставляло государству выбора. Его легитимность уже прямо зависела от его способности соответствовать «консенсусу безопасности», нести бремя государственности, не удовлетворяясь столь удобными для отступления процедурами международного права. Общество ясно требовало права, а не его процедуры, требовало ценностей и поступков, а не риторики и дипломатии. Вся современная история России была ему жёстким уроком.

### *1. Дежа-вю*

6 августа 1996 года Вооруженные силы Ичкерии начали штурм Грозного, в ходе первой чеченской войны ценой большой крови взятого федеральными войсками. Уже 14–15 августа Россия капитулировала, а 30 августа в Хасавюрте фактически признала независимость Чечни. Три года спустя, 7 августа 1999 года, войска независимой Ичкерии Басаева и Хаттаба напали на российский Дагестан. 9 августа во главе правительства России стал Владимир Путин. Он вспоминал свой тогдашний разговор

с начальником Генерального штаба: «Для эффективного ответа террористам нужно было собрать группировку численностью не менее 65 тысяч человек. А во всех Сухопутных войсках, в боеготовных подразделениях — 55 тысяч, и те разбросаны по всей стране. Армия — 1 миллион 400 тысяч человек, а воевать некому». Последовала новая, столь же кровопролитная, вторая чеченская (по сути — гражданская) война. И на референдуме 2003 года Чечня де-юре вернулась в состав России.

В конце 2003 года в результате государственного переворота пришёл к власти, а в январе 2004 года стал президентом Грузии Михаил Саакашвили. Не секрет, что Россия заняла дружественный нейтралитет на пути Саакашвили к власти, и весной 2004 года, при участии секретаря Совета безопасности России Игоря Иванова, Саакашвили подчинил центральной власти автономную Аджарию. В июле 2004 года грузинские войска предприняли штурм Южной Осетии, оставшийся неудачным. И безнаказанным.

1 сентября 2004 года террористы, предприняв скоординированный марш со своих баз на территории Грузии, вошли в Северную Осетию и захватили школу в Беслане. Их жертвами стали сотни детей. Организаторы вновь остались безнаказанными.

День и ночь 7 августа, ночь и утро 8 августа 2008 года, когда Грузия начала против Южной Осетии операцию «Чистое поле» и войска Саакашвили принялись «устанавливать конституционный порядок», очищая территорию от людей, уничтожая Цхинвал, осетин и российских миротворцев, Россия, её друзья и враги пережили как момент истины. Не было никаких публичных гарантий,

что у российской власти хватит политической воли спасти Южную Осетию от уничтожения, себя — от нового уничтожения и новой геополитической катастрофы, результатом которой стало бы расчленение России. Государственные информационные ресурсы не обнадёживали, а кое-кто, для свой «дружественный нейтралитет», стал прямым орудием саакашвилиевской пропаганды.

Ведь Саакашвили никогда не скрывал своих намерений. Они были предельно ясны: пятидесятикратный рост прямых военных расходов Грузии, наращивание тяжёлых наступательных вооружений, ускоренная ротация грузинских «миротворцев» для изучения будущего поля боя, строительство огневых позиций вокруг Цхинвала, американо-грузинские военные учения «Immediate Response 2008», с 15 июля по 7 августа 2008 использованные для концентрации сил против Южной Осетии, — готовили блицкриг, который одной дипломатией остановить было невозможно. Но «зеркальные» учения российской армии «Кавказ-2008» закончились 2 августа, и войска покинули регион.

Блицкриг Саакашвили готовился гласно и для особо непонятливых сопровождался откровенными разъяснениями. 9–10 июля 2008, за пять дней до американо-грузинских учений, государственный секретарь США Кондолиза Райс посетила Тбилиси, вдохновив Саакашвили на военные действия и «гарантировав» невмешательство России. Экс-посол Грузии в России Эроси Кицмаришвили свидетельствует: ещё в апреле 2008 «власти Грузии получили «зеленый свет» от США на начало военной операции», а в июле уже «Кондолиза Райс дала «зеленый свет» военной акции» в Южной Осетии и Абхазии. Экс-министр обо-



роны Грузии Гия Каркашвили заключает, что, похоже, именно «Райс убеждала представителей грузинской власти в том, что Россия не посмеет вторгнуться в Грузию». В грузинском парламенте Саакашвили был поставлен вопрос: «Вы говорили о фундаментальных положениях, которыми руководствовались наши западные партнеры, когда не ожидали возможной интервенции... был оптимизм, что русские в последний момент не рискнут пойти на вмешательство». Саакашвили ответил: «Мы все до конца не верили, что Россия это сделает... В это не верили ни канцлер Меркель... не верило до конца и руководство США». Позже в интервью France Press Райс признала, что военная акция Саакашвили «не стала неожиданностью» для администрации Джорджа Буша.

12 июля 2008 на Украине, выступая в Ялте, Саакашвили был откровенен: «Россия активно вмешивается во внутренние дела Грузии, и это не должно оставаться безнаказанным... Я думаю, международное сообщество достаточно сильно должно реагировать на эти вещи, потому что они чреватые для всех». Отвечая на сомнения зрителей в том, что страны ГУАМ на практике поддержат Грузию, если в дело вступит Россия, Саакашвили сказал: «Не беспокойтесь, всё будет нормально». И был прав: помимо политического карт-бланша, он уже имел украинское тяжёлое вооружение, управляемое украинскими специалистами.

В ночь с 1 на 2 августа Грузия начала беспрецедентный обстрел из тяжёлых вооружений и предъявила Южной Осетии ультиматум о капитуляции, из республики начался исход населения. 8 августа, когда большая часть Цхинвала уже была разрушена и захвачена гру-

зинскими войсками, США возложили ответственность за войну на саму Южную Осетию и призвали Россию заставить осетин сдаться. События развивались по сценарию прямо поддержанной НАТО операции «Буря» 4–5 августа 1995 года, когда Хорватия военным путём уничтожила государственность Сербской Краины и изгнала 200 тысяч сербов.

Но 8 августа Россия взяла Южную Осетию под свою защиту. 13 августа, когда грузинские войска уже были разбиты и бежали, Саакашвили в эфире CNN заявил, что «Запад не сумел заранее проанализировать намерения России, они не сумели быстро отреагировать на то, что происходит сейчас... они тоже несут ответственность».

## *2. История*

26 августа 2008 года президент России Дмитрий Медведев подписал указ о признании Южной Осетии и Абхазии. Даже если Дмитрий Медведев ничего более не совершит, его место в истории России, и тем более — в истории осетинского и абхазского народов, обеспечено самым высоким качеством и отдельной страницей.

Но изменил ли Медведев евразийскую историю? Пожалуй, нет. Точно так же, как Путин в 1999 году, он в 2008-м лишь остановил то изменение евразийской истории, которое не подразумевает дальнейшего существования России. И скорбь ситуации в том, что Россия обречена раз за разом доказывать своё право на существование. Если это — «изменение» хода истории, то для нас это достаточный мотив его изменять.

Но разрушение евразийской сцены, заставляющее нас пересоздавать основания своей государственности на каждом витке, происходит не только из-за антироссийских сценариев. Саморазрушение Евразии, которое более ответственно пытается упредить бюрократическая логика Европейского Союза — и более безответственно стремится ускорить флибустьерская логика США, происходит и помимо России: на свежих могилах Австро-Венгерской, Османской, Британской империй и СССР.

Сделав лишь шаг назад от катастрофического расчленения России, мы видим, что американское кино про «умиротворённую» Россию лишь на короткой исторической дистанции, иллюзией близкого раздела общей прибыли может взаимно умиротворить окружающие её лимитрофы и локальные сверхдержавы. Стоит нам отойти от распада — в 1999-м, в 2008-м, в каком-то новом году, — как логика распада с новой силой окружает наших соседей. Им трудно жить без негативной консолидации, без неё повестка дня возвращается к историческим противоречиям Венгрии и Румынии, Румынии и Украины, Польши и Румынии, Литвы и Польши, Турции и Украины, Турции и Азербайджана, Азербайджана и Грузии, Ирана и Азербайджана, водно-энергетическому краху Средней Азии и т. п., не решаемым никакими прикомандированными европейскими чиновниками.

Тот факт, что профессиональные наблюдатели от ООН в Абхазии и ОБСЕ в Южной Осетии, за измену своему долгу лишившиеся синекур в Абхазии и Южной Осетии, теперь вытребывают себе синекур в Нагорном Карабахе, может свидетельствовать о бюрократическом эгоизме, но более всего говорит о рискованных перспективах для статус-кво Нагорного Карабаха.

В этом контексте августовская война в Южной Осетии, несомненно, историческое событие, ибо возвращает военно-политическую повестку дня Евразии из плена чёрно-белого кино про «борьбу грузинской демократии против русского империализма» в историческую реальность давно идущей (но не на телеэкранах, а в жизни) войны всех против всех. И потому выглядит безумием холодное упорство, с которым евроатлантическая бюрократия отвергает инициативу медведевской дипломатии о построении новой системы континентальной безопасности.

Если, как хочется думать, сама эта инициатива порождена не только прекраснодушными надеждами паркетной дипломатии, но и точным знанием защитников Цхинвала, то отвергающая эту инициативу спесь евроатлантистов, полагающих себя способными самостоятельно умиротворить Кавказ, Афганистан и Среднюю Азию, не более чем убийственное для нас и самоубийственное для них кино. А не реальная история.

### *3. Сценарии*

Таковыми предисловиями хочется заранее обставить любой разговор о сценариях, векторах силы, пределах возможного. Война всех против всех поглощает Евразию, но говорить об этом, кажется, не с кем. Кто-то полагает, что Саакашвили всего лишь неудачник и что «Сербская Краина» может быть повторена, кто-то ищет гарантий в династической дипломатии, кто-то считает свою «многовекторность» прямой дорогой в бессмертие — и себя

прошедшим эту дорогу... Потому и сценарии хочется перевести на язык практики, а не надежд. Вот они.

*Что изменилось в мире после августовской войны на Кавказе? Кто выиграл, кто проиграл?*

В мире ничего не изменилось: он по-прежнему на краю войн. Проиграли Грузия, Молдавия, Украина и Азербайджан, очень много поставившие на «эксперимент Саакашвили». Среди выигравших только двое: Абхазия и Южная Осетия. Россия — всего лишь не проиграла. Не проиграли и Соединённые Штаты, стратегическая инициатива по-прежнему в их руках, а Россия стратегическую инициативу, похоже, убрала в арсенал уже 27 августа 2008 года.

*Какое влияние оказали итоги августовской войны на формирование многополярного мира?*

О реальной многополярности мира начали говорить почти сразу после гибели СССР и обнаружения «однополярного» мира во главе с США. Чтобы признать всю глупость «однополярного» солипсизма, неспособного увидеть такие «географические новости», как Латинская Америка и Китай, потребовался Бен Ладен. Теперь изменилась лишь риторика: «однополярные» США с холодной хозяйской вежливостью приглашают к своему столу исламские страны и Россию. Но есть будут сами.

*Многие политики и эксперты в странах Азии, Африки, Южной Америки говорят о том, что итоги войны на Кавказе стали для них воодушевляющими, они*

*стали символом конца однополярного мира, в котором Америка была бесспорным гегемоном.*

Им нужен новый далёкий и большой лев, чтобы забыть о собственной неспособности ужиться с соседями. Но и это целиком относится к области символического, лишь отчасти управляющего жизнью.

*Если не говорить об уровне государств, насколько в разных странах, особенно в странах Азии и Африки, а также в среде евроскептиков, сильны настроения, не одобряющие позицию ЕС и США как по косовскому, так и по югоосетинскому вопросу?*

«Косово» и «Южная Осетия» для всего остального мира наступили очень давно и назывались они: Бангладеш, Эритрея, Восточный Тимор, Северный Кипр и так далее. И сейчас для остального мира важно понять: как быстро фрагментируется мировая правовая система и как быстро её «двойные стандарты» станут локальными, принадлежащими той самой многополярности, которая пока ещё стесняется сказать, что она не претендует на глобальные правила. Что ей удобней жить в «новом девятнадцатом веке» с его государственными национализмом, протекционизмом и «Чингисханом с телеграфом», то есть ядерной бомбой.

*Есть эксперты, которые полагают, что война привела к серьезному перераспределению зон влияния и геополитических весов стран Кавказа и Ближнего Востока. Например, в качестве усилившейся страны иногда называют Армению. Насколько справедлива эта точка зрения?*

Пространство для манёвра на Ближнем Востоке действительно увеличилось, но причиной тому — не война 2008 года, а региональное ослабление Израиля, внутривосточная эволюция Турции и уход США из Ирака. Всё это, несомненно, существенно влияет на «южное предполье» Кавказа, но как раз помещает его в менее устойчивый, ещё более конфликтный контекст, когда порождаются самые неожиданные коалиции (вроде «коалиции» Азербайджана и Израиля против турецких исламистов) и возникают новые точки взрыва.

Война 2008 года не усилила, а резко ослабила позиции Армении — потому что в главном для неё вопросе Нагорного Карабаха произошло неформальное распределение посредников: Россия сблизилась с Азербайджаном, Армения — с США. При этом нет никаких оснований надеяться, что Москва способна «умиротворить» Баку, а Вашингтон — издали защитить Ереван.

*Есть устойчивая точка зрения, что существующие системы коллективной и региональной безопасности показали свою полную несостоятельность, равно как и клиентские отношения страны с Соединёнными Штатами. Ещё недавно последнее казалось многим странам, особенно на постсоветском пространстве, надёжной защитой и «крышей», под которой можно было проводить, по сути, практически любую внутреннюю политику.*

Словно в опровержение этого обоснованного мнения, ЕС, НАТО и США резко активизировали и институционализировали своё военно-политическое

присутствие на постсоветском пространстве. Новости о всё новых политических, инфраструктурных и прочих сделках «демократического Запада» с «авторитарным Востоком» появляются почти каждый день. Но это не может, не должно никого обманывать: эти сделки ничего не гарантируют Востоку, они лишь показывают адекватно ничтожную цену западной риторике о «ценностях» и т. п. Их главная «ценность» — социальная вивисекция или война, но война как можно дальше от дома. И этот сценарий, несомненно, ждёт Восточную Европу, Кавказ и Среднюю Азию.

Беда в том, что Россия, спасшись от катастрофы в августе 2008 года, сейчас пассивно, неумолимо втягивается в катастрофу гораздо большего масштаба, когда цепная реакция конфликтов охватит наши западные и южные границы, а мы (все мы в России) будем благодарить и кланяться, платить и умываться. Платить и умываться...

*Ряд наблюдателей считает, что в результате этой войны белорусское руководство решило искать более тесных отношений с Европой, а казахстанское — с Китаем.*

Прямая связь войны 2008 года и этих возможных реакций не видна. Но если наблюдатели действительно правы и если эти «поиски» — сознательный выбор, а не обычная «многовекторность» Белоруссии и Казахстана, то нас ожидают два короткометражных документальных фильма: «Самоубийство правящей элиты-1» и «Самоубийство правящей элиты-2». Разумеется, ничего хорошего для России в таких сценариях нет, но у России практически нет инструментов



повлиять на эту ситуацию, если даже косвенная связь, косвенная надежда России на понимание её борьбы в августе 2008 года — в публичном пространстве были использованы Белоруссией и Казахстаном для повышения собственных ставок в текущей короткой игре...

\* \* \*

В заключение хочу повторить, что было написано ещё в сентябре 2008 года: «Война в Южной Осетии резко ускорила историческое время, переживаемое Россией... Время изменило свой ход потому, что исторический опыт России слишком обилен классическими примерами переменчивости судьбы, когда завоёванное русским оружием — в пыль уничтожалось русской дипломатией, в бессмыслицу забалтывалось русской бюрократией, в литературный анекдот превращалось русскими «пикейными жилетами». Победа в пятидневной войне, одержанная Россией в самый острый момент общенациональной опасности, за которой внятно для всех вырисовывалась близкая катастрофа, была спасением, но не окончанием драмы. Драмы впереди».

*Август 2009*

## **Информационную войну в августе 2008 года вело общество, а не государство**

*В преддверии годовщины войны в Южной Осетии накаляется информационное соперничество между грузинской и российской стороной, каждая из которых отстаивает свою точку зрения на события августа 2008 года. Что надо сделать, чтобы не повторить ошибки, как донести собственное видение событий?*

Я не считаю, что мы проиграли информационную войну. Мы в августе 2008 года находились, с информационной точки зрения, в положении, которое можно сравнить с 41-м годом. Весь мир был против нас, и он стоял против нас не потому, что он внимательно анализировал информацию. Если бы он анализировал, он видел бы публичную подготовку Грузии к войне. Весь мир был настроен против нас, потому что он обслуживал собственные удобные мифы, а мифы быстро не лечатся и никакими информационными усилиями не меняются.

Мы проиграли не информационную войну, мы оказались в принципе неспособны к системной информационной работе. Потому что в первые, самые тяжелые дни

войны информационную войну Россия как государство не вела. А наши национальные интересы защищала в широком смысле слова российская общественность, которая, не получая ни указаний, ни поддержки, действовала сама, исходя из своего взгляда на события. Информационную войну в августе 2008 года вело общество, а не государство. И государство довольно поздно включилось в этот процесс. И то, что общество оказалось способным вести эту войну и внутри нашей страны выиграло ее, это факт. Это редкий, уникальный факт для нашей страны, когда общество без команды, по собственному произволу, на собственные деньги заняло определенную, однозначную патриотическую позицию. Все, что делало наше государство после этого, год спустя мы можем проверить: где эти пикеты, где эти раздаточные материалы, где другие информационные усилия? Они ушли, как вода в песок. И на поверхности осталось только железобетонное убеждение общества в своей правоте.

Что нам надо сделать, чтобы не повторить эти ошибки? Я, как пономарь, говорю всегда об одном и том же: для того, чтобы Россия делала меньше ошибок в области внешней политики, внешняя политика России должна стать такой же публичной, широко обсуждаемой, конкурентной, экспертной сферой, какой является наша внутриполитическая жизнь. Именно этот механизм будет вырабатывать и консенсус, и систему устойчивости, и подсказывать нашему государству, что оно может делать лучше и оперативнее.

*Глава СКП Александр Бастрыкин в интервью «Российской газете» рассказал о том, что следственный комитет при прокуратуре РФ завершает уголовное дело*

*о геноциде и массовых убийствах мирных жителей и миротворцев в Южной Осетии. Каковы, на Ваш взгляд, перспективы рассмотрения этого дела в Международном уголовном суде?*

Во-первых, насколько я знаю, не все страны мира, среди которых, в том числе, прямые соучастники и организаторы агрессии 2008 года, признают компетенцию Международного уголовного суда. Следовательно, решение этого дела в Международном уголовном суде будет частичным, даже если оно будет, и не будет распространяться на все сферы, на которые традиционно распространяется действие международного права. Кроме того, сама процедура рассмотрения в Международном уголовном суде делает хронометраж этого дела чрезвычайно длительным, что выводит это дело из повестки общественной, информационной, моральной борьбы в повестку процедурных вопросов.

В сентябре 2008 года по горячим следам войны обсуждалась и предлагалась нашими юристами гораздо более понятная и внятная перспектива — осудить, исходя из действующего законодательства, военных преступников Грузии здесь, на территории России, провести это по всем судебным инстанциям. А потом реализовывать эти приговоры, используя двусторонние и многосторонние соглашения между Россией и другими странами, объявлять в розыск, ограничивать мобильность по Земле и так далее. Это идея не была принята. Но она отвечала настроениям общества.

Теперь о том, насколько общественное мнение широко задействовано в уголовном деле о геноциде и массовых

убийствах. Как уже много раз объявлялось, еще до действий Следственного комитета и параллельно с действиями Следственного комитета информационное агентство REGNUM вело собственный подсчет убитых мирных жителей в дни войны. По нашим данным, число убитых превышает 400 человек. Кто-нибудь сказал нам — обществу, правильно это или неправильно, проверили эти данные или не проверили? Нет, тишина. Я понимаю, что для дела о геноциде число людей не важно, количество здесь роли не играет. Но почему-то никто не сказал: ваш подсчет, уважаемая российская общественность, здесь хромает, мы сейчас проверим. Они живут в собственном безвоздушном пространстве. И это тоже отражает общую установку в нашей внешнеполитической деятельности. Есть ведомственная дипломатия, и есть общество, ведущее собственную патриотическую оборонительную войну. Вот до тех пор, пока они не сойдутся воедино или не переплетутся, никаких перспектив реального осуждения преступников августа 2008 года нет.

*Дмитрий Медведев говорил о том, что эта дата войдет так же, как и 11 сентября, в историю. Что изменилось в мире после событий на Кавказе? Какое влияние итоги войны оказали на формирование многополярного мира?*

Многополярный мир давно является фактом, и он стал фактом после того, как развалился Советский Союз. Если мы смотрим на мир не с точки зрения вашингтонского обкома, а с точки зрения реальности, то многополярность этому миру обеспечивает и Китай своим существованием, и Индия, и теперь Латинская Америка, и так далее. 11 сентября показало, что супердержава

уязвима в самом сердце. 8 августа 2008 года показало, что Россия больше не будет безропотно отступать, и это тоже очень важно.

Трудно сказать, усилила ли Россия свои позиции или нет, но это — как битва под Москвой. Мы не выиграли войну, но мы перестали отступать хотя бы до Москвы.

*Август 2009*

## **Послание Медведева: Ющенко — враг, а Украина — пока нет**

*П*убличное послание президента России Дмитрия Медведева президенту Украины Виктору Ющенко взорвало повестку двусторонних отношений. И это понятно: если для России дружественная Украина — принципиальное условие национальной безопасности, то для «политикума» Украины — производимые ею угрозы безопасности России — единственный политический товар, находящий стабильный внешнеполитический спрос. Официозы с обеих сторон в истолковании послания Медведева на редкость неубедительны: из Киева доносятся звуки невинно обиженной жертвы, из Москвы — советское косноязычие о том, что «плохие гитлеры уходят, а народы остаются». И всё — не о том.

В угрожающем безопасности России агрессивном национализме «хороших» гитлеров нет. И искать общий язык с ними, а не с интересами государства — бессмысленно. Такой поиск, при всей его бессмысленности, слишком привычен для нашей дипломатии. Как сказал старый русский писатель Григорович, «иностранные дипломаты заботятся о том, чтобы понравиться в отечестве, наши —

чтобы понравиться за границей». Теперь, надеюсь, у дипломатии будет другой пример.

Новость не в том, что деятельность поклонника гитлеровских коллаборационистов во главе Украины прямо названа враждебной. Это — очевидно давно. Новость в том, что президент России — на примере Ющенко — впервые прямо, в категорической форме излагает национальные интересы России в отношении Украины.

И никакое неумное мяукание официозов, никакая запоздалость в произнесении этих интересов, никакая досада оттого, что они не были произнесены год назад, когда Россия безвольно, без условий продлила беспринципный Большой договор с «хорошим Гитлером» на Украине, не может уменьшить значение этого акта.

Медведев, может быть, впервые после войны в защиту Южной Осетии, выступил в сфере новой, публичной внешней политики, не прячущей национальные интересы России в пустословии о «партнёрах». Общество давно ждёт этой правды.

Да и Ющенко грех отрицать точность медведевского диагноза. Просто то, что Медведев вежливо ставит ему в вину, на деле является предметом истинной гордости Ющенко, инструментами его сознательной, систематической и последовательной политики, глубоким идейным убеждением. Давно ясно: враг не «заблуждается» в отношении России, он «всего лишь» сознательный враг.



В своём послании от 11 августа Медведев напоминает Ющенко о том, что составляет сегодня суть политики Украины в отношении России и что бессмысленно отрицать:

- 1) участие Украины в милитаризации и войне Грузии против Южной Осетии,
- 2) интеграция Украины в НАТО и изгнание Черноморского флота России из Крыма,
- 3) энерготранзитный диктат в отношении России,
- 4) реабилитация пособников Гитлера,
- 5) государственная националистическая и шовинистическая пропаганда,
- 6) изгнание русского языка из всех сфер общественной жизни,
- 7) государственный диктат в отношении православия с целью уничтожения его вселенского характера и создания националистической «единой поместной церкви».

Ющенко остаётся лишь согласиться: *да, я вижу Украину как государство, построенное на основе тотального украинского национализма, имеющее своей задачей контроль над безопасностью России и реализующее свой проект под военные гарантии НАТО и в глобальных интересах США*. И именно поэтому Россия устами Медведева, наконец, отказывается быть пассивным участником этой чужой игры: президента Ющенко — как символа и генератора этой политики — для России больше не существует. И самой этой политики, отрицающей принципиальные основы безопасности России, также не существует как политики дружественной Украины.

И сегодня перед украинскими вождями, стремящимися отметиться вокруг дипломатической казни Ющенко —

кто наигранной обидой за «оскорбление украинства», кто оппозиционным твяканьем в пользу Москвы, кто обнародованием своих антимосковских военных планов, — стоит нешуточный выбор. Тимошенко права: правительство Януковича нисколько не отступало от враждебной России практической программы интеграции в НАТО и национализма. Янукович прав: игра Тимошенко с Москвой цинична и фальшива. Ющенко прав: Тимошенко и Янукович обманывают Москву. Яценюк прав: все они вместе взятые неэффективны как партнёры России. И все они правы: нет гарантий, что Ющенко удержится от вооружённого конфликта в Крыму ради сохранения своей, хотя бы и чрезвычайной власти... Но весь этот бальнеологический украинский политический спорт — не главное для России.

Для России главным является принципиальный выбор властей будущей Украины: агрессивный национализм, саакашвили, бандеровщина и, как минимум, «холодная война» с Россией — или определённый отказ от «игры в гитлера» и мир с Россией. И только это принципиальное самоопределение имеет значение для России. Остальное — художественная литература.

От плена художественной литературы о том, что Украина спит и видит воссоединение с Россией, что пророссийскость её должна быть авансирована допуском украинских олигархов к российским ресурсам, что украинские активы надо срочно скупить через уполномоченных мошенников, от дипломатической трусости и беспринципности пора избавиться и самой властной России.

Один из крупнейших на Западе современных историков России, родственно связанный с русским XIX веком,

Доминик Ливен предупреждает: «Горбачев и советская элита пали жертвой собственного высокомерного отношения к русской истории... Если бы советское руководство лучше понимало наследственный характер проблем имперского правления в России, элита 1980-х годов могла бы предугадать многие из тех опасностей, с которыми ей пришлось столкнуться в годы перестройки». Ливен напоминает, что Горбачёв высокомерно проигнорировал главное — историческую угрозу на западных границах, многонациональность и традиции власти страны.

Теперь империя ушла, но угрозы против России не исчезли, регенерируются, идут дальше, по развалинам империи — всё глубже и ближе к России. Надо отдать должное Западу: крах ялтинско-хельсинкской системы послевоенной безопасности обнажил Россию в самом уязвимом месте. Его главным итогом стало восстановление исторических угроз России на западных (Украина) и кавказских (Грузия) границах, а теперь — и создание новой угрозы, на южной азиатской границе.

В системе угроз идейная и практическая воля Ющенко отвела Украине центральное, расстрельное место. Россия вызов поняла и приняла. Медведев сказал об этом публично. Украине осталось определиться.

*Август 2009*

## **России и Армении нужен независимый Курдистан**

Приведение межгосударственных отношений Армении и Турции к минимальному цивилизованному уровню неизбежно. И уже не зависит ни от судьбы Нагорного Карабаха, ни от признания или непризнания официальной Турцией факта геноцида армян в Османской империи.

Обретение независимости иракским Курдистаном также неизбежно — независимо от того, сколь далеко идущие планы связывают с этой независимостью США для наполнения газопровода NABUCCO или для «курдского сдерживания» Турции, Ирана, Сирии и вообще арабского мира. И сколь велико будет их внешнее сопротивление.

Блокада турецко-армянской границы будет снята, армянский транзит получит прямой выход на Балканы и в Средиземное море.

Независимый Курдистан — богатый ресурсами, но с небольшим демографическим потенциалом (в рамках

нынешнего Ирака — от 4 до 7 млн человек), станет новым «непотопляемым авианосцем» США. За границами нового государства останутся около 30 миллионов курдов — в Турции, Иране, Сирии и Закавказье.

Значит ли это, что экономические последствия взаимного открытия границ и рынков между Турцией и Арменией просчитаны и признаны бесконфликтными? Что в адрес лоббистов этого открытия в Вашингтоне завтра можно будет выставить счёт на гарантийное обслуживание последствий?

Значит ли, что, созданный политической волей США, Курдистан сведёт государственную волю своего народа к обслуживанию их интересов?

Напротив: последствия деблокирования границы в Армении просчитаны плохо, а Курдистан станет самостоятельным игроком — на Большом Ближнем Востоке и на Большом Кавказе.

Теперь, когда Россия далеко, а в этой части континента на наших глазах происходит регенерация пространств Османской и Персидской империй, вступающие в межгосударственный диалог с Турцией Армения и Курдистан — исторически беспрецедентные новости. К таким новостям империи традиционно более готовы, чем национальные государства.

Турция ведёт дело к созданию на территории страны курдской автономии, которая будет территориально непосредственно примыкать к независимому Курдистану. Перед Стамбулом стоит понятная геополитическая задача:

управлять неизбежным — сдержать будущий ирредентизм — соединение курдских этнографических земель вокруг их нового государственного ядра. Несомненно, что в качестве одного из таковых факторов сдерживания Стамбул может рассматривать символическую деловую экспансию Армении на западные (курдские) территории страны, прямо эксплуатируя историческую «вражду» между армянами и курдами, ставшими в Западной Армении соучастниками геноцида.

Но в Турции и Курдистане есть гораздо более масштабная надежда на то, что разрыва с автономизирующимися курдами удастся избежать путём решительной и равноправной интеграции независимого Курдистана в конфедерацию с Турцией, которая сохранит субъектность курдской автономии, государственность Курдистана — и своё неоспоримое политическое, военное и экономическое лидерство в регионе, «достроенное» в постимперских пределах.

Очевидно, что такая конфедерация не только увеличит историческую изоляцию Армении — даже при открытых границах во все стороны света, но и резко нарушит равновесие между Турцией и Ираном. Очевидно также, что главными жертвами того, как Иран будет восстанавливать равновесие с османской конфедерацией, гарантируя себя от курдской опасности и расширяя себе оперативный простор, станут Армения, Азербайджан и Туркмения. Армения будет обречена превратиться в столь неприятный для её общественного сознания «форпост» — теперь уже Ирана. Азербайджану придётся смириться с утратой Нагорного Карабаха, входящего в зону иранских интересов. Туркмении суждено будет подчи-

нить свою «нейтральную многовекторность» ближайшему Ирану и дальнему Китаю.

В таких условиях открытая граница Армении с Турцией создаст избыточный материал для художественной и политической литературы о противоборстве на её территории турецкой агентуры с иранской. Тыл Нагорного Карабаха будет обнажён и, страшно сказать, во всё большей степени гарантирован Тегераном.

И самое главное: в десятки раз превосходящие армянские экономику и потребительский рынок — турецкие экономика и рынок при открытой границе просто и быстро подавят, монополизируют потребительскую инфраструктуру Армении, уничтожив местный мелкий и средний бизнес, подчинив или замкнув в административных заповедниках бизнес крупный.

Как много раз говорилось, изменения конца XX – начала XXI века на политической карте региона обнажают старые, имперские конфликты и мозаики, вновь прокладывают естественные границы не глобального, а континентального имперского влияния, сложившегося в течение столетий войн, переселений и ассимиляций. Вновь проступают комплексы XIX века: национализм, протекционизм, милитаризм. Но одного только признания этой новой реальности явно недостаточно.

Главное отличие современности от этого нового издания архаики — новые национальные государства, в том числе — на новом Большом Кавказе. И чтобы попросту не исчезнуть из географии, им следует не только идти в фарватере внешних, глобальных «урегулирований»,

но и строить свою национальную судьбу, исходя из балансов и противовесов внутри региона.

Россия, в 2000-е годы боровшаяся против враждебного «санитарного кордона» вокруг её границ, который выстраивали глобальные игроки, нашла выход в перемещении «линии фронта» подальше от национальной территории, в фрагментации «кордона», диверсификации региональных систем безопасности, разрушении агрессивных коалиций, пытавшихся действовать непосредственно у её границ. Интересы континентальной безопасности требуют от России новых эшелонов стабильности: вслед за Белоруссией и Молдавией она теперь должна сфокусироваться на Польше и Румынии, вслед за Абхазией и Южной Осетией — на Турции и Курдистане. Исторические связи России с курдскими национальными элитами — правящей и оппозиционной — сейчас гораздо важнее советских мемуаров об особых отношениях Брежнева с арабскими «интернационалистами». Ложная «геополитическая ответственность» за наследников Саддама Хусейна не должна останавливать Россию в осознании справедливости борьбы курдов за своё государство.

Установление особых политических связей с Курдистаном, готовность к немедленному признанию его независимости после её провозглашения — обязанность России. Обязанность — и в контексте её отношений с Турцией, Сирией и Ираном: именно для качества этих отношений Москве важно иметь собственный, независимый диалог с курдистанскими властями и обществом, чтобы понимать возможности Турции и Ирана.



Независимая государственность курдов, также в своё время переживших от турецких властей акты геноцида (и их подчинённая роль в несомненном преступлении 1915 года), позволяют и Армении отнестись к задаче исторического примирения с курдами-мусульманами не только с общественно-научных позиций, но и с точки зрения государственных интересов.

Новый диалог Армении с Турцией делает армянство непременно участником будущих процессов в Турции, включая турецкую «демократическую инициативу» по обеспечению автономных прав курдов. Но сегодня это участие ещё вариативно: оно может либо свестись к малоприятному превращению армян в «фактор сдерживания» турецких курдов, либо, напротив, придать им дополнительные возможности в случае «исторического примирения».

Прямой диалог Армении с Курдистаном крайне необходим ей и для того, чтобы не превратиться в объект реализации Ираном его законных опасений курдского ирредентизма. Как известно, опасения государств тем сильнее, чем меньше их элиты имеют подлинной информации о намерениях соседей. Сопоставимый государственный масштаб Армении и будущего независимого Курдистана делает их естественными партнёрами на пространстве (не «шахматной доске»!) Большого Кавказа — и может сделать взаимными переводчиками.

Ещё важнее их коренная геоэкономическая близость: они в равной степени лишены свободного выхода к морю и потому обречены строить динамические коалиции, сердцем которых является обеспечение свободы транзита

и поэтому — особая ценность не только внешнеполитических гарантий, но и внутренних фундаментов военной безопасности.

Новый, независимый Курдистан слишком близок к интересам и проблемам Большого Кавказа, слишком неожиданно глубоко затрагивает интересы региональных сверхдержав и слишком близко повторяет столь знакомую для региона борьбу за государственное самоопределение (и кстати, тоже испытал этнические чистки и принудительную перемену этнодемографического ландшафта), чтобы его судьбу можно было безнаказанно проигнорировать. Тот, кто не хочет стать здесь пассивной фигурой в чужой игре на некогда родной «шахматной доске», будет строить свою стратегию, исходя из перспектив Курдистана.

*Сентябрь 2009*

**Ближнее зарубежье:  
1999 – 2008**



## **Тотальное Просвещение для Косово и всех нас**

Критичные, моралистичные, левые и гуманитарные, европейские интеллектуалы почти едины в поддержке тотальных бомбежек Югославии. Европа почти едина душой с США, и чем дальше, тем единой и единой. И, похоже, никто не удивлен такой западной соборностью, еще вчера тратившей немислимые мозговые усилия на обнаружение своих национальных особенностей, не стираемых никаким цельнобетонным Западом. Единого Запада, германофильско-славянофильской страшилки, никогда не было — но теперь он хочет стать таким. Пока основой западного единства служила абсолютная шкала Просвещения, легко было различать внутри него национальные стадии и нюансы. Но теперь, когда идеология «гуманитарной миссии» в Косово соединила Просвещение и реальность Запада как почти идентичность, нюансы и стадии стали несущественны. Существенней стал не просто внешнеполитический, но подчеркнуто ценностный консенсус. Консенсус миротворчества, составленный из десятка консенсусов «борьбы за мир», равен желанию для себя, просвещенного, жизни и справедливости. И почти весь

мир хочет войны и почти солидарен в ее оправдании, в желании для не-себя, непросвещенных, смерти и несправедливости.

Консенсус равных прав и суверенитета, *личная* ответственность и личная *свобода*, на которых выстроилось Просвещение, чтобы следом, над ним, строился свободный мир, сливаются в хор, славящий *коллективную* ответственность и коллективную *несвободу* от уничтожения во имя ценностей, прав и суверенитета.

Консенсус свободы от общего мнения, власти и пропаганды преобразился и ставит перед иными, другими, внешними «моралистический» выбор: смерть от тотальных бомбежек или полное подчинение ценностям, преподанным общим мнением, властью и пропагандой. Однако подчинение ценностям отнюдь не дает подчинившимся свободу, права и суверенитет, а отдает их во власть оккупантов, во власть их, оккупационных, свобод, прав и доктрины «ограниченного суверенитета».

Тотальная и вполне «гуманитарная», почти виртуальная, наименее связанная с человеческими жертвами для нападающих война как никогда близка к полной победе. И в этом долгожданном для Запада триумфе празднуют абсолютную победу воспитанные Просвещением консенсусы мира, суверенитета и свободы. И из-под радостно поднимаемого их подола все откровенней и лапидарней обнажается подкладка: война, «ограниченный суверенитет» и несвобода.

Утвердив для себя, внутри себя, свои ценности, консенсуальный Запад сегодня побеждает некорректный, не

включаемый в сферу консенсуса не-Запад и отныне волен экстерриториально нести ему не просто свое Просвещение, а себя как триумф Просвещения. Просвещения *для себя* и *просветительского расизма* для иных. Так немецкие пацифисты-карикатуристы изображают «неловкое» НАТО как воина, *слишком* сильно замахнувшегося дубиной на серба, готового отрезать голову косовской жертве, — замахнувшегося так сильно назад, за спину, что *невольно* поразил благословляющего его западного ангела мира. Не жертве сочувствует Просвещение, а себе и своему консенсусу, неловко задетому неловким «почти».

Полная победа Запада в Косово — это полная победа Просвещения-*для-Запада*, это полный конец его для всего остального мира, обреченного выбирать между войной и безвольным подчинением ценностным ноу-хау (в компактной и легко транспортируемой упаковке, в комплекте с военным инженером, военным политиком и военным интеллектуалом).

Что там бормотал старый дурак просветитель Вольтер? Посмотрите на военных интеллектуалов, рулящих виртуальной войной: все на одно лицо социалиста и интеллектуала Муссолини. Они давно хотели бесплатной идеологии войны, давно нуждались в войне идей без потерь. Они давно мечтали о *войне ценностей* без войны трупов теперь они могут успокоиться: рыцари ценностей потерь почти не несут, а все трупы — на той, неценностной стороне, для них почти и не трупы — «чужие издержки». Они могут успокоиться и достичь, наконец, внутри своих обществ, изнасилованных проблемами меньшинств, душевного мира: наконец, враг — есть, и враг этот вовне.

И в этом внешнем мире больше нет меньшинств, диктующих свои права, есть только тотальное Просвещение и подсудные ему отщепенцы.

*Март 1999*



## **«Вечный мир» и вечные угрозы ему**

- Ты знаешь, кто такие «партизаны»?
- Да, это те, кто воевали против нас...

### ***Мир в Европе любой ценой***

Массовый пацифизм и неистовый поиск *компромисса* с теми, кто угрожает миру, — роскошь и болезнь исключительно послевоенного североамериканско-европейского мира, еще вчера стоявшего на грани вечности, за которой, казалось, бесконечное самосовершенствование либерализма и «конец истории». Миротлюбивая риторика здесь всегда больше зависела от массовой психологии, чем от любых деклараций и философских построений.

С конца 1940-х до начала 1990-х средний европейский обыватель видел военное насилие лишь *издалека*: во Вьетнаме, Алжире, Корее (исключениями были только не вполне масштабные с военной точки зрения акты подавления оппозиции в странах «народной демократии» в 1950–60-х). В позднеколониальном мире наилучшим способом излечения от проблем казалась деколонизация. Эвакуировавшись из Алжира, два миллиона алжирских

французов сразу попали в разряд пораженных в культурных правах провинциалов. Убежав от вьетнамских коммунистов, граждане «сайгоновского режима» населили изолированные кварталы на восточном побережье США, на периферии внимания. Даже американские ветераны, демобилизовавшись с вьетнамской войны, вынуждены были создать целую художественную традицию, чтобы рассказать массовому обывателю, что они есть, что их опыт переживания фронтового и партизанского насилия важен.

Миролюбивый обыватель и его политический класс воспитывались на риторике *невмешательства*, парадоксальным образом впитавшей в себя и консервативный самоизоляциизм, и левый интернационализм 1968-го года. Обыватель не хотел видеть и не видел угроз, не сводимых к апокалиптическим сценариям «третьей мировой», столь же ужасным, сколь и далеким от ежедневного сознания. Никто не верил в реальность угроз *здесь и сейчас*, себе лично, своему дому, своим детям. Показанная в телевизионном онлайн-режиме, дистанционная, почти игровая Война в Заливе только укрепила массовое представление о том, что с угрозой можно разобратся издалека, ценой любого, «пропорционального» или «непропорционального» применения силы на чужой территории; любого сговора за столом переговоров, «пропорционального» или «непропорционального» влиянию противника. Грубая, террористическая, финансируемая мафиозным наркотрафиком, борьба косовских албанцев за отделение от Сербии-Югославии была признана Европой легитимной и хирургически навязана Сербии. Главное — чтобы тень угрозы, распространявшейся по Европе вместе с «беженцами», не нарушала «вечного мира». Косово добилося независимости. Этнические чистки против сер-

бов близки к концу. Однако 35 тысяч албанских беженцев в Сербии и 130 тысяч в Германии возвращаться в Косово не хотят. «Вечный мир» терпеливо продолжает не видеть угрозы.

Даже совершенно незначительная, вялотекущая террористическая деятельность ольстерских, корсиканских или баскских сепаратистов, которую любой «старый режим» просто игнорировал бы, относя к уголовной статистике, вызвала миролюбивые усилия целых государств, уступки, политическую легализацию *террористов* в качестве *легитимной* стороны переговоров. Стоит ли напоминать, что ни один из таких компромиссов не привел к умиротворению ирландцев, корсиканцев и басков. Они малой кровью добивались все большего, и недалек день, когда добьются независимости. «Вечный мир» готов оставить в прошлом ценность централизованных и даже федерализованных национальных государств. Он готов создать новые государства и отдать их в руки европейской наднациональной и самозаконной бюрократии, поместив в рамки «компромиссного» Европейского Союза. В проклятом послевоенном прошлом осталась нерушимость границ, в непредсказуемом будущем — независимые новые члены ЕС: респектабельная Шотландия, депрессивное Косово, сезонная Корсика, этнически озабоченная Баскония, промышленные гиганты Каталония и Ломбардия... Пусть будет больше новых государств, хороших и разных, лишь бы грубая материя национального освобождения канализировалась в их свободолюбивый пафос. Пусть против плохого Саддама возникнет хороший Курдистан, а против негибкой Индии — гибкий Кашмир. Лишь бы в дом обывателя не входила война.

### *Нашествие кланов*

Телевизионное переживание перемен закончилось. «Цивилизованные» верхушки новых айсбергов, «политические крылья», использующие терроризм своих подпольных единомышленников для публичного торга и государственного шантажа, как Арафат — Хезболлу, Масхадов — Басаева, — всего лишь телевизионные псевдонимы тех подспудных масс, которые пришли в движение и набирают слепую и разрушительную скорость. Именно в интенсивном политическом торге, в активности международной бюрократии, становящейся все более детальной и изобретательной, созревают угрозы, перед которыми бессильны государственный аппарат и право. Легитимизация сепаратизма, отказ от нерушимости границ, «прагматическое» *существование с терроризмом* — это новая эпоха передела, новая мировая война, лишь по случайности остававшаяся на периферии массового сознания и политического масскульта.

11 сентября 2001 года и 23 октября 2002 года война пришла в национальные центры, в прямой эфир, где обыватель и политик могли наблюдать себя в качестве непосредственных мишеней. Этой угрозе уже нельзя определить место на окраине, локализовать ее в рамках географических, этнических или социальных «меньшинств». Она внутри ежедневной политической риторики. Она уже часть современного языка. Ориентация общества в современности уже немыслима без самоопределения в контексте растущего числа политических, этнических, религиозных, территориальных сепара-

тизмов. Для них теперь самозаконная воля даже самой малой группы активистов *выше* свободы личности и национального «общего блага». Для человека девяностых слово «партизаны», прежде однозначно позитивно и героически окрашенное, уже не обозначает акт вневойсковой самозащиты от иноземных оккупантов и не отсылает к 1812 году или белорусским и брянским лесам 1942-го. Оно именуется десятилетиями длящееся восстание подпольных кланов, тесно связанное с наркобаронами, пытками, заложничеством, терактами, марксистским и религиозным фанатизмом. Неизбежной жертвой партизан становятся поверившие послевоенному «вечному миру» обыватели, институты их центральной и национальной власти. Гвардией партизан — меньшинства, управляемые мафиозными и этническими кланами. Среднеевропейским «цивилизованным» хуторским, кулацким, инженерско-учительским, соседским и дачным сообществам эти кланы противопоставляют новые «железные батальоны» этнических, батрацких, бандитских сообществ.

Защищаясь от нашествия кланов, дробящего стабильную обывательскую среду, личность стремится под покров постимперской власти — будь то бюрократическая «партия власти» или политкорректная «единственная супердержава». Но бюрократическая и политкорректная власть гнется под нашествием кланов, выбирая из них те, с которыми можно было бы договориться. Договориться нельзя. И вновь близок день, когда очередной прирученный Римской империей варвар захочет стать императором Рима.

### *Террор сопредельных территорий*

Как с этим может бороться государство? По каким линиям каких границ оно хочет строить «бетонные» стены и полосы безопасности? Как бы ни была опасна агрессия бандитских групп с сопредельных территорий, главная угроза исходит *от самих территорий*: от слабости их центральной власти, от непрекращающегося потока трудовой миграции, от традиционной транснациональной этнической мафиозной инфраструктуры, от приграничного бизнеса (контрабанды, оружия, наркотиков, беженцев), коррумпирующего местные органы власти на сотни километров в глубь национальной территории, от формального и неформального шпионажа и т. п.

В 2002 году порт Диксон, располагающийся на российском побережье Северного Ледовитого океана, на западной оконечности полуострова Таймыр, отметил юбилей, способный послужить свежей темой для читателей-писателей, любящих сюжеты выживания малых сообществ, изолированных от Большой земли (будь то занесенный снегом графский замок, дальний остров или Луна). В 2002 году Диксон отметил шестидесятилетие обороны от фашистского флота, проникшего в эту ледяную глубь за тысячи километров не только от фронта, но и от какого бы то ни было жилья.

Не будет большим преувеличением сказать, что и поныне все полярное побережье России по-прежнему находится в состоянии изолированного выживания и еще более уязвимо перед военной и разведывательной деятельностью других государств. Хорошо, если разведка эта пока ограничивается сугубо военными целями и, следовательно-

но, использовать ее выводы на практике потенциальному противнику пока затруднительно. Но что может противопоставить условный российский северный иксон любой коммерческой разведке: геологической, нефтегазовой, рыболовной — готовой балансировать близ территориальных вод, имеющей среди инструментов конкурентной борьбы затяжные территориальные споры и международную экологическую бюрократию, способной жестко ограничить свободу России даже в этом безжизненном регионе?

Еще более уязвимыми становятся пустынные российские Крайний Север и Дальний Восток на границах с *сопредельными* территориями — на Чукотке и на Курилах. Сколь бы интенсивно ни развивался сейчас Сахалин благодаря нефтеносному шельфу, одного его явно не хватит для устойчивости российских экономических, военных и политических границ. Когда Южные Курилы так или иначе попадут в зону прямого влияния Японии — энергодефицитные, изолированные, нищие и малонаселенные российские Колыма, Сахалин и Камчатка получат «образцовый», интенсивно развиваемый, окормляемый американскими базами японский клин. Ныне рассеянная по портам Южного Сахалина и Приморья деловая японская и корейская сеть получит еще одну опору для экономического доминирования.

До сего дня нет ответа на перспективы демографического и инфраструктурного доминирования Кореи и Китая в Приморском и Хабаровском краях, Амурской области. Слава Богу, абсолютный экономический и демографический перевес Китая в этом регионе в ближайшие десятилетия будет находиться в рациональном управлении китайских властей. Но неотвратимо приближающийся коллапс

Северной Кореи (который реформы в этой стране только ускорят) делает Приморье заложником этой социально-экономической катастрофы. Голод, смута и предполагаемая резня затронут не только Китай и Южную Корею, но и Россию, которая не справится с ее гуманитарными последствиями и вряд ли будет готова к лобовому столкновению с интенсивной военной и разведывательной активностью США, в значительной степени «фильтруемой» сегодня суверенной территорией Северной Кореи. Поглощение КНДР Южной Кореей, конечно, в ближайшее десятилетие не оставит воссоединенной стране сил для экспансии в Приморье. Но можно прогнозировать, что, фактически уже экстерриториальные, северокорейские фактории на российском Дальнем Востоке превратятся в сеть неподконтрольных российским властям военно-экономических баз экс-коммунистической корейской элиты, способной к существенному политическому влиянию. Так, в дополнение к китайскому бизнесу, уже способному к косвенному влиянию на региональные выборы в приграничных субъектах РФ, возникнет не сдерживаемое коммунистической секретностью корейское влияние. Спешно достраиваемый в этой части России космодром «Свободный», таким образом, окажется в положении режимного анклава. Однако реальная вовлеченность местного населения в деловые отношения с китайцами делает «Свободный» фактически беззащитным перед военно-разведывательной деятельностью Китая. Не исключено, что в ближайшие годы Китай из «экологических» соображений потребует закрытия космодрома. В любом случае, Дальний Восток экономически и инфраструктурно уже гораздо более зависим от Китая, чем от федерального центра. Перед лицом нового корейского кризиса эта часть России будет вовлечена США, Японией и Китаем в «гума-



нитарно-политическое» посредничество на территории объединенной Кореи. В контексте тяжелых социальных последствий объединения часть затронутой кризисом территории России фактически окажется объектом китайского «гуманитарного» попечения.

Можно сказать, что корейский кризис может подчинить Дальний Восток не только экономическому, но и политическому доминированию Китая. В таком случае судьба военной инфраструктуры России в этом регионе непредсказуема. С распадом СССР и независимостью стран Средней (Центральной) Азии, Бог, казалось, миловал Россию от разрушительной встречи здесь с китайскими интересами. Но не исчезла экспансия Китая, вызванная длительной экспансией Российской империи в китайском, но населенном мусульманами Синцзяне, который для сталинского СССР даже стал проектом марионеточной Восточно-Туркестанской республики. Сюда вот уже пятьдесят лет направляются централизаторские усилия Китая, выстраивающего в этой бедной и малонаселенной местности мощную военно-административную инфраструктуру. От нее традиционно бежали в Киргизию и Казахстан китайские уйгуры, а теперь переносят туда же свои базы исламские сепаратисты и радикалы. В ближайшей перспективе сохранение Киргизии как самостоятельного государства могло бы целиком зависеть от доброй взаимно сбалансированной воли России и Китая, если бы страна не подвергалась еще большей опасности со стороны узбекских и афганских исламистов. Растущая российская собственность и значительная интегрированность в русский культурный контекст городского киргизско-русского населения этой страны принуждает Россию к постоянному вмешательству и обременению

себя всеми угрозами, с которыми сталкивается Киргизия. Даже если через десять или двадцать лет все славянское и часть киргизского городского населения будет эвакуировано в Россию, то России придется — к удовлетворению российского обывателя — поддерживать вдалеке от своих границ доминирующее военно-политическое присутствие в Киргизии, как и в Таджикистане и Армении. Вопрос лишь в том, каких новых уступок и сделок с Китаем это может потребовать. Выживет ли Киргизия даже под китайским протекторатом «после Акаева» — большой и грустный вопрос.

Фактический уход России из Казахстана был предопределен невозможностью обеспечения интересов российского бизнеса и русскоязычного населения в Казахстане. Последними казахстанская власть неизменно жертвовала все постсоветские годы во имя интересов этнических и «семейных» казахских кланов, несмотря на всю свою евразийскую риторику и поголовное русскоязычие населения. Казахстан сегодня — лидер по эмиграции в Россию. Демографически это даже выгодно России. Но это не может компенсировать того обстоятельства, что после истощения эмиграционного потенциала и «после Назарбаева» мы имеем дело с многотысячекилометровой границей, фактически условно проведенной по неконтролируемой степи в непосредственной близости от «внутренних» российских регионов, до сих пор беззащитных перед этнической казахской сельской экспансией, влекомой в Россию сугубо экономическими причинами, вслед за русскими — за естественным рынком сбыта и труда. Таким образом, проходящая близ экономического, коммуникационного и географического хребта России — близ Астрахани, Волгограда, Саратова, Самары, Оренбурга,

Магнитогорска, Челябинска, Тюмени, Омска — казахская граница, Казахстан — *главная внутренняя угроза России*. Россия может уйти и уходит с Байконура. Она может закрыть глаза на преследования русской общественности в Казахстане. Но она не может и никогда не сможет выстроить здесь границу или отгородиться от казахской миграции, от тяжелого наркотического и идеологического дыхания Ирана, Афганистана и Пакистана. При этом со времен уральского и семиреченского казачества никакой существенной военной инфраструктуры здесь не строилось и попросту нет. Как это было очевидно еще в XVIII веке, за Волгой у России границ нет — только бесконечно дикое поле до монгольской пустыни Гоби. Можно призвать США охранять южные рубежи этого поля, как раньше это делала Британская империя, но охранять страну от этих охранников здесь некому.

О Кавказе «после Алиева», «при Шеварднадзе», «после Шеварднадзе», «без Шеварднадзе» умолчим. По крайней мере, пусть ценой тяжкого опыта, на этом направлении выстраивается система безопасности. Но какова будет ее цена, когда России — под ревнивым наблюдением Европы и США — придется взять на себя ответственность за Закавказье, Бог весть. Одно лишь очевидно уже сейчас: огромные и влиятельные грузинская, армянская, азербайджанская общины в России в этом деле ей не помощники. Они могут, но не хотят и не будут укреплять лояльность своих соплеменников к России. Словно лояльность к своей России для них — нечто стыдное, а антироссийская отвязность далекого уже Закавказья — нечто в высшей степени дорогое и интимное. Словно эти общины, приютив на своей даче душевнобольного родственника, сами не могут ни жить там, ни как-либо влиять на его болезнь,

но всячески сердятся на возмущенных буйством соседей. Большой родственник тем временем исправно поглощает их заработки, ведет коммунальные войны и пишет в ООН. С недавних пор признан американцами.

Как бы ни был травматичен для России развод с Украиной и небрак с Белоруссией, на этом направлении ей угрожают отнюдь не психологические драмы. Конечно, белорусская собственность еще не скуплена так, как украинская, но гипотетический переход власти на Украине и в Белоруссии в руки проамериканских националистов в равной степени опасен. Неэффективные, идеалистические действия современной российской власти в отношении Украины, столь же неэффективные и хулиганские действия в отношении Белоруссии порождают серьезные сомнения в том, что «пятая колонна» в этих странах сможет заблокировать неприятные антироссийские поступки проамериканских администраций. Ни разу не использовав способы законного экономического давления на Украину, Россия почему-то надеется, что само наличие газовой трубы не позволит украинцам разместить военную инфраструктуру НАТО близ Харькова и Донецка. Когда эти надежды рухнут, тогда даже шепот в коридорах российского Белого дома станет предметом онлайн-мониторинга CNN. Что станет тогда с Калининградом, чья оторванность от России до сих пор подсознательно отсчитывается не от Пскова – Смоленска, а от белорусско-польской границы? Понятно, что риторика любви и дружбы так же мало поможет эффективному вмешательству России, когда в украинском Крыму крымские татары перестанут быть униженным меньшинством и станут униженным большинством, со всеми вытекающими из этой перемены боснийско-косовскими последствиями.

## *Итак*

Крайний Север и Дальний Восток России — перед угрозой американо-японской и китайско-корейской экономической, политической и военной экспансии. Пятьсот лет назад перед Ермаком Тимофеевичем, двигавшимся сюда «навстречу солнцу», лежала почти неспособная к сопротивлению пустыня. Теперь — перед тремя лидерами мировой экономики — с востока Россия так же пустынна и почти беззащитна. Западная Сибирь, Южный Урал и Нижняя Волга экономически состоятельны, населены и потому еще более уязвимы перед паразитирующей Средней Азией, в которой, может быть, единственный фактор стабильности — Узбекистан. Что будет здесь «после Акаева», «после Назарбаева», «после Каримова» — страшно себе представить.

Наш Северный Кавказ обречен на прифронтовое существование, а Россия — на тяжелую, неизлечимую, не дающую никакого влияния, грозящую только убытками вовлеченность во внутренние дела: грузин России и Грузии, армян России и Армении, азербайджанцев России и Азербайджана. Закавказье всегда будет входить в Россию, как к себе в дом.

Граница с Белоруссией и Украиной может стать восточной границей НАТО. Смоленская, Брянская, Курская, Белгородская, Воронежская, Ростовская области и Краснодарский край к этому не готовы. Калининград — тем более.

Отечественный бизнес и ответственный политический класс приветствуют переориентацию грузовых

потоков с портов Прибалтики на порты Петербурга и Ленинградской области. Заслужат ли Балтийский флот и отечественная дипломатия такое же признание через несколько лет, когда вступившие в НАТО Литва, Латвия и Эстония вдруг обнаружат, что русский транзит переориентирован и больше не составляет значительной части доходов их бюджетов? Обнаружат — и вместе со всей финско-датской Европой вдруг забеспокоятся о судьбе Балтийского моря, экологии петербургских портов и чрезмерных их грузопотоках, мешающих перелетам птиц. Еще в начале 1990-х Литва Ландсбергиса очень радовалась нефтяным месторождениям близ Куршской косы как залог независимости, а теперь уже вместе с Европой крайне беспокоится об экологии этих месторождений — ибо часть их оказалась на российской территории и разрабатывается ЛУКОЙЛом...

Один властный интеллигент как-то сказал в частном разговоре: «С чего это все взяли, что с Путиным наступила стабильность? С чего это все вдруг так успокоились? Ведь нас ждет целая эпоха войн по всему периметру наших границ...» Кажется, что все-таки пока не войн, но то, что это будет целая эпоха комбинированных, ползучих, непоправимых угроз — очевидно. Вот к чему пришел послевоенный «вечный мир», разжигаемый в вечную смуту. Вот о каких присущих ему угрозах приходится рассуждать. Есть глубокие сомнения, что на эти угрозы нам есть что ответить. Но есть надежда, что Российской армии не оставят в одиночестве, когда настанет момент отвечать.

*Ноябрь 2002*

## **Фронт против России: санитарный кордон и внешнее управление**

Мировой порядок, создававшийся в 1945–1975 годах, разрушен. Надежда на то, что уничтожение старого мирового порядка закончится вместе с уничтожением коммунизма, не оправдалась. Теперь нескрываемой целью западных «злых полицейских» является расчленение России, а целью «добрых полицейских» — «внешнее управление», ограничение ее суверенитета, установление международного контроля над ее ядерной обороной. Стоит ли удивляться, что в заново переписанных национальных историях бывших коммунистических государств и советских республик новые герои — фашисты, эсэсовцы и шовинисты, чья единственная «заслуга перед мировой демократией» — борьба против России.

Если более не существует системы международного права, в котором были суверенитет, невмешательство во внутренние дела и нерушимость границ, в котором территориальная целостность, право наций на самоопределение и права человека мыслились как единое целое, — то «всё позволено». Теперь, когда удобная «гло-

бализация» выше национального суверенитета, «вашингтонский обком» и брюссельская бюрократия — единственные толкователи норм демократии, Милошевич перед Международным трибуналом, а армия США избавлена от юрисдикции международного суда, — у России нет шансов «примерным поведением» заслужить снисхождения. Нам сказано: Россия «слишком большая» для выживания в новом мировом порядке.

«Мир с позиции силы» обращен к России единственным на планете географически выстроенным фронтом, в строительстве которого нет перерывов: постколониальный эшелон против СССР сменился посткоммунистическим эшелоном против России, а тот — новым, постсоветским «санитарным кордоном». Россия реформировалась, либерализовывалась, демократизировалась, исполняла условия, соглашалась с инспекциями и мониторингом, смирялась с капризными ревизорами, научилась терпеть двойные стандарты, встроилась, наконец, в коалицию против террора — строительство «санитарного кордона» не остановилось ни на секунду. И его движение в глубь России само уже не остановится никогда.

У нас перед глазами пример Югославии-Сербии. Даже капитулировав, даже отправив в Гаагу Милошевича, она не заслужила «прощения»: Сербская Краина истреблена, Республика Сербская изолирована, Косово отчленено, Черногория отделена. Можно было бы поверить, что искренний Запад действительно искренне становится на сторону каждого самоопределяющегося «против империи» народа, а судьба антисербских разделов подобна судьбе антипакистанской независимости Бангладеш, антиэфиопской Эритреи, антииндонезийского Восточного



Тимора, антиюгославских Словении, Хорватии, Боснии, Македонии. А развод Сербии и Черногории подобен разводу Чехии и Словакии... Но в Сербии на очереди — автономная Воеводина, где венгры не составляют достаточной для суверенизации доли населения.

Но албанское этническое меньшинство при поддержке Запада уже дробит Македонию, а завтра примется за Черногорию. Инициировав разрушение старого мира, новый мировой порядок не может предложить своим сторонникам ничего, кроме странного союза брюссельской бюрократии с провинциальными националистическими этнократиями. От них требуется только лояльность и умение уместить свое «национальное возрождение» в рамки НАТО – ЕС.

Достигнув национальной независимости, они уже на следующий день становятся в очередь в НАТО. Едва закончив свою легендарную борьбу против брежневского «ограниченного суверенитета», полудохлых Совета экономической взаимопомощи и Варшавского договора, они жертвуют еще большим ради самоподчинения жесткому и бесцеремонному Европейскому Союзу. Гордясь своими посткоммунистическими либеральными реформами, эти «новые демократии», однако, готовы радикально истребить свое сельское хозяйство и высосать свои трудовые ресурсы на Запад ради социалистических субсидий ЕС.

Они горды и своей новой задачей — своим прифронтовым положением и самозванным статусом «главных посредников» и «специалистов» по постсоветским странам и России. Но Россия к посредничеству их не приглашала, хорошо помня, что в оккупационной жесто-

кости против нас лидировали именно «национальные» формирования СС.

Их ждут неожиданности. Все эти новые этнократии лишь часть дробящейся европейской мозаики, в которой традиционная самостоятельность местных властей уже не удовлетворяется возможностями немецкой и австрийской федераций, швейцарской конфедерации, более чем обширными правами испанских автономий. На очереди — претендующие на непосредственное членство в Европейском Союзе испанские Баскония и Каталония, французская Корсика, итальянские Ломбардия и Тироль, греческий Кипр отдельно от турецкого Северного Кипра. Шотландия, Гренландия, Израиль без Палестины.

Разрушая национальные суверенитеты, самодостаточная брюссельская бюрократия неизбежно провоцирует внутри Европы мозаичный федерализм вовсе не для того, чтобы национальный голос Польши, сравнявшись с национальным голосом Люксембурга, укрепил сводный хор европейских народов. Хор — архаика. Современность — «технологическая» власть Брюсселя. Её фундаментальная задача — распределять. Её практика — вечная борьба за новые ресурсы ЕС и новые обеспеченные ресурсами США задачи по развитию «санитарного кордона» вокруг России.

Двигая фронт все дальше на Восток, накрывая военной инфраструктурой все постсоветское пространство, включая Среднюю Азию, Брюссель не может не поглотить Турции и Украины. Европейские аналитики не скрывают, что «судьба ЕС зависит от Турции

и Украины», но не говорят, что это значит. А это значит, что к 380 миллионам граждан ЕС через ряд лет прибавится 120–130 миллионов турок и украинцев, а к тысячам брюссельских бюрократов — квотные 3–4 тысячи турецко-украинских евробюрократов.

Допустим, ЕС переживет шок тюркизации-украинизации. Но пережитый Турцией — ради вступления в ЕС — шок «трудных решений» в отношении курдов и геноцида армян будет компенсирован совершенно особым турецким присутствием в Германии, на Балканах, в молдавской Гагаузии, украинском Крыму, грузинской Абхазии, не говоря уже об Азербайджане.

Помня о «слишком большой для Европы» России, новая украинская власть начинает административно-территориальную реформу. Видимо, укрупняя и укрепляя Галицию, она стремится не только уравновесить Закарпатье, Новороссию и Донбасс, но и сделать свою карту более удобоваримой для европейской «интеграции». Горьким юмором истории станет встреча в Брюсселе полноправных басков, каталонцев и крымских татар.

Чтобы справиться с внутренним федералистским и этнократическим хаосом в Европе, ЕС и США жизненно важно укреплять внешние границы объединенного европейского суверенитета. Интенсивное развитие и расширение «санитарного кордона» против России, чьи пределы и есть пределы этого суверенитета, — предмет бюрократического консенсуса ЕС и США, на фоне которого любые «особые отношения» старой Европы с Россией — это отношения вчерашнего дня, память о старом мировом порядке, безобидная фронда.

«Санитарный кордон» нестабильности, созданный из постсоветских национальных государств в конце 1980-х годов, видимо, уже не может технологически удовлетворить потребностям тотального евроатлантизма. Обусловленные политически, исторически и географически, нежелание или неготовность таких национальных государств, как Белоруссия, Украина, Грузия, Армения, Азербайджан подчинить свой суверенитет новому мировому порядку сделали их негодными в качестве элементов «кордона». И первые перемены в этой цепи — в Грузии и на Украине — породили надежду, что Западу удастся подчинить ее новым задачам, превратив из «линии соприкосновения», на которой главное — поддержание напряжения, в «передовой эшелон фронта», в котором главное — жесткий порядок и дисциплина.

Чтобы наступать дальше и самоутверждаться, Брюсселю нужна стабилизация «санитарного кордона» вокруг России и противоречащее принципам ЕС (признавшего Восточный Тимор, Словению, Хорватию, Боснию, Македонию, Косово), — истребление постсоветской «естественной суверенизации» Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха. Борясь с Россией, Запад всегда будет игнорировать на словах столь дорогие ему суверенитет, федерализм, меньшинственные права русских в Латвии и Эстонии. Запад готов признать независимость Иракского Курдистана и готов думать об отчленении Иранского Азербайджана, но никогда не изменит ориентации своего главного фронта против России.

Не особенно скрываясь, Запад показал — куда именно будут направлены усилия нового «санитарного кордона», имеющего в тылу новую власть в Грузии и на Украине.

После поражения сепаратизма в Чечне новый «горячий» фронт выстраивается в целом на Северном Кавказе. После активизации (в первую очередь, согласованными усилиями Эстонии) вопроса о положении финно-угорских народов — потенциальным «холодным» фронтом становится Карелия и Поволжье. При этом мало кого волнует, что, например, марийцы имеют в России национальную автономию, а русские в Эстонии не имеют даже полноты гражданских прав...

Очевидно, что теперь речь идет уже не о периметре границ России, и не о пограничном ее вытеснении, а об ее «взламывании» в самой сердцевине, по оси Волги, что на практике означает претензию на введение «внешнего управления» Брюсселя в Европейской части России.

В этих условиях у России, желающей сохранить свою территориальную целостность и суверенитет, нет большего союзника, чем прежний «санитарный кордон», возведенный против нее при издыхании старого мирового порядка. Нет большей поддержки, чем скорейшее вступление Турции и, может быть, даже Украины в Европейский союз. Нет более искреннего партнерства, чем с национальными государствами, отстаивающими свой суверенитет против экспортных «революций», и самоопределившимися народами, борющимися за признание своего максимально возможного государственного статуса.

Малосимпатичный союз империалистического «образца демократии» США с антинациональной социалистической бюрократией ЕС не оставляет России выбора.

*Март 2005*

## **Непризнанные государства бывш. СССР в контексте Балкан и Черноморского региона**

### **Тезисы к постановке проблемы**

Проблемы постсоветских непризнанных государств (государств де-факто: Приднестровской Молдавской Республики, Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, Нагорно-Карабахской Республики), образовавшихся в 1990–1992 годах и часто называемых «самопровозглашенными государствами» (что вряд ли может быть признано терминологически удачным: среди крупнейших государств мира трудно найти не «самопровозглашенные»), следует рассматривать не только в контексте истории бывшего СССР с его конфликтами, но и в контексте истории всего посткоммунистического Балканско-Черноморско-Кавказского региона. Специфика этих проблем может рассматриваться и в контексте постимперского (последосманского) и даже — постколониального пространства (с прецедентами добившихся независимости Эритреи и Восточного Тимора).

Непосредственными историческими предпосылками возникновения непризнанных государств региона стали: процесс суверенизации и национального освобождения стран советского блока; создание национальных государств на его месте, которые повлекли за собой распад социалистической системы, Организации Варшавского Договора, Совета Экономической Взаимопомощи, СССР и Социалистической Федеративной Республики Югославия. В результате этого возникли новые государства:

- на Балканах — Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия и Черногория (с перспективой независимой Черногории), Македония. К ним примыкали непризнанные государства: Косово, Сербская Краина, Республика Сербская, другие;
- в Черноморско-Кавказском регионе — Молдавия, Украина, Грузия, Азербайджан, Армения. К ним примыкали непризнанные государства: Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах.

Особой новацией в регионе в результате уничтожения режима Саддама Хусейна в Ираке стал Свободный Курдистан, добившийся федеративного устройства Ирака, собственного практически конфедеративного в нем положения и, видимо, стремящийся к независимости. Другой новацией выступает фактическое признание со стороны ООН международной субъектности непризнанной Турецкой Республики Северного Кипра, получившей равные права с греческой частью Кипра на референдуме о конфедеративном воссоединении Кипра. Референдум не удался — и греческая часть Кипра самостоятельно вступила в Европейский Союз, а Северный Кипр активизировал горизонтальные связи с Турцией и Азербайджаном.

В течение 1990-х – 2000-х годов исторически было реализовано несколько моделей решения проблемы непризнанных государств со стороны международного сообщества, сторон конфликта или народов самих этих государств:

- успешное подавление непризнанных государств: полное государственное и демографическое уничтожение Сербской Краины на территории современной Хорватии, десуверенизация и инкорпорация Республики Сербской в состав Боснии и Герцеговины;
- неудавшееся подавление непризнанных государств: Нагорного Карабаха, Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии;
- «замороженный конфликт» вокруг непризнанного государства или его «отложенный статус»: Нагорного Карабаха, Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии, Косово;
- урегулирование: реализованная Западом «дейтонская модель», примененная в ходе создания Боснии и Герцеговины (из Мусульмано-хорватской федерации и Республики Сербской), «охридская модель» Запада, реализованная в ходе умиротворения межэтнического конфликта в Македонии (когда вдохновленное опытом Косово албанское меньшинство в итоге получило квотное представительство на всех этапах государства), модель конфедерации — «содружества» Сербии и Черногории, служащая сейчас для удержания Черногории и Косово (и, возможно, Воеводины) в формальном союзе с Сербией;



- отказ от суверенизации либо сохранение перспективы «проективных автономий» — там, где для борьбы за суверенитет не хватает внутренних ресурсов: Закарпатье, Северная Буковина, Крым — на Украине, Чечня — в России;
- «стимулированная» извне суверенизация: Свободный Курдистан в Ираке.

В настоящий момент к непризнанным государствам на постсоветском пространстве (несмотря на активные усилия последнего времени по максимальной интернационализации проблемы со стороны их экс-метрополий — Молдавии и Грузии) скорее относится модель «замороженного конфликта», либо «отложенного статуса» (Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия). В целом такова же ситуация и вокруг Нагорного Карабаха. Впрочем, число внешних посредников, желающих решить его проблему, — особенно в контексте намерений Азербайджана самостоятельно восстановить свой суверенитет над его территорией и территорией окружающей его «зоны безопасности» — пока не увеличилось.

Исторические факторы формирования непризнанных государств можно систематизировать следующим образом:

- изначальный отказ со стороны «метрополии», «центральной власти» нового международно признанного национального государства (бывшей союзной республики СССР) признать суверенизацию части своей территории: отказ Азербайджана признать суверенизацию Нагорного Карабаха, ликвидация автономии Абхазии и Южной Осетии в Грузии, непризнание особого статуса Приднестровья Молдавией;

- война между сторонами конфликта в начале суверенизации, создающая ситуацию «соревнования суверенитетов», нарушения территориальной целостности и завоевания реального, но не признанного суверенитета: между Азербайджаном и Нагорным Карабахом, Грузией и Абхазией, Грузией и Южной Осетией, Молдавией и Приднестровьем;
- этнические чистки и беженцы, добровольные или вынужденные переселения массы конфликтующих этносов из зоны конфликтов: азербайджанцев из Нагорного Карабаха и Армении, армян из Азербайджана, грузин из Абхазии, осетин из Грузии (исключение — Приднестровье, где этнический баланс молдаван, русских и украинцев сохранен);
- наличие среди населения непризнанных государств значительного или абсолютного большинства граждан государств-гарантов (около 100 тысяч граждан России и 50 тысяч граждан Украины из 600 тысяч, живущих в Приднестровье; 150 тысяч граждан России из 200 тысяч в Абхазии (90% взрослого населения), 40 тысяч граждан России из 45 тысяч в Южной Осетии (95% взрослого населения), Армении в Нагорном Карабахе);
- форма правления и символ суверенитета в непризнанных государствах — президентские республики. И ведущаяся извне этих государств борьба за превращение их в парламентские республики есть не что иное, как один из проектов десуверенизации этих де-факто государств;
- интернационализация урегулирования;

- принципиальный и консенсуальный характер проблемы суверенитета для каждой стороны конфликта: как для Грузии являются абсолютно неприемлемой независимость Абхазии и Южной Осетии, так и для Абхазии и Южной Осетии считается абсолютно неприемлемым сценарий их даже федеративного возвращения в состав Грузии. Столь же принципиальный характер носит проблема статуса Приднестровья для Молдавии, Нагорного Карабаха для Азербайджана, и наоборот.

Постсоветские непризнанные государства не пользуются поддержкой Запада (кроме, частично, Нагорного Карабаха, получающего прямую государственную финансовую поддержку от США). Поэтому перспективы суверенизации непризнанных государств на пространстве бывшего СССР действуют в ином коридоре возможностей, нежели предоставляются Западом для Косово и Свободного Курдистана в составе Ирака.

Тем не менее реально существуют возможности легитимации их как государств или, по крайней мере, как частично правомочных субъектов международного права, особенно в контексте реализуемой в 1990-е годы идеологии «Европы регионов», подпитывающей федерализацию Румынии в пользу венгерского меньшинства в Трансильвании, суверенизацию Корсики внутри Франции, Каталонии и Страны Басков внутри и без того федеральной Испании. Такую криптолегитимацию можно классифицировать по следующим факторам:

- международно-правовые — например, поддержанный ОБСЕ меморандум в отношении Приднестровья от 8 мая 1997 предоставляет Приднестровью суве-

ренные права ведения внешнеэкономической, образовательной и культурной деятельности;

- интеграционные — межрегиональные, коммуникационные и хозяйственные связи всех сторон конфликта и их соседей (кроме Нагорного Карабаха, не имеющего никаких межрегиональных связей с Азербайджаном);
- электоральные — элементы международной легитимации существующих институтов власти непризнанных государств — например, признание парламентских выборов в Приднестровье по законам Приднестровской Молдавской Республики как выборов в легитимные органы местного самоуправления;
- гражданские — права граждан стран-гарантов на территории непризнанных государств, которые фактически не только обеспечивают интернациональный характер урегулирования, но и придают населению этих государств гражданскую субъектность. Даже при соблюдении принципа территориальной целостности их «метрополий», внешние гарантии гражданских прав населения непризнанных государств создают новую легитимность институтов их самоорганизации, на практике совпадающей с государственными институтами.

Ожидаемое в течение 2006 года предоставление под эгидой евроатлантических организаций фактической независимости Косово от содружества Сербии и Черногории, безусловно, придаст новую историческую динамику проблеме непризнанных государств — и часть из них

поставит в ряд «самоопределившихся», а часть — в ряд «реинтегрируемых»: насколько успешной будет новое издание реинтеграции и как оно вместе с прецедентом Косово повлияет на историческую стабильность Балканско-Черноморско-Кавказского региона — остается только догадываться.

*Сентябрь 2005*

## **«Косовский прецедент»: создатели и плоды**

10 декабря 2007 года истек срок, отпущенный на урегулирование проблемы Косово<sup>1</sup>. Этот день стал первым днём «косовского прецедента». Косовские власти признали международные посреднические усилия исчерпанными и перевели свою борьбу за независимость в последний акт, а США, ЕС и их многообразная клиентела на территории бывшего СССР попробовала признать «косовский прецедент» несуществующим и уникальным.

Интересны задушевные признания авторов прецедента, сопровождающие заведомо слабые аргументы в пользу его «уникальности». Первое: Косово должно стать независимым, ибо «сербы виноваты как народ». Эту расистскую, звериную формулу в августе 2006 года изобрёл, объявил и публично отстаивал специальный представитель ООН по Косово Марти Ахтисаари. Второе: в апреле 2007 года, когда ещё не истекли сроки, определённые для перегово-

---

<sup>1</sup> 17 февраля 2008 года парламент Косово принял декларацию о независимости края от Сербии. В течение нескольких дней она была поддержана крупнейшими государствами Запада.

воров о статусе Косово, заместитель госсекретаря США Николас Бернс заявил: «США уверены, что независимость Косово — единственное решение проблемы этого края... Есть утверждения, что эта независимость станет прецедентом для других сепаратистских движений, но мы такое утверждение полностью отвергаем». «Косово точно уже не будет частью Сербии», — в мае 2007 предредила госсекретарь США Кондолиза Райс, а в июне и сам Джордж Буш предопределил: «Независимость Косово неизбежна».

В этих признаниях — вся подноготная «уникальности». Ни Ахтисаари, ни Райс, ни Буш не скрывают, что созданная в результате прямой вооружённой агрессии против Югославии в 1999 году, с нуля, без каких бы то ни было исторических предпосылок<sup>2</sup>, Соединёнными Штатами и их европейскими союзниками косовская государственность — с самого начала была предметом «ручной настройки».

Сколько бы ни твердили в унисон союзники США об «уникальности» будущего события (чем ближе «неизбежность», тем острее желание избежать её последствий), на деле «косовский прецедент» уже восемь с лишним лет как создан самими США и поддержан их клиентелой на территории бывшего СССР. В 1999 году США и НАТО вмешались во внутренний конфликт в югославском

<sup>2</sup> Карабахский аналитик Давид Карабекян сделал важное различие: «Косово с первых дней своего существования формировалось внешними силами (читай — Западом)». В этом его действительное отличие от всех других, построивших свою государственность самостоятельно. В этом и его совершенно неконкурентное отличие от Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии, в 1990-е годы выжившие и состоявшиеся в тени равнодушия и даже иной раз противодействия слабой России. Но отличие, должное понизить, а не повысить его шансы на независимость. Но в случае с Косово и в этом, и в другом действует обратная логика.

Косово, разбомбили метрополию, легализовали тесно связанных с наркотрафиком и исламским терроризмом албанских радикалов, передали им в руки почти полную государственную власть, санкционировали антисербскую чистку и сегрегацию.

Насколько этот прецедент уникально не существует, даже слепым и глухим клиентам США может рассказать многонациональный хор мирных (и не очень) борцов за независимость из Шотландии, Фландрии, Каталонии, Страны Басков, Корсики, Западной Сахары, Трансильвании и т. д., не говоря уже о тех, кто отстаивал свою независимость с оружием в руках, но формально ещё не признан — на территории бывшего СССР. Не говоря уже о тех, кто воевал за независимость, победил и добился признания — в Эритрее и Восточном Тиморе. Не говоря уже об иных американских любимцах, которым предложат либо — против своих интересов — одобрить «уникальность», либо, скорее всего, дожидаться повторной «уникальности» для себя: Турецкой республике Северного Кипра, Тайване и Курдистане. Много интересного увидят в «несуществующем прецеденте» и Республика Сербская в столь же созданной с нуля Соединёнными Штатами Боснии и Герцеговине, и Палестина, и албанские анклав на Балканах. Впрочем, клиентеле это известно не хуже других.

### *Прецедент-1999: расчленение*

«Косовский прецедент» появился в международном политическом языке в 1998–1999 гг. и означал подготовку и практику агрессии США – НАТО против признанного государства, его полную или частичную оккупацию и расчленение.



Когда агрессия ещё только готовилась, в сентябре 1998 года представитель Китая в ООН предупреждал, что «это может в будущем создать плохой прецедент», а троцкисты из Международной партии трудящихся пророчили, что «это создаст прецедент для будущей интервенции войск НАТО в Восточной Европе, России и других бывших республиках СССР...». С левыми были согласны и вполне статусные атлантисты: «Интервенция в Косово создает опасный прецедент для сил НАТО и США по поддержке движений борьбы за независимость внутри независимого государства» (конгрессмен Мак Коллинз, март 1999). Или: «Во внутренние дела России никто не лезет по причине наличия у страны ядерного оружия. Мировое сообщество также не лезет в отношения Индии и Пакистана по той же причине. Запад действует только по отношению к странам, у которых нет атомного вооружения: Гренаде, Гаити, Панаме, Югославии, Ираку. Самый большой прецедент был создан в Югославском конфликте, когда НАТО, полностью игнорируя мнение ООН, напала на независимое государство» (экс-посол Канады в Югославии Джеймс Биссет, май 1999). Тогда же, раньше и точнее многих, перспективы «косовского прецедента» обнаружили (с радостью) в Палестине и (с тревогой) в Израиле и особенно Ариэль Шарон, заявивший, что теперь «Запад, благодаря косовскому прецеденту, сможет вторгнуться на наши земли».

Для России, как это помнит большинство живших тогда, агрессия в Косово стала моментом политического отрезвления и осознания многих нелицеприятных истин, среди которых была и такая, ныне кажущаяся банальной: национальные интересы России не сводятся к неукоснительному следованию внешним правилам произвольно толкуемой

«демократии», более того — чем существеннее эти интересы, тем циничней и «недемократичней» их ущемление со стороны евроатлантических учителей, готовых не только к введению «внешнего управления» Россией, но и к её территориальному расчленению. Жертва, принесённая Сербией на наших глазах, открыла нам нашу неспособность защитить себя и крайне зыбкую целостность тогдашней России. Позволю себе процитировать, что писал я сам в первые дни агрессии 1999 года:

«Исторический инстинкт и немая аналогия вчерашнего СССР и сегодняшней России со вчерашней и нынешней Югославией заставляют... обнаруживать свою завтрашнюю судьбу в сегодняшней сербской картинке, ... сравнение Сербии со старой русской метрополией, Косово с Чечней<sup>3</sup>... Мы — следующие. Мы — сербы... Мы никогда не будем для «них» достаточно хорошими.

Война против Югославии создала прецедент, на котором в историях мировой политики у русских читателей всегда будет лежать закладка. В них, в историях, привычных к гека-томбам и геноциду, тайной резне и двойным стандартам, процитируется: теперь все возможно, теперь это будет и с нами»<sup>4</sup>.

В августе 1999 года, не удовлетворившись фактической независимостью Ичкерии, Басаев и Хаттаб вторглись в Дагестан.

---

<sup>3</sup> «Контрпример» Чечни, предупредительно адресовываемый России в контексте Косова (де, после признания независимости Косова, не вздумайте признавать, например, Абхазию, а не то кто-нибудь признает Чечню и отколет её от России) вряд ли можно считать контрпримером: претендующей на признание независимости Ичкерии ни в Чечне, ни где бы то ни было давно уже нет.

<sup>4</sup> Модест Колеров. Мы — сербы // ПОЛИТ.РУ. 26 марта 1999 ([www.polit.ru/documents/102330.html](http://www.polit.ru/documents/102330.html)).

В 2000 году в результате первой «цветной революции» был свергнут президент Югославии Милошевич. В 2001 году США с союзниками вошли в Афганистан, в 2003 — в Ирак, свергнув президента Хусейна. Косово и Курдистан получили от США карт-бланш на движение к независимости<sup>5</sup>.

Демонстрация военной силы послужила хорошим фоном для вмешательства невоенного, «цветного» свойства, сугубо политических (хотя кто скажет, где кончаются специальные операции и начинаются политические). В 2003-м в Молдавии «переменился» президент Воронин, 2003-м в Грузии был свергнут президент Шеварднадзе, в 2004-м в Литве — президент Паксас, в 2004-м на Украине — президент Кучма, в 2005-м в Киргизии — президент Акаев. «Зачистка» политической карты мира приобрела обвальный характер и поначалу казалось, что уж коли новые независимые государства так легко оказываются под контролем США, то и «урегулирование» этнополитических конфликтов посредством расчленения метрополий становится излишним.

Опыт «перемены» молдавского Воронина обнаружил ещё одно условие: ни европейская риторика, ни расчленение сами по себе — не ценность. Для «косовского прецедента» образца 1999 года ценна не только военная оккупация, но и политический контроль. Риторически этот контроль был сформулирован в требованиях о соответствии нового косовского режима «демократическим стандартам», действующая система которых должны была предшествовать решению вопроса о статусе края. Вскоре о них забыли, а введённую для их реализации междуна-

<sup>5</sup> Итоги выборов в Ираке: Курдистан и новый региональный расклад // REGNUM. 16 февраля 2005 ([www.regnum.ru/news/408034.html](http://www.regnum.ru/news/408034.html)).

родную администрацию оставили — и она стала «крышей» для легитимации Косово.

Именно тот факт, что достигнутый Ворониным и Россией компромисс вокруг Приднестровья (в «меморандуме Козака»<sup>6</sup>) не оставлял места для атлантического контроля и, напротив, сохранял в регионе присутствие России и стал причиной произведённой с Ворониным «перемены» и его отказа от приднестровского урегулирования.

Но на пике политического могущества США контроль всё чаще оказывался неэффективным и становился своей противоположностью — вовлечённостью в нестабильность. Перед глазами сценаристов косовской независимости вырос тупик неизлечимой нестабильности в Афганистане и Ираке, спровоцированной США. Теперь США согласны на любую находящуюся под их контролем «стабильность», даже такую, как в Косово, способную сдетонировать уже не там, на Среднем Востоке, а здесь, в Европе. Очевидная неспособность США к эффективной оккупации «врагов свободы» и двусмысленные успехи США на территориях «образцов демократии» (Украина, Грузия) толкают их на сделку с любым режимом, который — безотносительно верности демократии — станет политическим союзником США, санкционирует их военное присутствие и, если необходимо, выдаст мандат на урегулирование. Здесь США с готовностью воспользуются «косовским прецедентом», потому что главное его условие — контроль.

---

<sup>6</sup> «Меморандум Козака»: Российский план объединения Молдовы и Приднестровья (2003) // REGNUM. 23 мая 2005 ([www.regnum.ru/news/458547.html](http://www.regnum.ru/news/458547.html)).

### *Прецедент-2004: легитимация*

В начале 2004 года, когда «косовский прецедент» 1999 года на время затмился серией «цветных революций», проходивших свою кульминацию, а политический смысл и региональное предназначение президентства Михаила Саакашвили были ещё не всем ясны, первый заместитель главы МИДа России Вячеслав Трубников предложил формулу урегулирования конфликтов на территории б. СССР («меморандум Козака» по Приднестровью только что был отвергнут Молдавией).

Формула являла собой предельно компромиссную попытку рассматривать конфликты в б. СССР вне косовского контекста, а перспективы их урегулирования находить в рамках «уникальных» обстоятельств и намерений метрополий. Грузии Трубников говорил: «Новому руководству Грузии нужно находить общий язык и с Абхазией, и с Южной Осетией, и с Аджарией. Потому что в последние годы, собственно говоря, власть в Грузии за пределы Тбилиси не распространялась. Надо восстанавливать страну».

Отвечая на вопросы азербайджанских журналистов, Трубников сказал: «Я не думаю, что формула, которая была изобретена для Молдавии, универсальна. Почему? Потому что в принципе эта формула следовала за принципиальным решением Кишинева о федерализации страны. И всё вставало на свои места. Раз это федерация, значит, давайте думать, какая это будет федерация. Для Грузии этот вопрос пока не стоит. Тбилисское руководство не говорит о федерализации. То же самое и для Азербайджана, если иметь в виду Нагорный

Карабах. Вопросы о федерации тоже не возникают. Ведь не Россия должна предлагать этот принцип. Если этот принцип возникает в Баку — это один разговор, если этот принцип возникает в Тбилиси для Абхазии, для Аджарии, для Южной Осетии — это другой разговор. Мы же не можем брать и эту формулу тиражировать. Она может быть неприемлема. А вот в Молдавии она была приемлемой. Почему? Потому что и Приднестровье, и Гагаузия, и Молдавия были в принципе согласны с так называемой ассиметричной федерацией».

Но при обсуждении проблемы Нагорного Карабаха (НКР) не-универсальная формула решений *ad hoc* дала сбой. Говоря о Карабахе, Трубников уже апеллировал к совершенно другой логике, логике прецедента, которая не зависела от готовности метрополии к федерализации и т. п.: «Не хочу это называть образцом или примером, но вы знаете, что в конечном итоге вот Восточный Тимор — воевал, воевал за свою независимость и всё-таки стал независимым... И эта независимость международно признана... я думаю, что и на проблему Нагорного Карабаха надо посмотреть с каких-то оригинальных, новых позиций, не замыкаясь на том, к чему мы давным-давно привыкли».

Пожалуй, никогда прежде (и никогда после) представитель России так определённо не разграничивал перспективы признания Карабаха и других самоопределившихся государств б. СССР. Немедленно на эту новацию Трубникова отозвался замглавы МИДа Армении: «В связи с упоминанием Восточного Тимора должен сказать, что это поучительный пример признания и реализации права народов на самоопределение с целью урегулиро-

вания конфликта. Это не единственный пример: в современном мире стороны конфликтов и международное сообщество все больше и больше прибегают к применению права на самоопределение в той или иной форме для предотвращения или окончательного урегулирования существующих конфликтов. Только в течение последнего десятилетия этот вариант был избран для Восточного Тимора, Северной Ирландии, Квебека, Южного Судана, Сербии и Черногории, Пуэрто-Рико и других случаев». А председатель постоянной комиссии Национального Собрания Нагорного Карабаха по внешним сношениям Ваграм Атанесян «только приветствовал» «мнение г-на Трубникова относительно целесообразности решения карабахской проблемы по сценарию Восточного Тимора». Никакого прямого продолжения эта новация не имела (если не считать её реализацией удачное подчинение Аджарии и неудачное завоевание Южной Осетии, проведённые Саакашвили), но на горизонте политической риторики вновь возник образ прецедента — теперь уже не для внешнего разрушения территориальной целостности и суверенитета, а для суверенизации путём «войны за независимость».

На иную перспективу наталкивал референдум о воссоединении Кипра (24 апреля 2004), три десятилетия расколотого на греческую и турецкую части: собственно Кипр и Турецкую республику Северного Кипра (ТРСК, признанную только Турцией). Накануне референдума Турция предупредила, что в случае его провала приложит все усилия для признания ТРСК дружественными странами, а в ходе своего визита в союзническую Турцию президент Азербайджана Ильхам Алиев заявил, что Азербайджан может признать независимость Северного Кипра, если ре-

ферендум окончится неудачей, а греческая часть острова самостоятельно войдёт в состав ЕС. Так Азербайджан ответил на параллели с Восточным Тимором. Наблюдатели в Баку и вне его остро почувствовали прецедентный характер этого возможного решения и начали просчитывать его последствия для самого Азербайджана.

Азербайджанский эксперт Зардушт Ализаде предупредил, что Азербайджану не следует торопиться с признанием суверенитета Северного Кипра: «Нужно подождать признания со стороны хотя бы нескольких государств. Выступать первыми было бы неосторожно, потому что это дает определенный прецедент для признания независимости Нагорного Карабаха некоторыми государствами. А если мы признаем суверенитет турков-киприотов после других, получится, что карабахская проблема отличается от кипрской. Ведь суверенитет НКР не признала пока официально даже сама Армения». Оставляя в стороне невыгодную для Армении параллель с Турцией (признающей ТРСК), глава армянского МИДа Вардан Осканян заявил, что признание ТРСК Азербайджаном «может стать довольно интересным прецедентом и, почему бы и нет, в вопросе Нагорного Карабаха»<sup>7</sup>.

Видимо, дружественные и недружественные толкования инициативы вокруг ТРСК заставили Азербайджан если не пересмотреть свою позицию, то, всяком случае,

---

<sup>7</sup> Однако, видимо, следуя принятой в Карабахе линии на подчёркивание уникальности своего конфликта по сравнению со всеми другими, тогдашний глава МИДа НКР Ашот Гулян отверг саму возможность прецедента Северного Кипра для НКР, указав на то очевидное, но явно недостаточное для правового понимания событий обстоятельство, что в основе этих конфликтов лежат совершенно разные предыстории. Впрочем, наблюдатели не признали это противоречие между Арменией и НКР существенным и в дальнейшем ориентировались на позицию Армении.



изменить темп действий. Эта скорая перемена осталась незамеченной, и когда в начале мая 2004 года азербайджанская делегация в ПАСЕ отказалась принять участие в обсуждении и голосовании по вопросу об открытии в Совете Европы представительства ТРСК, в Турции разразился скандал. Уже в Баку, на заседании азербайджанского парламента, от бессменного руководителя делегации в ПАСЕ Самеда Сеидова потребовали объяснений. Сеидов заявил, что делегация преднамеренно не участвовала в заседании, поскольку это создало бы «опасный прецедент» «признания непризнанных образований» и, в частности, «возможного признания в дальнейшем сепаратистского режима в Карабахе». Член делегации Асим Моллазаде уточнил: «Мы не хотели допустить прецедента регистрации и открытия офиса непризнанной ТРСК. Потому что с таким же вопросом к СЕ уже обращались такие незаконные образования, как Нагорный Карабах, Абхазия, Приднестровье. Наличие подобного прецедента могло бы нанести серьезный ущерб позициям Азербайджана... Попытка критиковать нашу работу связана, прежде всего, с непрофессионализмом тех, кто в структурах исполнительной власти занимается не своими делами».

Можно предположить, что, несмотря на острое осознание прецедентности любых действий по даже частичной легитимации любого непризнанного государства, такой разворот дался Баку непросто. Бакинская оппозиционная газета «Азадлыг» даже нашла разногласия в правящей элите. А глава общественно-политического отдела администрации президента Азербайджана влиятельнейший Али Гасанов заявил, что в произошедшем виновен глава постпредства Азербайджана при Совете Европы, что и «глава делегации Самед Сеидов продемонстрировал равнодушие

в этом вопросе». По словам Гасанова, Ильхам Алиев распорядился разобраться в вопросе, а азербайджанскому послу в Анкаре поручил дать публичное разъяснение. (В октябре 2004 года Бюро ПАСЕ, наконец, разрешило ТРСК участвовать в деятельности всех органов ПАСЕ и выступать на пленарных заседаниях Ассамблеи.)

Столь редкие публичные разногласия между законодательной и исполнительной властями Азербайджана, безусловно, помогли Баку уточнить и сделать более гибкой свою тактику в отношении «прецедента ТРСК». В те же дни изменился общий фон вокруг ТРСК: начиная с мая 2004-го премьер-министра (с 2005 — президента) ТРСК Мехмета Али Талата приняли госсекретарь США Колин Пауэлл, в Совете Европы, ПАСЕ, председатель Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу, глава МИД Великобритании Джек Стро. Главы МИД стран-членов Организации Исламская Конференция и саммит Организации экономического сотрудничества стран Центральной и Средней Азии повысили статус наблюдателей ТРСК с «общины» до уровня «государства». В Брюсселе было открыто представительство Турко-кипрской торговой палаты, уполномоченной сертифицировать на территории ЕС товары из ТРСК. Европарламент начал мониторинг мер Еврокомиссии по финансовой помощи и прямой торговле с ТРСК. Азербайджан открыл прямое авиационное сообщение с ТРСК, где в октябре 2005 было открыто и фактическое представительство — Азербайджанский центр экономики, культуры и сотрудничества (представительство ТРСК действует в Баку)<sup>8</sup>. В связи с этим бакинская газета

---

<sup>8</sup> Подробно об этом см.: Европа, США, Турция и Азербайджан признают «непризнанную» Турецкую республику Северного Кипра // REGNUM. 20 сентября 2006 ([www.regnum.ru/news/708006.html](http://www.regnum.ru/news/708006.html)).

«Зеркало» делилась запоздалыми сомнениями: «Между карабахской и кипрской проблемами существует довольно немало сходств и идентичности. Несмотря на стратегический союз с Турцией, Азербайджан до сих пор избегал оказания гласной поддержки ТРСК, так как это может создать прецедент по международному признанию «непризнанных республик», к которым относится и НКР».

Прекрасно осознаваемая в Баку<sup>9</sup>, но уже неостановимая прецедентность процесса легитимации ТРСК в течение 2004–2005 гг. наполнялась всё большим содержанием. И демонстративными поводами в этом процессе были авторы «косовского прецедента» 1999 года.

### *Прецедент-2005/2007: независимость*

Пока шла «прецедентная легитимация» ТРСК, в январе 2005 года International Crisis Group опубликовала доклад о Косово<sup>10</sup>. Доклад рисовал трагический пейзаж: ситуация в крае становится все более напряженной, — но отнюдь не потому, что всё жёстче и определённой становятся вытеснение и сегрегация сербского меньшинства, уничтожение памятников сербской цивилизации, а потому... что растёт нетерпение и недовольство косоваров неопределенностью статуса Косово. Авторы доклада предпо-

---

<sup>9</sup> Вопрос легитимации ТРСК настолько принципиален для Азербайджана, что ради неё он легко жертвует традиционной солидарностью с Грузией: буквально в те же дни ноября 2007, когда Саакашвили рассказал об «обещании» Владимира Путина «устроить из Абхазии второй Кипр» и осветил историю ТРСК, президент Азербайджана Ильхам Алиев принял в Баку прибывшего туда с официальным визитом президента ТРСК Мехмета Али Талата.

<sup>10</sup> Crisis Group за независимость Косово и против независимости Южной Осетии, Абхазии, Карабаха // REGNUM. 17 августа 2005 ([www.regnum.ru/news/498802.html](http://www.regnum.ru/news/498802.html)).

ложили, что Сербия, Россия и Совет Безопасности ООН не пойдут на признание независимости Косово, но однако подчеркнули, что это сопротивление не должно останавливать процесс предоставления независимости, реализуемой усилиями США и ЕС. Именно так, как «предложила» International Crisis Group, и было сделано впоследствии: сначала ответственные лица США и ЕС вдруг забеспокоились о «нетерпении» косоваров, грозящем нестабильностью, затем объявили неизбежной независимость Косово, и вот — сами начали её строить.

Такой сценарий развития событий уже в январе 2005 был очевиден всем, кто слыл сочинения International Crisis Group с действиями США<sup>11</sup>. Особенно внимательно это делалось в России.

В феврале 2005 российское ИА REGNUM, известное своим пристрастием к описанию постсоветской реальности (включающей в себя и реальность Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха), открыло информационный сюжет, в котором были закреплены и названный сценарий, и формула его применения на территории бывш. СССР — ««Косовский прецедент» и борьба за независимость непризнанных государств». С тех пор на протяжении 2005, 2006 и 2007 годов сюжет пополнили около 800 текстов, получивших миллионную аудиторию. Эксперт Виктор Якубян даже как-то отметил, что ««косовский прецедент» — продукт русской политической мысли... Прецедент должен сработать в любом случае... Прецедент будет создан самим Западом, хотя там того

---

<sup>11</sup> План США для Косово: независимость, ООН, НАТО, репарации с Сербии // REGNUM. 30 декабря 2005 ([www.regnum.ru/news/568380.html](http://www.regnum.ru/news/568380.html)).

или нет. А там, судя по всему, хотят. Но, естественно, хотят обратить его исключительно в свою пользу...

Тем временем в оккупированном США Ираке состоялись выборы, принесшие победу курдам и Иракскому Курдистану как фактически неподконтрольной центральным властям части территории, по реальному объёму полномочий находящейся с Багдадом в максимум конфедеративных отношениях. Эксперты в Армении вновь подняли вопрос о применимости подобных образцов суверенизации «по-американски» к проблеме Нагорного Карабаха (НКР), а в Баку вновь заметили «опасные параллели в урегулировании конфликтов в Косово и Карабахе».

В этом контексте вновь, как и много раз прежде и не раз впоследствии, преобладающее мнение армянских аналитиков свелось к утверждению «уникальности» карабахского конфликта для постсоветского пространства, его принципиальному отличию от конфликтов (и перспектив признания) в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии. Курдистанский контекст заставил сфокусироваться не на риторике этих аналитиков о том, что НКР, в отличие от её постсоветских коллег, и более «состоявшееся», и более «демократичное» государство, а сличить действительно коренные отличия. Стало ясно, что главные отличия — в отсутствии России в экономической, политической и военной (но не дипломатической) жизни НКР и, напротив, прямое присутствие официальной, государственной ежегодной экономической помощи НКР из Соединённых Штатов.

За указанием на «уникальность» стояло, конечно, не желание «ручной настройки» урегулирования кон-

фликта (она всё-таки потребовала бы, как минимум, военно-политического присутствия США в Карабахе), а желание не ставить перспективы собственного признания в зависимость от судьбы других самоопределившихся государств бывш. СССР, единственным и реальным гарантом неистребления которых сегодня остаётся Россия.

Современные Косово и Курдистан с самого начала были предметами американских *case studies*<sup>12</sup>, а не объектами равного для всех права, столь дорогого для англо-саксонского «прецедентного права» — оставленного англо-саксонской цивилизацией исключительно для внутреннего употребления. И потому здесь, где применялся иной, внешний стандарт, велико было искушение стать таким же *case study* и тем самым, наверное, укрепить перспективу признания — но как-нибудь избежать неизбежно сопутствующего этому вмешательства. Ибо очевидный для всех прецедентный характер вмешательства США не оставлял никаких сомнений, что главной гарантией, целью и ценностью США в таком случае является только их тотальный контроль над фигурой на «шахматной доске». Эксперт Якубян: «Последние 15 лет показали, что международное право из «прецедентного» окончательно превратилось в «ситуационное». Т. е. прецеденты толкуются исключительно в зависимости от того, как и в чью пользу складывается конкретная ситуация в конкретном проблемном районе».

Летом 2005 года посол Армении в США Татул Маргарян выступил с формулой, призванной философски обосновать, почему «косовский прецедент» применим

---

<sup>12</sup> Юрий Набиев: Перспективы курдской государственности // REGNUM. 2 апреля 2006 ([www.regnum.ru/news/616672.html](http://www.regnum.ru/news/616672.html)).

в зоне контроля США и неприменим у границ России: «Опасения некоторых представителей мирового сообщества относительно того, что признание суверенитета Косово может создать прецедент принятия равнозначных решений и в остальных случаях, в частности в случае нагорно-карабахского конфликта, считаю преувеличением... мировое сообщество признает отличие карабахского конфликта от других конфликтов на территории бывшего СССР... независимость Косово окажет свое воздействие на процессы урегулирования других конфликтов, однако мировое сообщество принимает соответствующие решения, руководствуясь особенностями каждого конкретного случая. Кроме того, в истории уже есть примеры применения мировым сообществом при урегулировании или предупреждении конфликтов в той или иной форме принципа права на самоопределение. Независимо от результата, только за последнее десятилетие этот вариант был использован в Восточном Тиморе, Северной Ирландии, Квебеке, Южном Судане, Пуэрто-Рико, Сербии и Черногории, др.». Видимо, не только предупредительность в отношении Китая помешала автору формулы поставить в этот ряд Макао, Гонконг и Тайвань. Тогда же советник министра обороны Армении Гайк Котанджян обратил внимание на предложение председателя парламентской ассамблеи НАТО Пьера Лелюша, известного своей крайне радикальной антироссийской риторикой, о целесообразности проведения под эгидой ООН и ОБСЕ дополнительного референдума по самоопределению Нагорного Карабаха с учетом прецедента в Косово.

Умственная операция по отделению «косовского прецедента» от «обременённых российскими интересами» Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья казалась успеш-

ной. И в конце 2005 в Женеве, на международной конференции экспертов из непризнанных государств тогдашний замминистра иностранных дел Карабаха Масис Маилян сказал: «Действительно, пример Косово может стать прецедентом для признания Нагорно-Карабахской Республики». Может быть, это балансирование на грани кавказской солидарности и избирательного *Raх Americana* и стало бы приобретением теперь уже кавказской политической мысли. Но упаковывавшая «косовский прецедент» риторика «демократических стандартов», «стандартов прежде статуса», скрывавшая контролируемый путь Косово к независимости, независимо от тех самых «стандартов», из-за нарушения и ради которых якобы и была предпринята агрессия против Югославии... риторика «стандартов», прикрывавшая оккупацию и отчленение Косово наконец была отброшена.

В ноябре 2005 года Совет безопасности ООН в руководящих принципах косовского урегулирования, наконец, «отвязал» вопрос о соответствии Косово демократическим стандартам от вопроса об определении его статуса. Спецпредставителем в Косово стал Ахтисаари. В повестку дня вошла задача срочного решения проблемы статуса, а рамки статуса уже не содержали прямой привязки к территориальной целостности Сербии и вообще не упоминали о ней. 17 ноября 2005 парламент Косово обязал своих переговорщиков исходить исключительно из необсуждаемого принципа независимости. Запад не протестовал.

Прецедент агрессии 1999 года, созревший все эти годы в процессе легитимации результатов оккупации, подошёл к своему финалу. Контроль, «ручная настройка», «внешнее управление» стали фактом. Но ловушка захлопнулась.



30 января 2006 года на совещании с членами правительства России Владимир Путин дал публичную инструкцию министру иностранных дел по статусу Косово:

*В. Путин:*... Это чрезвычайно важный вопрос для нас не только с точки зрения соблюдения принципов международного права, но и исходя из практических интересов постсоветского пространства. Все варианты предложенных решений... должны иметь универсальный характер. Для постсоветского пространства это очень важно. У нас, к сожалению, еще не все конфликты разрешены на постсоветском пространстве, и мы не можем идти по пути, согласно которому в одном месте будем применять одни принципы, а в другом — другие.

*С. Лавров:* Обязательно будем это делать, тем более что в ходе подготовительной работы некоторые наши партнеры по Контактной группе пытаются записать в документы этой группы тезис о том, что Косово — это уникальный случай и не создает прецедентов.

*В. Путин:* Уникальные для того, кто хочет обойти общие принципы международного права. Эту «уникальность» мы уже видим на протяжении последних лет в отдельных регионах мира. И к чему ведет эта «уникальность», все хорошо понимаем.

На следующий день, 31 января 2006, на пресс-конференции для российских и иностранных журналистов, отвечая на вопрос грузинской телекомпании «Мзе» («Вы вчера заявили, что решение косовского вопроса должно носить универсальный характер. А означает ли это, что в случае признания Косово Россия поддержит такого же рода

решения в отношении всех замороженных конфликтов на постсоветском пространстве, в том числе абхазского и южноосетинского?) Путин развил свою мысль: «Если кто-то считает, что Косово можно предоставить полную государственную независимость, то тогда почему мы должны отказывать в этом абхазам или южноосетинам. Я сейчас не говорю о том, как будет действовать Россия. Но мы знаем, например, что Турция признала Республику Северный Кипр. Я не хочу сказать, что и Россия тут же немедленно признает Абхазию или Южную Осетию в качестве независимых и самостоятельных государств, но такие прецеденты в международной жизни есть... нужны общепризнанные, универсальные принципы решения этих проблем».

Сербский эксперт Мирослав Йованович писал об этом: «Более чем очевидно, что Россия не согласится на то, чтобы способ решения и само решение проблемы Косово были объявлены единственным и исключительным в международной практике случаем. А это, в свою очередь, рано или поздно создало бы необходимые условия для использования подобного прецедента в процессе провозглашения независимости других спорных территорий, в частности на просторах бывшего СССР, в чем Россия весьма заинтересована... Если принять все это во внимание, то возникает справедливый вопрос, имеет ли Россия что-нибудь против самой независимости Косово как таковой. Учитывая выступления высоких российских политиков, складывается впечатление, что нет. Россия только настаивает на достижении договоренности Белграда и Приштины, на уважении к происходящему, и на тезисе,

что таким образом обретенная независимость является прецедентом в международной практике»<sup>13</sup>.

С тех пор позиция России в отношении «косовского прецедента» ни на йоту не изменилась, а иностранные исследователи русской политической мысли, по-видимому, оказались не готовы к, в общем-то, очевидному применению «прецедентного права» не только на территории Рак Americana. Последовавшие комментарии продемонстрировали серьёзный кризис того «молчаливого консенсуса» вокруг Косово, когда взаимная ложь о территориальной целостности Сербии и «стандартах» лишь прикрывала неуклонную реализацию плана, озвученного International Crisis Group.

В новых обстоятельствах советник министра обороны Армении Гайк Котанджян предпочёл вернуться назад, в то время, когда неумолимую логику суверенизации Косово ещё можно было упаковать в «незавершенность процесса косовского урегулирования» и призвал «пока воздержаться от суждений о границах применения Косовского прецедента при разрешении Карабахского конфликта. Хотя заявление президента России Владимира Путина, безусловно, заслуживает самого пристального внимания. Неоспоримо то, что для определения меры прецедентности косовского урегулирования полезен непредвзятый сравнительный анализ обоих конфликтов... Проводя политико-правовые и исторические параллели между Косовским и Карабахским конфликтами,... можно с некоторыми оговорками утверждать, что Косово, Албания и Сербия в схематическом сопоставлении, в сво-

<sup>13</sup> См. об этом: Мирослав Йованович: «Русское вето»: сербская политика между желаемым и реальным // REGNUM. 10 апреля 2007 ([www.regnum.ru/news/810621.html](http://www.regnum.ru/news/810621.html)).

их общих характеристиках могут быть соотнесены, соответственно, с Карабахом, Арменией и Азербайджаном». Котанджян стал, наверное, первым государственным служащим высокого ранга, кто в позитивном ключе сравнил идеологию объединения Армении и Карабаха с неоднократно раскритикованным и прямо запрещённым кураторами Косово проектом объединения Албании и Косово<sup>14</sup>. Впрочем, это сравнение имеет под собой самые существенные обстоятельства: идеология ирредентизма, то есть освобождения и объединения близких или идентичных этносов в рамках одного государства, не исчерпалась с объединением Германии. Это по-прежнему живо и в отношении Венгрии к румынской Трансильвании, и в отношении самой Румынии к Молдавии, и в отношении Северной Осетии к Южной, и в отношении Азербайджана к Иранскому Азербайджану.

Интеллектуальный кризис сторонников косовской «беспрецедентности» толкал их всё глубже в публичные противоречия. Традиционно развесистая и одновременно неуязвимая в своей герметичности риторика авторов косовского проекта умерла. Она уступила место редкостным по примитивности рассуждениям евроатлантических чиновников, политиков, экспертов<sup>15</sup>, в иные дни успеш-

---

<sup>14</sup> Следует отметить, что вскоре армянская сторона оставила колебания: «Мы рассчитываем на международный прецедент отделения, подобного нашему: официальное отделение Косово от Сербии...» — заявил в ноябре 2006 президент Нагорного Карабаха Аркадий Гукасян, позже, в июле 2007: «Если независимость Косово будет признана, возникнет вопрос, почему не должна быть признана независимость Карабаха».

<sup>15</sup> Один из них, российский историк Артем Улунян, подвергая сомнению «прецедентность», с присущим ему апломбом обнажил свою дремучую некомпетентность. «Есть один крайне важный, с моей точки зрения, аспект, — говорит он. — В Косово нет иностранных граждан. Там живут граждане Косово, имеющие старые югославские паспорта и документы ооновской миссии. Что же касается территорий, к которым сегодня принято примерять этот прецедент, то, за исключением Карабаха, там жи-

но апеллирующих к равенству прав и перед законом, — об «уникальности» косовского казуса, о том, что всё конфликты имеют свою историю и т. п.

Кто бы спорил: люди тоже все разные, но имеют равные права. Историческое событие тоже есть уникальный результат комбинации факторов, но всё случившееся в истории — уже прецедент. Даже столь привечаемая на Западе русофобия «новых демократий» Восточной Европы отталкивается именно от (недобросовестных, но принимаемых) ссылок на исторический опыт русского или коммунистического империализма, то есть на прецеденты, моральные страдания от которых смогут немного уменьшить, наверное, лишь требования контрибуции от современной России. Этот взбесившийся прецедент восточноевропейских националистов нисколько не умиротворяется их же собственными, но идентично исполненными под диктовку «большого брата» суждениями о «беспрецедентности» Косово. Хотелось бы посмотреть, как они будут объяснять евреям «беспрецедентность» Холокоста лишь потому, что он кем-то толкуется не как геноцид, родовая характеристика нацизма, а как уникальное следствие детских травм Гитлера. Вся борьба с фашизмом — это борьба против последствий его прецедента, самой возможности его повторений, теперь, после Холокоста обоснованно заставляющего находить в любой игре с фашизмом Освенцим. Отнюдь не случайно именно те, кто твердит об «уникальности» Косово, упорно не хотят видеть возрождённого

---

вут по паспортам иностранного государства, в данном случае России. Участие международного сообщества в косовской ситуации, с моей точки зрения, не позволяет говорить о принципе прецедентности». Улуянцу будет интересно узнать о массовом (параллельно с российским или иным) приднестровском гражданстве, о десятках тысяч абхазских граждан в Абхазии и гражданах Южной Осетии, составляющих абсолютное большинство в своей республике.

государственного ультрационализма, неонацизма и расизма в Восточной Европе, Героя современной Украины гитлеровца Шухевича.

Совсем недавно вступив в хор борцов против прецедента и ещё неловко борясь с противоречиями, официальная Украина невольно обнажает и существенные противоречия в идеологиях косовского проекта и другого трансатлантического проекта — организации ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия). Если в отношении Косово Украине рекомендовано без затей утверждать «уникальность», то в пространстве ГУАМ, то есть как раз в ландшафте потенциальных наследников универсального прецедента, Украина принуждена быть изобретательной (быть гарантом приднестровского урегулирования, претендовать на направление своих миротворцев в Абхазию, поставлять оружие) — и, страшно сказать, создавать прецедентные механизмы в отношении конфликтов. Получается абсурдно. В одни и те же дни ноября 2007 года министр иностранных дел Украины Арсений Яценюк твердил, что дело Косово уникально и неприменимо в других конфликтах, а его заместитель Андрей Веселовский от имени МИДа заявлял, что «механизмы разрешения конфликта в Приднестровье могут стать примером для других непризнанных республик — Южной Осетии, Абхазии и Нагорного Карабаха». Логика рушится, если когда и была.

Crisis Group и её последователи так аргументировали невероятную срочность и уникальность косовской независимости: нужна стабильность, а нетерпение косоваров вот-вот её нарушит — значит, надо немедленно удовлетворить требования косоваров, тем более что они априори

признаны справедливыми. Итак, стабильность? А кто угрожает ей, так или иначе воссозданной, в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии? Разве не Молдавия? Не стремительно на деньги Запада оснащающая себя наступательной инфраструктурой и профессиональными боевиками Грузия? Нетерпение? Но косовары «терпят» свою фактическую независимость всего 8 лет, в то время как терпение абхазов, осетин и приднестровцев уже приближается к двум десяткам лет. Ожесточённость бывшего конфликта? Вот глава миссии ОБСЕ в Молдавии Уильям Хилл заявил, что ситуация в Приднестровье «абсолютно несравнима с тем, что происходило и происходит в Косово... нет такой этнической и религиозной враждебности, которая есть в Косово. В Молдавии значительно легче достичь урегулирования. Поэтому не нужно будет принимать такие меры, как в Косово». А разве не крайнее, многократно задокументированное ожесточение и преступления против человечности продемонстрировали румынские националисты во время неспровоцированной агрессии в Приднестровье, грузинские националисты — в Абхазии и Южной Осетии? И если представитель ОБСЕ утверждает, что «такие меры, как в Косово» продиктованы ожесточением между сторонами конфликта, то, следуя его логике, не следует ли непризнанным государствам бывш. СССР форсировать ожесточение ради достижения независимости? Однако и Приднестровье, и Абхазия, и Южная Осетия, в отличие от Косова, — действующие мультиэтнические государства. И на эскалацию и возобновление конфликта идут не они, а Грузия, уверенная, что эта эскалация не будет поставлена ей в вину с «косовской» жёсткостью. И никакой Ахтисаари не скажет ей, что «грузины виноваты как народ», и никакой Буш не предопределит, что «независимость Южной Осетии неизбежна».

Государственный советник президента Южной Осетии Константин Кочиев дал исчерпывающее описание ситуации: «Западные посредники... всячески пытаются утвердить тезис об уникальности косовской ситуации во всяком случае, что Косово ни в коем случае не может даже рассматриваться как прецедент, имея в виду давно самоопределившиеся, но до сих пор не получившие международного признания четыре республики на постсоветском пространстве — Южную Осетию, Абхазию, Приднестровье и Нагорный Карабах. Тезис об уникальности в понимании Запада преломляется как правомерность применения двойных стандартов, которые допускают признание независимости Косово, но не должны подавать никаких надежд Южной Осетии, Абхазии или Приднестровью. Для объяснения этого подхода изобретаются самые причудливые и странные аргументы. Все эти аргументы лежат вне правовой плоскости, вроде того, что уровень взаимной неприязни между сербами и албанцами настолько высок, что о совместной жизни не может быть и речи, тогда как по отношению к Южной Осетии те же люди исходят из принципа «стерпится — слюбится». Получается, что осетинам, исходя из такой логики, следовало устраивать этнические чистки и брать курс на строительство моноэтнического государства?..«Уникальность» критерием быть не может по определению... Прецедент возникнет неизбежно; запреты даже думать об этом никого не остановят, сработают те же архетипы сознания, которые легли в основу англосаксонской модели прецедентного права, восходящего к древним варварским правдам. Весьма странно, кстати, что толкуют об уникальности Косово в плане возможности его признания именно представители англосаксонской правовой культуры, которые



с молоком матери впитывают соответствующее правосознание, основанное на прецедентах»<sup>16</sup>.

Итак, созданный Соединёнными Штатами статус Косово прецедентен, как прецедентно любое историческое событие, и универсален, как универсально любое правовое решение. Его масштабное влияние неизбежно. Любое решение судьбы реально существующего Косово — ловушка для Запада. Потому что не только вся история легитимации Косово, но и любой будущий официальный статус Косово для постсоветского пространства, как и для всех, кто ищет себя на пути независимости, — перспектива, несовместимая с единством метрополий. На деле — это такой масштаб официальных полномочий и прав, которые, будучи в истекшие годы реализованными лишь неофициально, уже разрушили Молдавию, Грузию и Азербайджан. Теперь, как отметил один молдавский интернет-журнал, как бы ни был решён приднестровский (косовский, абхазский, осетинский, карабахский) вопрос, прежней Молдавии (Сербии, Грузии, Азербайджана) уже не будет никогда.

*Ноябрь 2007*

---

<sup>16</sup> Неправовой и несправедливый смысл «уникальности» очевиден, конечно, и для сербов. Весной 2007 года премьер-министр Сербии Воислав Коштуница подчеркнул: «Сербия не может быть исключением из правил. На это представители некоторых европейских стран заявили, что случай Косово — уникален. Любая страна — уникальна, но правила и законы, применяемые к уникальным странам должны быть универсальными».

## **«Ближнее зарубежье» новой России и «задний двор» США**

### ***1. Империализм и «ближнее зарубежье»: Россия, Польша, Литва***

Что-то случилось. На территории бывшего СССР, состоявшей последние 20 лет на принудительном карантине, «больных» становится меньше, но «врачей» — всё больше. Россия выздоравливает, но именно её хочет «сдерживать» ... «санитарный кордон» ... «ближнего зарубежья»: и врачами над ней поставлены постсоветские пациенты. Их собственные истории болезни едва исследованы, у каждого по-прежнему фантомные боли и галлюцинации. Но наука бессильна. Приезжий ревизор мечется: став заложником своих практикующих пациентов, он торопится придать хоть какой-нибудь смысл своему карантину, пока его выпускники не передрались между собой.

В 1990-е годы карантин должен был предотвратить ядерную катастрофу, поставив советский ядерный потенциал под внешний контроль, но теперь, в годы 2000-е, он претендует остановить выздоровление России, поставив

саму её географию под контроль новых национальных государств, ставших транзитными инструментами «сдерживания России». На смену цивилизаторской риторике и её орудиям («экспорт демократии», «гуманитарная агрессия») приходит антирусский национализм и его новые лица («историческая политика», «покаяние русских за наш коммунизм»), в которых уже мало чего от европейских ценностей и всё больше фашизма. И прикладное сопротивление России «гуманитарной агрессии» превращается в историческую борьбу против параноидального национал-социализма. В этом — наша историческая связь с борьбой СССР и союзников против Гитлера и его сателлитов; в этом — исторический тупик наших бывших союзников, вынужденных бессильно смотреть на реабилитацию гитлеровцев в Центральной и Восточной Европе.

Антигитлеровские союзники СССР сначала создали новой России её новое «ближнее зарубежье», а затем населили его гитлеровскими сателлитами. Зачем?

\*\*\*

Почему современная Литва так неожиданно активна на территории бывшего СССР? Исходя только лишь из её собственных экономико-политического потенциала или интересов, нельзя объяснить её «посредническую активность», например, на Украине 2004-го или в Грузии 2008-го — в дни, когда клан евроатлантистов там либо шёл к власти, либо защищал свою власть. Консультативная деятельность Литвы в отношении её мифического «соседа» Грузии — как бы нас ни уверяли в обратном — отнюдь не похожа на её собственную инициативу. Она целиком

умещается в практику использования стран Прибалтики Соединёнными Штатами, Европейским Союзом и НАТО в качестве инструмента евроатлантического поглощения Закавказья<sup>17</sup> как своего нового «ближнего зарубежья», своего «нового соседства», «расширенной Европы»<sup>18</sup> или «3+3»<sup>19</sup>.

Но вот в отношении Украины мотивы Литвы переплетаются с её собственными фантомами. Эти фантомы носят идеологический и исторический характер. Литва как серд-

---

<sup>17</sup> А также остальных стран бывшего СССР. В противоположность этому, в современной государственной практике России страны Прибалтики и СНГ ведомственно почти абсолютно разделены.

<sup>18</sup> О применении ряда псевдонимов, аналогичных EU's Near Abroad (virtual enlargement of EU — New Neighbourhood — Wider Europe) к Закавказью, см. речь замминистра иностранных дел Армении, экс-посла Армении в США Рубена Шугаряна в Мичиганском университете (Детроит) 22 октября 2004: Rouben Shugarian. From the Near Abroad to the New Neighborhood... The South Caucasus on the Way to Europe. A few Connotations of the Black Sea Context // [www.armeniaforeignministry.am/speeches/041022\\_shugarian\\_michigan.html](http://www.armeniaforeignministry.am/speeches/041022_shugarian_michigan.html)

<sup>19</sup> В ответ на предложенную Ираном региональную схему «3+3» (Россия, Иран, Турция + Азербайджан, Грузия, Армения) в 2003–2006 гг. евроструктуры, ведомые администрацией Дж. Буша-младшего, предприняли попытку выстроить ещё более умозрительный — свой трансрегиональный проект «3+3» (Литва, Латвия, Эстония + Грузия, Армения, Азербайджан), но он (так же как и другая «инициатива» Литвы — «вильнюсская десятка») провалился. Слишком непреодолимы и неожиданны оказались для его авторов взаимная ревность прибалтийских стран и, главное, глубина противоречий между Арменией и Азербайджаном, перед лицом которых даже показное единство прибалтийской тройки было неуместным. С тех пор прибалтийские страны по очереди, в индивидуальном порядке, но синхронно, по единому и типовому плану, выполняют роль евроатлантических «тьюторов» в отношении стран Закавказья — на формально двухсторонней основе. См. об этом: Виктор Ольжич: Геополитические претензии Литвы: механизм и истоки нового вызова России // REGNUM. 4 октября 2003 ([www.regnum.ru/news/164051.html](http://www.regnum.ru/news/164051.html)); Армения об интересах Литвы на Южном Кавказе: Интервью замминистра иностранных дел Армении Рубена Шугаряна // REGNUM. 29 сентября 2003 ([www.regnum.ru/news/161275.html](http://www.regnum.ru/news/161275.html)); Прибалтийско-Южнокавказскому «3+3» помешала болезнь Гейдара Алиева: интервью посла Литвы в Армении Римантаса Шидлаускаса // REGNUM. 29 мая 2004 ([www.regnum.ru/news/269049.html](http://www.regnum.ru/news/269049.html)); Прибалтика + Южный Кавказ: Саакашвили уверен, Кочарян колеблется // REGNUM. 22 октября 2004 ([www.regnum.ru/news/347243.html](http://www.regnum.ru/news/347243.html)); Виктор Ольжич: Геополитика Вильнюса: почему Литва соглашается с лидерством Украины в регионе? // REGNUM. 6 сентября 2005 ([www.regnum.ru/news/508221.html](http://www.regnum.ru/news/508221.html)).

це средневекового Великого княжества Литовского (ВКЛ, где собственно литовские земли занимали одну десятую часть, а остальные были восточнославянскими) наравне с Москвой стала центром государственной консолидации восточного славянства в XIV–XVI веках, объединяя территории от Балтики до горловины Чёрного моря (между Днестром и Днестром), от Гродно до Ржева и Тулы. И даже простые современные русские учебники отдают должное государственной, языковой и религиозной терпимости ВКЛ. Но всё это было принесено на алтарь объединённой польско-литовской Речи Посполитой, доведя уже не только «внутренние» литовские, но и «внешние» польские претензии до Чёрного моря и Москвы, от которых Речь Посполитая отказалась, только утратив свою государственность.

Не случайно именно Польша и Литва, апеллируя к своим фантомам, так навязчиво стремились стать «адвокатами» Украины в Европе, пока Украина не выработала прямых связей с Брюсселем и Вашингтоном. Современная Польша ещё более активна на территории бывшего СССР, чем Литва. Отнюдь не только потому, что до сих пор помнит себя жертвой Российской империи и СССР, лишивших её (формальной или фактической) независимости (об участии в этих разделах и аннексиях Пруссии, Австрии, Германии говорить не принято много), но и потому, что самой Польше хорошо знакомы имперский опыт, постимперское «чувство ответственности» за соседей, собственное понимание «ближнего зарубежья», за поляков бывшего СССР, с марта 2008 года получивших в Польше значительные льготы — потому, что, как подчёркивает нынешний президент Польши Лех Качиньски, они «в результате послевоенного сдвига границ на запад

оказались за рубежами родины». Подчеркивает и объясняет: «Часть моей семьи происходила с территории бывших восточных рубежей Польши (пол.: «dawnych kresów Rzeczypospolitej»; бел.: «даўніх польскіх Крэсаў»; укр.: «колишніх східних окраїн Речі Посполитої»; лит.: «buvo Lenkijos»<sup>20</sup> pasienio». — М. К.), и поэтому судьба соотечественников на востоке — тех, кто никогда не отрекся своей родины, но кто из-за изменения границ перестал быть ее гражданами, мне особенно близка»<sup>21</sup>.

Если северо-западные, немецкие границы были традиционной целью национального освобождения, то на свои литовские, белорусские и украинские пределы Польша прямо смотрела и смотрит как на утраченные в вековой борьбе с Россией и СССР колонии, «имперские» территории, в которых господство польской метрополии имело этническое, политическое, классовое, культурное и экономическое измерение. Если длить популярную сегодня аналогию, то для Польши Литва и особенно её столичный Виленский край — это уже 70 лет как утраченное Косово, часть государственной ойкумены — польско-литовской Речи Посполитой, там, где лежит сердце последнего польского абсолютного вождя Юзефа Пилсудского. Неудачливый соперник Польши в советско-польской войне 1920 года, Лев Троцкий хорошо чувствовал, что в основе начатой поляками войны лежало и их желание присоединить Киев (бывший частью Речи Посполитой не более чем до 1654 года), и внятное представление о своей

---

<sup>20</sup> Примечательно, что в этом экспортном варианте для Литвы даже исторически общая для неё и Польши Речь Посполитая бескомпромиссно и монополично именуется «Польшей».

<sup>21</sup> «Карта поляка»: [www.poland.gov.pl/Karta\\_Polaka](http://www.poland.gov.pl/Karta_Polaka), 2532.html. Здесь же опубликованы официальные переводы польского оригинала на русский, белорусский, украинский и литовский языки.

цивилизаторской миссии: «Пилсудский воюет не только за земли польских магнатов на Украине и в Белоруссии, не только за капиталистическую собственность и католическую церковь, но и за парламентарную демократию, за эволюционный социализм»<sup>22</sup>.

Итак, в видимом из России фундаменте современной польской идентичности лежат: (1) традиционный культурно-исторический мессианизм по отношению к «диким сарматам»; (2) государственная идеология, построенная на исторических претензиях к соседям (германская «историческая политика», импортированная в Польшу и подхваченная на Украине); (3) философия мягкого империализма, твёрдо выраженного в имени «кресы» (*kresy*, окраины)<sup>23</sup>, под которым польская традиция понимает Литву, Белоруссию и Украину (на востоке), воссоединённую часть немецкой Польши (на севере и западе). Само сравнение восточных и западных «кресов» однозначно говорит о том, что «восточные окраины» понимаются как «недовоссоединённые» земли Польши<sup>24</sup>. В этом кон-

<sup>22</sup> Л. Д. Троцкий. «Терроризм и коммунизм» (29 мая 1920).

<sup>23</sup> Несмотря на понятный аналог в русском языке на *Kresach* — на Украине, нейтральный перевод — именно «окраины». *Kresy Wschodnie* (восточные окраины) включали в себя литовские и славянские земли до Риги, Ржева, Гомеля и южнее — границы Дикого поля, выход в Чёрное море между Днепром и Днестром; *Kresy Zachodnie* (окраины западные) — Гданьское Поморье, Горную Силезию и др. — сегодня входящие в состав Польши. См.: Stanisław Kolanowski. *Kresy Wschodnie // Nieruchomości* С. Н. Beck: Prawo. Podatki. Praktyka. 2006. Numer 9 ([www.nieruchomosci.beck.pl/index.php?mod=martykuly&cid=16&id=1004](http://www.nieruchomosci.beck.pl/index.php?mod=martykuly&cid=16&id=1004)).

<sup>24</sup> Нельзя сказать, что такое использование имени «окраин» специфически польское. Например, московское издательство «Новое литературное обозрение» включило в проект своей серии «Окраины Российской Империи» описание не только Польши, Украины, но и Северного Кавказа, Сибири. Понятно, что такое уподобление внутренних национальных или географических регионов России независимым государствам питается сугубо политическим пафосом, но противоположным польскому: а именно пафосом утверждения не былого единства, а дальнейшего раскола страны.

тексте красноречиво звучит эпизод переговоров министра иностранных дел Польши Юзефа Бека с Гитлером в январе 1939 года, когда одним из условий своего вступления в антитовский союз с Германией Польша назвала приобретение Украины и выхода к Чёрному морю. Бек разъяснил Гитлеру: ««Украина» — это польское слово и означает «восточные пограничные земли». Этим словом поляки вот уже на протяжении десятилетий обозначали земли, расположенные к востоку от их территории, вдоль Днепра»<sup>25</sup>. Создаётся впечатление, что и сегодня именно бывшие польские «кресы», а не сама Россия, остаются в центре внимания российской политики Польши<sup>26</sup>.

Один из недавних руководителей МИДа Польши (2000 – 2001) историк Владислав Бартошевский адресовал России вполне откровенное пожелание: «Существует не-

---

<sup>25</sup> Год кризиса: 1938 – 1939. Документы и материалы в 2-х тт./МИД СССР. М., 1990 (документ 102).

<sup>26</sup> В официальном представительском издании МИД Польши и Национальной библиотеки Польши — ежедневнике «2008: A Commonwealth of Diverse Cultures: Poland's Heritage/Rzeczpospolita wielu kultur: Dziedzictwo polskie» («2008: Содружество многих культур: Польское наследие») проведена прямая аналогия между традиционно переводимой как «республика» Rzeczpospolita (здесь же этот перевод используется в применении к полному названию МИД Польши) и его постимперским толкованием в качестве «содружества». Издание составлено из культурных «коллекций» (источников) польского содружества: итальянской, немецкой, французской, литовской, армянской, еврейской, исламской. Однако «кириллическая коллекция» (белорусской, украинской, русской культур) «денационализирована» и демонстративно названа по территориальному признаку: «коллекция восточных окраин (kresów)».

*Примечание 2009 года:* 15 июля 2009 года Сейм Польши принял резолюцию «О трагической судьбе поляков на Восточных Кресах»: «В июле 2009 года исполняется очередная, 66-ая годовщина начала антипольской акции — массовой резни, которые носили характер этнических чисток и геноцидальные наклонности, совершенной Организацией Украинских националистов и Украинской повстанческой армией на Кресах Второй Речи Посполитой.... Трагедия поляков на Восточных Кресах второй Речи Посполитой должна быть восстановлена в исторической памяти современного поколения. Это задача для всех властей во имя лучшего будущего для наших народов и понимания народов нашей части Европы, особенно поляков и украинцев».



кий общий знаменатель: понимание стремлений соседа... На обогащение содержания наших отношений должно влиять беспристрастное, рациональное толкование... факта образования в непосредственном соседстве с Польшей новых государств: Беларуси, Украины и Литвы. Их независимость является неотъемлемой частью политического ландшафта Европы»<sup>27</sup>. Очевидно, что историк-дипломат не столько удерживает Россию от отрицания независимости названных стран (что выглядит просто глупым подозрением), сколько обозначает особую роль Польши в качестве главного гаранта независимости и покровителя её бывших «кресов» (что выглядит постимперским экспансионизмом). Надо признать, что Бартошевский был очень прогрессивен, ибо его непосредственный предшественник во главе МИДа Польши (1998 – 2000), историк Бронислав Геремек не ограничивал территорию польской миссии «кресами». Он говорил: «Если Польша хочет выполнить свою роль и быть полезной для мира и Европы, она должна заботиться об определенном уровне знаний о России». Удивительно: одно дело, когда национальные политики предлагают России себя в качестве «моста» между нею и Западом: Латвию, Украину, даже Эстонию. Но как географически объяснить предложения «моста» между Россией и Западом, звучащие со стороны, например, Литвы или Польши (или Молдавии), непонятно. Непонятно, если не замечать, что посреднические функции традиционно понимаются ими как функции оценки и надзора. Их нерастраченное «бремя белого человека» ищет себе применения.

Идеолог современной российской власти, более чем многие испытывающей на себе акты такого миссионерства,

<sup>27</sup> Владыслав Бартошевски. Польско-российские отношения (взгляд из Варшавы) // Современная Европа. Апрель – июнь 2001. Вып. 2.

свидетельствует: «Рассказы о том, что нынешнее беспрецедентное давление на Россию вызвано недостатками нашей демократии — вздор, глупость. Гораздо умнее разглядеть за этими разговорами иные причины и цели — контроль над природными ресурсами России через ослабление ее государственных институтов, обороноспособности и самостоятельности. Но и это будет некоторым упрощением. Вот что пишет современный исследователь проблем идентичности Ивэр Нойманн: «Безотносительно к тому, какие социальные практики приобретали важность в тот или иной период (религиозные, телесные, интеллектуальные, социальные, военные, политические, экономические или какие-то иные [добавим от себя — демократические]), Россия неизменно рассматривается [Западом] как аномалия». И добавляет: «Поскольку исключение — это необходимая составляющая интеграции, возникает соблазн подчеркивать инаковость России ради интеграции европейского я». Все, что мы сейчас видим в реальной политике, все эти расширенные НАТО, средства ПРО, которые надо обязательно размещать, это, конечно, во многом сделано для консолидации западной и центральной Европы вокруг одного, кстати, внеевропейского центра. А для этого нужен миф о каком-то неблагонадежном элементе на окраине, о варварах, которые ходят вдоль границы и издали покачивают своими азиатскими кулаками»<sup>28</sup>.

Примечательно, что именно «новая Европа», оснащённая всеми своими советскими комплексами, становится обоюдоострым орудием евроатлантической консолидации: и на Запад, и на Восток. Не удовлетворившись локальной задачей приведения стран Закавказья к евроатланти-

---

<sup>28</sup> Владислав Сурков. «Русская политическая культура. Взгляд из утопии» (июнь 2007).

ческим стандартам<sup>29</sup>, Литва стала соперничать с Польшей на вразумлении постсоветского пространства и России в целом. Апогеем этих претензий стали мероприятия мая 2006 года в Вильнюсе, посвящённые «единому видению общего соседства», в которых приняли участие первые лица Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, Украины, Молдавии, Болгарии, Румынии, Армении, Грузии, Азербайджана, вице-президент США Дик Чейни и верховный представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности Хавьер Солана, — то есть все европейские республики бывшего СССР (в том числе — остро враждующие), страны, ожидавшие вступления в ЕС (Болгария и Румыния), и их кураторы. Хотя официально Вильнюсские сборы были посвящены внутренним делам их участников — умозрительному «региональному сотрудничеству стран Черного и Балтийского моря» — однако их главной темой стало «продвижение демократии на Восток», в Россию и Белоруссию.

Предоставив свою столицу для демонстрации нового «санитарного кордона», президент Литвы Валдас Адамкус доверительно признался коллегам, что «опасность возникновения новых «железных занавесов» остается по сей день, и в ближайшем соседстве с Литвой есть страны, избегающие демократических изменений» ... однако нет таких стен и таких дверей, которые демократия не смогла бы преодолеть, следует объединить свои усилия и создать единую и свободную Европу «от Адриатики до Каспия» и т. п.<sup>30</sup>

<sup>29</sup> В феврале 2005 года на организованной США и МИД Литвы конференции стран «3 + 3» глава МИДа Литвы Антанас Валёнис прямо признал, что адресуется к Закавказью не по собственной инициативе, а вместе «с Европой и американскими партнерами».

<sup>30</sup> Президент Литвы: Создадим единую и свободную Европу от Адриатики до Каспия // REGNUM. 4 мая 2006 ([www.regnum.ru/news/634673.html](http://www.regnum.ru/news/634673.html)).

Неправительственная группа поддержки участников форума была ещё откровеннее: «Силы притяжения Европы, возможно, не хватит, чтобы компенсировать исходящую от России силу принуждения. Чтобы ясно заявить свою волю и интересы на востоке Европы, Евроатлантическому Сообществу необходима новая смелая программа действий... ЕС необходимо разработать более смелую, более последовательную и согласованную внешнюю политику и политику безопасности по отношению к восточной части Европы до того, как это станет «слишком поздно». ЕС нужно создать активную политику развития демократии, а также адекватные инструменты для оказания прямой и гибкой поддержки демократическим образованиям и гражданским обществам в Восточной Европе»<sup>31</sup>. Столь возбуждённая (хотя и возбуждённая по заранее согласованному плану<sup>32</sup>) воинственная риторика вождей и общественников была бы, по преимуществу, пуста и условна, если бы её прикладную, техническую, инструментальную суть не раскрыл в своей вильнюсской речи хозяин — вице-президент США: «Россия никого не должна бояться,

---

<sup>31</sup> «Старым и новым демократиям следует приложить все усилия, чтобы Россия и Белоруссия шагали с ними в ногу». Полный текст декларации Форума неправительственных организаций // REGNUM. 4 мая 2006 ([www.regnum.ru/news/634660.html](http://www.regnum.ru/news/634660.html)).

<sup>32</sup> «Выводы конференции были заранее запрограммированы»: Интервью российского участника международной конференции «Общее видение общего соседства» // REGNUM. 15 мая 2006 ([www.regnum.ru/news/639789.html](http://www.regnum.ru/news/639789.html)): «В кулуарах представители Германии и Скандинавских стран... подчеркивали, что на форуме доминируют США... Представители американских организаций проводили консультации с делегациями Молдавии, Грузии, Украины, прибалтийских стран, Белоруссии.... выводы конференции были заранее запрограммированы. И я думаю, что упоминание непростой ситуации с демократией в Грузии и Азербайджане также связано с американскими интересами в этих регионах. В принципе, это продемонстрировала и последовавшая сразу за форумом поездка Дика Чейни в Казахстан, где он ни слова не сказал о ситуации с демократией, зато много говорил о том, как можно транспортировать нефть и газ в обход России».

должна перешагнуть через давние обиды... Никто из нас не думает, что Россия должна быть врагом».

Была ли Литва жертвой этой новой «фултонской речи», прямо соединившей интересы военно-политической экспансии США в «ближнем зарубежье» России с угрозой объявления её «врагом»? Думается, нет. Литва, в отличие от других участников вильнюсского саммита, потому с особым усилием послужила «новому Фултону», что её собственный исторический опыт был переосмыслен ею как своеобразный «демократический империализм», для которого даже многие демократические коллеги по саммиту были не участниками, а объектами воспитания. Самые свежие данные из политической биографии президента Литвы убеждают нас в этом.

8 января 2008 года Валдас Адамкус выступил в МИДе Литвы о целях внешней политики так: «У нас славная история, охватывающая регион вплоть до Черного моря, где до сих пор звучит имя Литвы... Мы будем не только распространять свою культуру за рубежом, но и упрочивать распространение демократии». А в конце января 2008-го он заявил: «Возникает вопрос, не является ли резкое финансовое возрождение для нового руководства России стимулом вернуться к «холодной войне»... Это историческая проблема... Россия хочет доминировать и диктовать». Пресс-секретарь президента Литвы разъяснила его слова: «Литва живет по соседству с Россией, и долг Литвы — предупредить о возможной опасности»<sup>33</sup>. Вновь приходится

---

<sup>33</sup> США назвали литовскую критику России «вздором»: Литва за неделю // REGNUM. 25 января 2008 ([www.regnum.ru/news/fd-abroad/litva/948092.html](http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/litva/948092.html)): В отсутствие вице-президента Дика Чейни, госсекретарь США Кондолиза Райс дезавуировала подозрения об очередной «заказанности» литовского радикализма: «Последние разговоры

удивляться, что польско-литовская страсть к достижению Чёрного моря почему-то видит своим противником именно Россию, а, например, неизбежной транзитной Украины на пути этой «балтийско-черноморской» экспансии — для этой страсти нет в природе.

Точно так же для самих польско-литовских «кресов», Белоруссии и Украины, такой метрополии и, значит, её столь натужно педалируемых инстинктов просто не существует. Для Украины «країни ближнього зарубіжжя» — это, как правило, страны СНГ или даже бывшего СССР (Грузия, Казахстан, Латвия и Эстония, но не Литва). Так что даже нечастое включение Польши и Румынии<sup>34</sup> в круг украинского «ближнего зарубежья» следует признать особым геополитическим прогрессом. «Ближнее зарубежье» (или: «сфера непосредственных интересов»<sup>35</sup>) политической Белоруссии географически просто и прагматично: Украина, Литва, Латвия, Россия, с расширением на СНГ. Но и оно не оставляет места для Польши. Польши в белорусском «ближнем зарубежье» тоже нет.

Глядя на такую прохладную в отношении исторических галлюцинаций Варшавы и Вильнюса символическую географию Белоруссии и Украины, хочется напомнить

---

о новой «холодной войне» — преувеличенный вздор (hyperbolized nonsense).

<sup>34</sup> Например: Рішення по секції № 4 «Інформаційні системи і технології в економіці» Третьої міжнародної науково-практичної конференції «Проблеми впровадження інформаційних технологій в економіці» м. Ірпінь, Академія ДПС України, 15–17 травня 2002 р. // [http://nc.ufeі.ukrsat.com/kyrsi%202002/richenia%20sekcija\\_4.htm](http://nc.ufeі.ukrsat.com/kyrsi%202002/richenia%20sekcija_4.htm); см. также: <http://www.liveinternet.ru/users/1552162/post50501367>; <http://vip.lviv.ua/?p=237>.

<sup>35</sup> «Приоритеты и направления внешнеполитической деятельности» на сайте президента Белоруссии А. Г. Лукашенко: <http://president.gov.by/press46194.html#doc> (то же — на сайте МИДа: [www.mfa.gov.by/ru/foreign-policy/general/fe66ec1c5bfac5c0.html](http://www.mfa.gov.by/ru/foreign-policy/general/fe66ec1c5bfac5c0.html)).

президенту Литвы стихи литовского классика, обращённые к князю-основателю ВКЛ:

*Призовите Витовта  
от Черного моря  
поворотить коня,  
к душе обернуться...*

*Призовите Витовта:  
наша кровь не желает  
течь вслед за ним  
до Черного моря*<sup>36</sup>.

Очевидно, что, превратив общую (в целом позитивную) для литовцев, русских, украинцев и белорусов историческую память о ВКЛ во второстепенный инструмент политической экспансии США, современный литовский политический класс фактически изменил и своей собственной истории.

★ ★ ★

Апелляция к своему историческому опыту как «естественному праву» на эксклюзивное знание России и правил борьбы против её «доминирования» — вот суть претензий стран Прибалтики на евроатлантическое «воспитание» Закавказья, а Прибалтики плюс ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия) — на такое же «воспитание» Средней Азии и Казахстана<sup>37</sup>. Получается, что вне этой эк-

---

<sup>36</sup> Юстинас Марцинкявичюс. «Витовт: ВКЛ» (Justinas Marcinkevičius. LDK). Перевод с литовского Георгия Ефремова.

<sup>37</sup> См., например, посещение Бишкека главами МИД Украины и Грузии со специальным

спертизы у евроатлантических «новых соседей» попросту нет никакого другого исторического единства и политической роли? И единственная их современная задача — «миссионерское знание» о России?

Но кто, собственно, выступает заказчиком этого «знания» — ведь, как бы ни был значим личный советский опыт постсоветского (национал-коммунистического) политического класса стран бывшего СССР, вряд ли прикладная наука о России в США<sup>38</sup>, Великобритании или Германии нуждается в переводчиках. Значит, главная их профессия — не знание, а соседство.

Впрочем, не всякое соседство равно паразитизму. Быть самосознающей свои возможности и интересы транзитной державой, коммуникационными, морскими или трубопроводными воротами большой соседки — большая удача (мало кто отказался бы получить в наследство от СССР готовую транспортную инфраструктуру: ведь известно, что норма прибыли у того, кто распределяет, всегда выше нормы прибыли производителя).

Но судьба нового «ближнего зарубежья» ЕС и России содержит в себе гамму искушений. Новая государственность выбирает себе новый миф: миф оказывается новым изданием агрессивного национализма, уже проявившего себя либо классической межвоенной европейско-азиатской диктатурой, либо прямым европейским фашизмом.

---

посланием: Совместное обращение Ющенко и Саакашвили к киргизам // REGNUM. 31 марта 2005 ([www.regnum.ru/news/430970.html](http://www.regnum.ru/news/430970.html)).

<sup>38</sup> Практическая советология в США создана не в последнюю очередь такими выходцами из Польши, как Ричард Пайпс и Збигнев Бжезинский, а создала таких государственных деятелей, как нынешний министр обороны и экс-директор ЦРУ Роберт Гейтс и госсекретарь Кондолиза Райс.



Вместо того чтобы в первых актах своей «исторической политики» покаяться перед жертвами своих собственных диктатур или жертвами союзного им гитлеризма, эти «новые национализмы» требуют от другой жертвы, от России, покаяния и контрибуции. Можно назвать эту политику «исторической», но считать её «политикой ценностей» не поворачивается язык, ибо в багаже этих ценностей — полицейский национализм и диктатура. В любом случае это не политика собственных соседских интересов, соседского мира и солидарности.

Это — политика плацдармов («непотопляемых авианосцев»), в которой в принципе не может быть собственных позитивных интересов. Но есть место для нового издания их старого, мелкого, тщедушного империализма.

За двадцать лет до падения СССР, когда об этом грядущем падении говорили только отщепенцы и сумасшедшие, известный советский диссидент Андрей Амальрик выступил с пророческим прогнозом о механике и последствиях исчезновения СССР. Он писал: «СССР, следуя сталинской политике территориальной экспансии и усиления напряжения, максимально расширил сферу своего влияния и тем самым создал для себя потенциальную угрозу. Поскольку существующее сейчас положение в Европе поддерживается только постоянным давлением Советского Союза, то можно полагать, что, как только это давление ослабеет или вообще сойдет на нет, в Центральной и Восточной Европе произойдут значительные изменения... По-видимому, воссоединение Германии совпадет с процессом «десоветизации» восточно-европейских стран и значительно ускорит этот процесс. Трудно сказать, как он пойдет и какие формы примет, ... однако приведет, очевидно, к национал-комму-

нистическим режимам, для каждой страны представляющим своего рода подобие докоммунистического режима. ...«Десоветизированные» восточноевропейские страны помчатся, как конь без узды, и, видя бессилие СССР в Европе, предъявят незабытые, хотя и долго замалчиваемые территориальные претензии: Польша — на Львов и Вильнюс, Германия — на Калининград, Венгрия — на Закарпатье, Румыния — на Бессарабию. Не исключена возможность, что также Финляндия предъявит претензии на Выборг и Печенгу. Очень вероятно, что по мере все большего увязания СССР в войне, также Япония предъявит территориальные претензии сначала на Курилы, затем на Сахалин, а потом, если успехи будут одерживать Китай, то и на часть советского Дальнего Востока...»<sup>39</sup>.

## *2. «Ближнее зарубежье» России и «задний двор» США*

Среднеарифметическое мнение Запада и его сателлитов традиционно обвиняет современную Россию в экспансионизме и попытках доминирования в бывших республиках СССР<sup>40</sup>. Чем уверенней внешняя по-

---

<sup>39</sup> Андрей Амальрик. «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» (1969).

<sup>40</sup> Хотя даже проведенные социологами, заявившими себя сторонниками ЕС и критиками власти в России, в 2006 г. по заказу немецкого Фонда имени Фридриха Эберта исследования (анкетный опрос 2.389 человек в основных географических зонах России, в городах и районах) демонстрируют антиимперский консенсус абсолютного большинства населения России. По их данным, лишь 18% опрошенных уверены, что жители бывш. СССР хотят, чтобы Россия «вновь взяла их под своё крыло», лишь 14% полагают, что Россия «традиционно имеет право на вмешательство во внутреннюю политику бывших республик СССР», лишь 18% считают, что новое объединение в СССР необходимо и реально, и т. п. (Д. И. Петросян, И. В. Свинцов. Россияне и соседние народы: равноправие и добрососедство или постимперский синдром // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. № 23. Современная Россия и мир... Барнаул, 2007. С. 104–109). А, например, жители Литвы — «согласно последнему опросу населения,

литика России, тем жёстче обвинения. Есть ли у этих обвинений реальные основания — обвинителей не волнует. И не только потому, что честное исследование — не их задача, а и потому, что в их кратком политическом букваре о России и её соседях уже всё написано. И написано до предела просто: в своём сопредельном «ближнем зарубежье» Россия крайне уязвима, и поэтому над ним необходимо установить военно-политический, экономический и коммуникационный контроль Запада. Когда западные прагматики соглашаются, что у России есть-таки в «ближнем зарубежье» законные интересы, сопутствующие им радикалы даже в имени «ближнего зарубежья» находят генетический русский империализм. При этом нейтральное *near abroad* (ближнее зарубежье) всё чаще подменяется историческим именем *backyard* (задний двор), в самой философии которого проступает вовсе не российская история и русский империализм.

Что же конкретно написано в их политическом букваре о России? Как известно, прописными истинами чаще всего обладают политологи, журналисты и политические ученики. Вот что пишут учебники: «Существует вполне очевидная закономерность в расчетливой конфронтации Владимира Путина с Западом. Её можно описать в виде трех концентрических кругов, расходящихся в стороны от Москвы. Внутренний круг ограничен российской территорией, куда США и Европе доступ закрыт. Внешний круг охватывает более удаленные реги-

---

проведенному компанией Fonitel по заказу еженедельного аналитического журнала *Veidas*... Россия является фактически единственным враждебным государством для литовцев». А «самым дружественным» назвал Россию только 1% (REGNUM, 19 октября 2007: [www.regnum.ru/news/902247.html](http://www.regnum.ru/news/902247.html)).

оны, и в их отношении Кремль допускает возможность сотрудничества. Средний круг очерчивает опасную территорию постсоветского пространства. И здесь амбиции путинской России лоб в лоб сталкиваются с интересами и ценностями Запада». Это «то географическое и политическое пространство, которое некогда занимал Советский Союз... Здесь Россия самоутверждается — и Запад должен проявить на этом пространстве больше решимости. Стратегия Путина вполне понятна: вытолкнуть Запад из российского ближнего зарубежья (*near-abroad*). (...) Россия не может восстановить советскую империю. Но она, по мнению Путина, может воссоздать неформальную гегемонию» (*The Financial Times*)<sup>41</sup>.

«Кто она: новая имперская держава, стремящаяся господствовать над более слабыми соседями, либо постимперское государство, защищающее свои законные интересы?.. Сегодняшняя европейская реальность — это новое восхождение Москвы как угрозы для соседних стран, как крупного, но недружественного и ненадежного игрока на политической арене...» (Центр либеральных стратегий, София)<sup>42</sup>. «Российские власти, которые постоянно страдают от синдрома «осажденной крепости», так резкоотреагировали на планы по размещению элементов противоракетного щита в Европе, потому что хотят вернуть свое влияние на «задний двор» (*arrière-cour*) и не желают, чтобы этот регион оказался в сфере влияния Запада»

---

<sup>41</sup> Philip Stephens. The west must resist Putin's claim on the old Soviet space // *The Financial Times*. November 22, 2007.

<sup>42</sup> Иван Крастев. Россия как «другая Европа» // *Россия в глобальной политике*. 2007. № 4 (Июль-Август).

(Le Figaro)<sup>43</sup>. «Россия хочет восстановить свое влияние в постсоветском «ближнем зарубежье» (near abroad)» (The Guardian)<sup>44</sup>. Россия по-прежнему предъявляет претензии на своё эксклюзивное влияние в «ближнем зарубежье» (Nahe Ausland)<sup>45</sup>.

А вот — ученики, стремящиеся говорить на учительском языке. Нынешний премьер-министр Украины Юлия Тимошенко: «Россия... унаследовала неприкрыто имперские традиции... традиционный российский экспансионизм и стремление вернуть себе великодержавный статус в ущерб интересам соседних стран... На руинах СССР возникло одно мощное государство и целый ряд небольших и беззащитных... Большая и сильная Германия — независимо от режима, существовавшего в Берлине, — представляла угрозу для малых и слабых государств, граничивших с ней на востоке. В дипломатии главное — сам вес государства, а не умонастроения тех, кто им распоряжается... Границы сегодняшней России, образовавшейся в результате «ропуска» СССР 25 декабря 1991 г., не имеют исторических прецедентов. Соответственно, Москва не жалеет усилий для восстановления политического влияния на территории бывшей империи, если не контроля над нею»<sup>46</sup>. Нынешний президент Грузии Михаил Саакашвили: «Европа начинает осознать, что ей необходимо взаимодействовать с регионом «ближнего зарубежья» (near abroad), нахо-

<sup>43</sup> Isabelle Lasserre. En s'opposant à l'indépendance du Kosovo, la Russie teste sa puissance face à l'Occident // Le Figaro. 11/09/2007.

<sup>44</sup> Simon Tisdall. Putin's politics put partners on edge // The Guardian. August 10, 2007.

<sup>45</sup> Sabine Fischer. Die russische Politik gegenüber der Ukraine und Weißrussland // Aus Politik und Zeitgeschichte. 08–09/2007

<sup>46</sup> Yuliya Tymoshenko. Containing Russia // Foreign Affairs. May/June 2007. Vol 86, Number 3

дящимся между ней и Россией. Европа начинает отказываться от своего ложного прагматизма»<sup>47</sup>. Нынешний президент Украины Виктор Ющенко прямо винит в украинском политическом кризисе «интриги и заговоры из «заднего двора» (*arrière-cour*)»<sup>48</sup>. Создаётся впечатление, что незащищённое постсоветское пространство, подвергаемое империалистической экспансии, — явление столь беспрецедентное, что изготовление политического мифа на эту тему потребовало новой терминологии — аналогов «ближнего зарубежья»: английского **near abroad** и немецкого **Nahe Ausland**<sup>49</sup>. Однако французское **arrière-cour** предательски выдаёт подлинный первоисточник и настоящую цель защитников постсоветского пространства от существования России и подчинения его вовсе не нейтральной исторической практике «заднего двора» США — **backyard**.

\* \* \*

Исследователи справедливо видят основы принятой в американском политическом языке формулы **backyard** в «доктрине Монро», отделившей Западное полушарие от Старого Света не столько по географическому признаку, сколько по идейно-экономическим соображениям абсолютной гегемонии США<sup>50</sup>. Западное полушарие как «за-

<sup>47</sup> Melik Kaylan. Georgia on His Mind // The Wall Street Journal. August 25, 2007.

<sup>48</sup> Viktor Ioustchenko. "Pourquoi j'ai dissous le Parlement ukrainien" // Le Figaro. 3/04/2007.

<sup>49</sup> Для Германии *Nahe Ausland*, употребляемое в отношении её собственного ближнего зарубежья, традиционно и корректно включает в себя сугубо географических соседей: Италию, Швейцарию, Францию, Данию, Голландию, Бельгию, Люксембург, Польшу, Чехию, Австрию.

<sup>50</sup> Tom Barry. Our Backyard Pax Americana (February 17, 2003): <http://americas.irc-online.org>

дний двор» США понимается как единый ареал (Мексика, Карибские острова, Центральная и Южная Америка; иначе — Латинская Америка и Карибы)<sup>51</sup> их цивилизационного превосходства, имеющий, однако, лишь отчасти географические границы: Канада в него не включается, поскольку не может служить объектом прямого доминирования США.

Президент Соединённых Штатов Джеймс Монро издавна вполне империалистически так определил содержание ареала: «Мы... должны будем рассматривать попытку сих сторон [держав по ту сторону Атлантического океана] распространить свою систему на любую часть этого полушария как представляющую опасность нашему миру и безопасности. Мы не вмешивались и не будем вмешиваться в дела уже существующих колоний или зависимых территорий какой-либо европейской державы. Но что касается правительств стран, провозгласивших и сохраняющих свою независимость, и тех, чью независимость, после тщательного изучения и на основе принципов справедливости, мы признали, мы не можем рассматривать любое вмешательство европейской державы с целью угнетения этих стран или установления какого-либо контроля над ними иначе, как недружественное проявление по отношению к Соединенным Штатам...»<sup>52</sup>.

---

rg/reports/2003/0302paxam. html (Americas Program).

<sup>51</sup> См.: Richard Lapper, Jonathan Wheatley. A serenade in the backyard: why Bush's Latin overtures may fall on deaf ears // Financial Times. March 8, 2007; Andy Webb-Vidal. Terror groups relocating to US's backyard // Financial Times. March 4, 2007 и многое другое.

<sup>52</sup> Доктрина Монро из седьмого ежегодного послания Конгрессу президента Джеймса Монро (2 декабря 1823).

К территориальному империализму Монро президент Теодор Рузвельт добавил «ценностную шкалу», определяемую США: «Любая страна, народ которой ведет себя хорошо, может рассчитывать на нашу чистосердечную дружбу. Если государство демонстрирует, что знает, как действовать с разумом, умением и приличием в социальных, политических вопросах, если оно соблюдает порядок и выполняет обязательства, ему не следует опасаться вмешательства со стороны Соединенных Штатов. Непрекращающиеся незаконные действия или проявление бесчинств, приводящие к общему ослаблению уз цивилизованного общества, будь то в Америке или где бы то ни было, в конечном итоге требуют вмешательства со стороны какого-либо цивилизованного государства. В Западном полушарии следование Соединенных Штатов доктрине Монро может вынудить их, возможно и против своей воли, в вопиющих случаях нарушений законности или проявления бессилия, к выполнению обязанностей международной полицейской державы. Если какая-либо страна, чьи берега омываются Карибским морем, продемонстрирует стабильность и справедливый прогресс цивилизации... вмешательство нашего государства в их дела прекратится. Наши соседи обладают богатыми природными ресурсами, и, если в пределах их границ будет соблюдаться законность и справедливость, процветание обязательно придет к ним. При условии соблюдения этими странами основополагающих законов цивилизованного общества они могут быть уверены в том, что мы будем относиться к ним благожелательно и с искренней симпатией. Мы вмешаемся в их дела лишь в крайнем случае и лишь тогда, когда станет очевидным, что их неспособность и нежелание добиться справедливости у себя в стране и за рубежом нарушили права Соединенных Штатов или же



спровоцировали иностранную интервенцию во вред всем американским государствам»<sup>53</sup>.

В цивилизационно-полицейский империализм Монро-Рузвельта сенатор Лодж внёс лишь военное-коммуникационное уточнение, распространив правила «заднего двора» не только на суверенную политику, но и на сферу бизнеса: «В том случае, когда любой порт или иной объект на американских континентах расположен таким образом, что его оккупация в военно-морских, либо военных целях может угрожать коммуникациям или безопасности Соединенных Штатов, правительство Соединенных Штатов не может не рассматривать без серьезной озабоченности владение таким портом или иным объектом какой-либо корпорацией или ассоциацией, которая имеет с другим, не американским, правительством такие отношения, которые предоставляют этому правительству практическое право контроля в национальных интересах...»<sup>54</sup>.

Таким образом, принципы «заднего двора» США, включают в себя всеобщий политический, военный, экономический и «ценностный» контроль<sup>55</sup>. Именно американский *backyard* имеют в виду бывшие метрополии Старого Света — Испания, Италия и Франция: Испания — противопоставляя ему свои позитивные постколониальные культурно-языковые связи от Латинской

<sup>53</sup> Поправка президента Теодора Рузвельта к Доктрине Монро (1904).

<sup>54</sup> Поправка сенатора Генри Кэбота Лоджа к Доктрине Монро (1912).

<sup>55</sup> См. об этом, например: Denise Artaud. Les Etats-Unis Et Leur Arriere-Cour. Paris, 1995 (2003); Sebastian Santander. L'arrière-cour américaine dans les turbulences // [www.lalibre.be/index.php?view=article&id=3&subid=152&art\\_id=79710](http://www.lalibre.be/index.php?view=article&id=3&subid=152&art_id=79710) (La Libre Belgique. 13/09/2002).

Америки до Европы, от Чили до Италии (**Iberoamérica**)<sup>56</sup> чужой, негативной американской гегемонии «заднего двора» (**el patio trasero**, иногда — **jardín trasero** и даже **la sombra** — «тень»); Италия — просто воспроизводя в своих интересах концепт «заднего двора» (**cortile di casa**, иногда даже архаичное — **limitrofi**)<sup>57</sup>; Франция — описывая этим именем (**arrière-cour**) свои эксклюзивные<sup>58</sup> постколониальные права в бывшей Французской Африке и особенно в Магрибе и Чаде.

Теперь, после распада СССР, Соединённые Штаты более не хотят ограничивать свой «задний двор» рамками Западного полушария. И в 1990-е годы политический консенсус о новой реальности нашёл своего нового выразителя — Збигнева Бжезинского. В политических кругах, ориентированных на американских демократов, европейских бюрократов с тёмным социалистическим прошлым, грантовых интеллектуалов и их постсоветских клиентов, — одним словом, в кругу всех тех, кто, действуя на территориях бывшего СССР, профессионально вынужден примеряться к роли «доброго следователя» или «своего парня», принято, морщась, называть Бжезинского «маргиналом», не представляющим ни современную американскую мысль, ни умудрённую американскую власть. В глазах этих умудрённых прогрессистов сама ссылка

---

<sup>56</sup> «Nosotros somos the backyard, el patio trasero del Occidente encarnado por los Estados Unidos» (Alberto Buela. Iberoamérica y Occidente: Tensiones y acuerdos // Asociación Cultural DisidenciaS: Entidad adherida a la Red vértice: [www.red-vertice.com/disidenciaS/textosdisi16.html](http://www.red-vertice.com/disidenciaS/textosdisi16.html)). См. также: [www.red-vertice.com/quees.htm](http://www.red-vertice.com/quees.htm).

<sup>57</sup> Il disastro americano Friday, Mar. 24, 2006 at 6:58 PM // <http://italy.indymedia.org/news/2006/03/1029535.php>; [www.ilmanifesto.it/Quotidiano-archivio/23-Marzo-2006/art96.html](http://www.ilmanifesto.it/Quotidiano-archivio/23-Marzo-2006/art96.html).

<sup>58</sup> Javier Gomez. El patio trasero de Chirac // [www.solidaridad.net/articulo2609\\_enesp.htm](http://www.solidaridad.net/articulo2609_enesp.htm) (Solidaridad. Net. 30/11/2006).

на Бжезинского — уже реликт «холодной войны», художественная литература, далёкая от ежедневной практики партнёрского взаимодействия Запада и Востока, и т. п., и т. д. Может быть, в этом и есть своя правда. Но ещё ближе к истине то, что эта художественная литература удивительным образом рисует именно тот консенсус, который реально диктует логику политических решений, прямо возрождает нетерпеливую стилистику «холодной войны», с максимальным цинизмом договаривает до карательного конца пустословие о «ценностях» и «факеле свободы».

Прямо договорённая Бжезинским философия американского «заднего двора» и распространённые на оставшиеся части мира миссионерские претензии США очень точно выражаются в его формуле «шахматной доски» — объекта монопольной манипуляции. Стоит ли удивляться, что главное приобретение современности манипулятор видит в освобождённом умершим СССР пространстве для нового backyard США:

«Главный геополитический приз для Америки — Евразия... глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте... В связи с этим критически важным является то, как Америка «управляет» Евразией... На этой огромной, причудливых очертаний евразийской шахматной доске, простирающейся от Лиссабона до Владивостока, располагаются фигуры для «игры»...

Россия, что едва ли требует напоминания, остается крупным геостратегическим действующим лицом, несмотря на ослабленную государственность и, возможно,

затяжное нездоровье. Само её присутствие оказывает ощутимое влияние на обретшие независимость государства в пределах широкого евразийского пространства бывшего Советского Союза. Она лелеет амбициозные геополитические цели, которые всё более и более открыто провозглашает. Как только она восстановит свою мощь, то начнёт также оказывать значительное влияние на своих западных и восточных соседей... потеря территорий не является главной проблемой для России...

В большей степени децентрализованная, Россия была бы не столь восприимчива к призывам объединиться в империю. России, устроенной по принципу свободной конфедерации, в которую вошли бы Европейская часть России, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче развивать более тесные экономические связи... Россия с большей вероятностью предпочтёт Европе возврату империи, если США успешно реализуют вторую важную часть своей стратегии в отношении России, то есть усилят преобладающие на постсоветском пространстве тенденции геополитического плюрализма. Укрепление этих тенденций уменьшит соблазн вернуться к империи... Однако политика укрепления геополитического плюрализма не должна обуславливаться только наличием хороших отношений с Россией. Более того, она важна и в случае, если эти отношения не складываются, поскольку она создает барьеры для возрождения какой-либо действительно опасной российской имперской политики. Отсюда следует, что оказание политической и экономической помощи основным вновь обретшим независимость странам является неразрывной частью более широкой евразийской стратегии... Преимущества ускоренного регионального развития, финансируемого за счет внешних вло-

жений, распространились бы и на приграничные районы России, которые, как правило, недостаточно развиты экономически. Более того, как только новые правящие элиты регионов поймут, что Россия соглашается на включение этих регионов в мировую экономику, они будут меньше опасаться политических последствий тесных экономических связей с Россией. Со временем не имеющая имперских амбиций Россия могла бы получить признание в качестве самого удобного экономического партнера, хотя и не выступающего уже в роли имперского правителя»<sup>59</sup>.

Теперь, после СССР, главной помехой для глобальной игры шахматистов в Евразии выступает Россия. Для глобального манипулятора неприемлем сам факт её целостного и вообще самостоятельного политико-экономического существования. И логично, что её географическое «ближнее зарубежье» понимается только как плацдарм для действий по нейтрализации и децентрализации самой России. Поэтому любое иное, не инструментальное представление о «ближнем зарубежье» как зоне естественных интересов или культурного единства<sup>60</sup> априори рассматривается как акт агрессивного неподчинения плану шахматной игры<sup>61</sup>. И чем большая потенциальная

<sup>59</sup> Збигнев Бжезинский. «Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы» (1997).

<sup>60</sup> Например, современные авторы из Армении понимают под «ближним зарубежьем» постсоветское пространство, остающееся зоной применения русского языка и в этом видят его принципиальное отличие от «дальнего зарубежья»: «информационный бум во всех странах на постсоветском пространстве все же был русскоязычным... Именно по этой причине для нас до сих пор существуют понятия ближнего и дальнего зарубежья» (Э. А. Григорян, М. Г. Даниелян. Русский язык в Республике Армения. Общественные функции. М., 2006. С. 116).

<sup>61</sup> «Russians try to use it on some of their neighbors in the near abroad... he's basically trying to make Russia a force in the near abroad, the countries that used to belong to the Soviet Union» (Роберт Гейтс на слушаниях в Сенате США при назначении министром оборо-

опасность исходит в адрес России от её соседей, тем радостней шахматист. Надо быть честным — эта опасность, её растущее бремя созданы самим СССР и его интернационалистским проектом. Теперь России приходится платить по счетам и Российской империи, и СССР, — главным, самым дорогим из которых является всё более фантомное, но от того не менее болезненное общее культурное и историческое наследство.

\* \* \*

Многие годы после СССР русская политическая мысль искала имени для того пространства, которое было частью СССР и стало цепью независимых государств. В начале 1990-х их независимость оставалась ещё сугубо юридической: границы, валюты, гражданства, армии, тарифы, суверенные экономики едва прочерчивались на фактически всё ещё общем географическом теле, порождая самые удивительные соединения. Само имя этой новой реальности соединяло в себе и признание факта, и фантомные боли-воспоминания об отрезанных частях тела. Так первоначальное нейтральное «новое зарубежье» (отчасти совпадающее с американскими «новыми независимыми государствами» и «новыми европейскими демократиями») вскоре было вытеснено более эмоциональным — «ближнее зарубежье». Словно по ту сторону границ никогда не было ни Китая, ни Финляндии, ни Норвегии, ни Аляски. Впрочем, никому и в голову не приходило внести этих

---

ны США 5 декабря 2006: Transcript of the Senate Armed Services Committee Nomination Hearing for Robert M. Gates // [www.nytimes.com/2006/12/05/washington/05text-gates1.html?pagewanted=print](http://www.nytimes.com/2006/12/05/washington/05text-gates1.html?pagewanted=print)).

старых соседей нового государства в список государств «ближнего зарубежья». Главным содержанием этого списка были советская инерция и советское наследие, с которым боролись национал-коммунисты и которое в равной степени успешно приватизировали.

Несомненно, в качестве очередного объекта приватизации и расчленения рассматривалась и Россия. И дело не только в словах экс-помощника президента США Збигнева Бжезинского о необходимости «свободной конфедерации» на месте России. Главное — во внутренней готовности русского политического класса 1990-х мыслить Россию упакованной в Содружество независимых государств (СНГ, Commonwealth of Independent States), аналог Британского содружества наций для бывшей Британской империи (British Commonwealth of Nations)<sup>62</sup>. Аналогия эта была притворной и быстро выветрилась, ибо в 1990-е годы в идеологии самого СНГ преобладало мучительное желание подменить недавнюю «общую рамку» СССР — рамкой СНГ, в которой независимой России отводилось подчинённое, вторичное положение. Именно тогда родилась малоубедительная формула, конкурирующая с понятием «ближнего зарубежья» — «СНГ и Балтия», в которой международная организация (СНГ) соединялась со свежевыдуманым и навязанным русскому языку географическим поняти-

<sup>62</sup> В немецком политическом языке, хорошо знакомом с Commonwealth, аналогом СНГ, тем не менее была избрана другая формула: Gemeinschaft für der unabhängigen Staaten (GUS, рус.: «сообщество»). На моей памяти, в первые дни после создания СНГ у наблюдателей из Германии это даже вызывало трудности с адекватным переводом Gemeinschaft на русский язык. Но логика немецкого языка оказалась безошибочной — несмотря на терминологическое сходство с Commonwealth, ничего общего у Commonwealth с СНГ не нашлось.

ем (Балтия — вместо Прибалтики<sup>63</sup>): России, несмотря на то, что только её существование до сих пор придаёт такому соединению какой бы то ни было смысл, в этой формуле отводилась роль географического, почти бес- субъектного пространства.

Поэтому в момент раздела СССР вряд ли кто в здравом уме, видя растущую суверенизацию Татарии, Башкирии, Якутии и Чечни, мог считать остаточную, полумёртвую Россию и её власть ядром имперского реваншизма, а «ближнее зарубежье» — объектом её экспансии. В те годы Россия сама становилась объектом дальнейшего раздела или расходным материалом для внутрироссийской

---

<sup>63</sup> В начале 1990-х новые независимые государства на пространстве бывшего СССР, законно воспринимая русский язык (подобно собственности СССР) как своё общее наследие, сделали и его тоже объектом приватизации. Именно поэтому русская оно- мастика (исторические, географические и иные имена) стала объектом разнообраз- ных злоупотреблений. Только относясь к русскому языку как к своему собственному трофею, можно было навязывать ему замену классического «на Украине» (подобно- го «на Филиппинах», «на Гаити», наконец — неизменному с древности «на Руси») ис- кусственным «в Украине», традиционной «Прибалтики» — иноязычной «Балтией». Уважаемый современный русский историк даже попытался придать этому злоупот- реблению научный смысл: признавая, что «Прибалтикой в России издавна называ- лись земли, граничащие с Балтийским морем», он уверяет, что «понятие это никогда не имело юридического статуса, а тем более государственного смысла» (Е. Ю. Зуб- кова. Прибалтика и Кремль, 1940–1953. М., 2008. С. 3). Попытался — и принял грех на научную душу. Ведь если просто удивительно, что признаваемое Е. Ю. Зубковой имя «Прибалтийские губернии/Прибалтийский край» (Лифляндия, Эстляндия и Курляндия, ср.: Привислянские губернии — Польша) считается ею недостаточно «юридическим» (хотя известны его массовые именно юридические применения: Свод местных узаконений губерний Прибалтийских. СПб., 1891; Положение 9 июля 1889 года о преобразовании крестьянских присутственных мест Прибалтийских гу- берний. Либава, 1890; А. Гасман, А. Нолькен. Положения о преобразовании судебной части и крестьянских присутственных мест в Прибалтийских губерниях. СПб, 1890; В. Буковский. Свод гражданских узаконений губерний Прибалтийских. Рига, 1914; А. С. Невзоров. Краткое изложение курса местного права Прибалтийских губерний. Юрьев, 1909–1910 и т. п.), — то вовсе невозможно понять, почему хорошо известный (впрочем, не Е. Ю. Зубковой) с XVIII-го по XX век «Прибалтийский генерал-губер- натор/Прибалтийское генерал-губернаторство» — явление недостаточно «государс- твенное»?



коммунистической оппозиции, для которой будущий распад России казался менее важной проблемой, чем вчерашнее исчезновение СССР. Коллекционер понятий русского языка того времени заметил: «За словосочетанием *ближнее зарубежье* первоначально стояло представление, согласно которому «границы Российского государства после распада СССР пока нельзя считать окончательными» ... Сама форма высказывания требует неоднозначного истолкования: «страны не вполне или не по-настоящему независимые», «условно зарубежные страны», «свои, но лежащие за границей территории»<sup>64</sup>. Так общие для постсоветских республик фантомные боли над умершим СССР начали приписывать только России. Как писал в те дни автор этих строк, именно в идеологии оппозиции «Россия размазывается по карте бывшего СССР, используется как материал для восстановления советской власти»<sup>65</sup>. В начале 1990-х годов, когда линии расчленения России сдвинулись к её границам, а Таджикистан, Закавказье и Приднестровье погрузились в войну и главной угрозой для постсоветского пространства стал «югославский сценарий», «ближнее зарубежье» — по той же югославской аналогии — стало всё чаще фигурировать в качестве объекта внешнего вмешательства: миротворчества, урегулирования, международных гарантий, военных баз, обсуждения проблемы статуса и границ. Ни у кого не было уверенности, что Россия не станет объектом такого урегулирования в ближайшее время.

<sup>64</sup> Гасан Гусейнов. Карта нашей Родины: идеологема между словом и телом. М., 2005. С. 15–16.

<sup>65</sup> М. Колеров. Третья смута и ее органический закон // Независимая газета. 26 февраля 1992.

\* \* \*

Экспансия американского «заднего двора» в Евразию ослабила собственные американские тылы. Растущее, всё более ожесточённое нежелание Латинской Америки оставаться чьим бы то ни было «задним двором»<sup>66</sup> сопровождается растущим нежеланием Европы стать его новым ответвлением и, напротив, острым осознанием своей уязвимости в собственном «заднем дворе»: на Балканах («опасный backyard Европы» — Сербия, Босния, Македония, Албания, Черногория, Косово)<sup>67</sup>, даже в Бельгии (как «заднем дворе демократии»)<sup>68</sup>, Испании, Италии и Португалии (как «заднем дворе Европы»)<sup>69</sup>...

Стоило Соединённым Штатам объявить о проекте размещения системы противоракетной обороны в Польше

---

<sup>66</sup> См. например: Jorge Heine. ¿Nuevo imperio, viejo patio trasero? Los Estados Unidos, America Latina y la guerra en Irak // [http://goliath.ecnext.com/coms2/gi\\_0199-1158532/Nuevo-imperio-viejo-patio-trasero.html](http://goliath.ecnext.com/coms2/gi_0199-1158532/Nuevo-imperio-viejo-patio-trasero.html) (Goliath. Business knowledge on demand. July 1. 2003); Cinismo gringo: America Latina es «nuestro patio trasero» y por ello nos preocupa // [www.aporrea.org/dameverbo.php?docid=57693](http://www.aporrea.org/dameverbo.php?docid=57693) (Aporrea (Asamblea Popular Revolucionaria/Republica Bolivariana de Venezuela), 18/03/2005); Marzio Breda. La Cia non voleva la morte di Che Guevara (12 novembre 2006) // [www.corriere.it/Primo\\_Piano/Cronache/2006/11\\_Novembre/12/breda.shtml](http://www.corriere.it/Primo_Piano/Cronache/2006/11_Novembre/12/breda.shtml) (cortile di casa); Rio, Santiago, Buenos Aires, scuotendo gli interessi dell'America in quelle aree che Washington non smette di considerare il cortile di casa. Il Sole 24 Ore. 14.04.2007 ([www.digital-sat.it/new.php?id=9062](http://www.digital-sat.it/new.php?id=9062)); MinCI. Chavez considera Putin un «alleato antimperialista» // [www.lernesto.it/index.aspx?m=77&f=2&IDArticolo=15426](http://www.lernesto.it/index.aspx?m=77&f=2&IDArticolo=15426) ([www.resistenze.org](http://www.resistenze.org), 10/07/2007) и т. д.

<sup>67</sup> Особенно в связи с визитом президента США в Албанию. См.: Christopher Condon, Kerin Hope, George Parker. Europe's errant entrants // Financial Times. June 3, 2007; Carlo Benedetti. Albania, la colonia USA che attende Bush (09/06/2007) // [www.ariannaeditrice.it/articolo.php?id\\_articolo=11758](http://www.ariannaeditrice.it/articolo.php?id_articolo=11758).

<sup>68</sup> Michael Ellman, Eric Plouvier. Belgique: Les «centres fermés»: l'arrière-cour de la démocratie. Rapport/Fédération Internationale des Ligues des Droits de l'Homme. Mars 1999.

<sup>69</sup> ¿Es Suramerica el patio trasero de EE. UU.? // <http://foro.loquoo.com/viewtopic.php?p=1762851&highlight=>

и Чехии, очевидно направленной против России, как евроатлантическое общественное мнение впервые расценило его как акт вмешательства США... в дела «заднего двора» (!) России (Russia... nel suo «cortile di casa», l'arrière-cour russe<sup>70</sup>), даже прямо не граничащего с основной территорией России, но представляющего ей прямую угрозу. Так недружественная военная экспансия в регион, начатая с расширения НАТО на Прибалтику, тиражирования сербской «революции» на Украине, в Грузии, Киргизии и Андижане, альтернативной энергополитики в Закавказье автоматически перевело геополитический статус даже членов НАТО в Восточной и Центральной Европе в разряд грубо, по-американски поименованной зоны российских интересов.

Американский критик администрации США провёл прямую аналогию: «Как бы реагировали США, если бы Китай объединил Кубу, Никарагуа и Венесуэлу в военный союз, убедил Мексику продавать нефть Пекину и в обход Соединённых Штатов и начал ввязываться в дела Центральной Америки и Карибских стран затем, чтобы с помощью выборов отстранить от власти дружественные режимы? Как бы реагировал Вашингтон на российское решение установить противоракетные установки в Гренландии? (...) Но не Москва продвигает военный альянс к нашим границам или строит базы и размещает противоракетные установки на нашем переднем и «заднем дворе» (our front and back yards)»<sup>71</sup>. В такой ситуации

<sup>70</sup> Face au bouclier antimissile américain, craintes et calculs de la Russie de Poutine // Le Figaro. 26/03/2007; Condoleezza Rice a Mosca, non c'è una nuova guerra fredda // RAINews24. 14 maggio 2007 ([www.rainews24.rai.it/notizia.asp?newsID=69924](http://www.rainews24.rai.it/notizia.asp?newsID=69924)); CNN. June 5, 2007 // <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/0706/05/sitroom.02.html>; [www.movisol.org/07news026.htm](http://www.movisol.org/07news026.htm).

<sup>71</sup> Patrick J. Buchanan. Does Putin Not Have a Point? February 13, 2007. См. также: Georgian

американский адвокат администрации США постарался отличить «дальнее зарубежье» России от «ближнего»<sup>72</sup>, чтобы избавиться от неприятных аналогий и вновь отказать России в праве на безопасность.

Но тщетно. Конфликт архаичной, империалистической американской политической философии «заднего двора» с естественными интересами каждого государства в его «ближнем зарубежье» растёт — и уже не ограничивается окружением России.

В понятной, но оттого не менее странной самоуверенности американские глобальные шахматисты рискнули перенести «доктрину Монро» и «заднего двора» не просто на Старый Свет как часть Восточного полушария, от которого когда-то давно самоизолировались, но и на Азиатско-Тихоокеанский регион, уже не смущаясь растущей силой Китая. И в медиа-учебниках зазвучали знакомые формулировки, согласно которым в «задний двор азиатско-тихоокеанских демократий США, Японии и Индии» были включены «авторитарные Китай, Северная Корея, Бирма, Таиланд»<sup>73</sup>. А размещение военной инфраструктуры США в Средней Азии после 11 сентября 2001 года (и, видимо, неафишируемые усилия такого же рода в Монголии) с подкупающей непосредственностью стало именовать-

---

leader accuses Russia // [www.turkishdailynews.com.tr/article.php?enewsid=88530](http://www.turkishdailynews.com.tr/article.php?enewsid=88530) (Turkish Daily News. November 14, 2007); Building a missile shield in Russia's backyard (12/02/2007) // [www.digg.com/world\\_news/Russia\\_pulls\\_out\\_of\\_Nato\\_arms\\_pact](http://www.digg.com/world_news/Russia_pulls_out_of_Nato_arms_pact).

<sup>72</sup> Janusz Bugajski. Russia's Far Abroad // The Wall Street Journal, Europe edition. March 22, 2007.

<sup>73</sup> Daniel Twining. America is pursuing grand design in Asia // Financial Times. September 25, 2006. Cp.: Lucas Nagel. El patio trasero de Japón: Los países del sureste asiático se han convertido en el espacio natural de la economía nipona // El País. 03/01/1988.

ся проникновением в среднеазиатский «бывший задний двор» России и Китая<sup>74</sup>...

Признанным венцом этих усилий США по концептуализации «контролируемой нестабильности», своего «ручного управления» новым «задним двором», — дополнительным, замыкающим всю цепь их предыдущих усилий в Евразии — от Балкан до Восточной Европы и Средней Азии, — стала новая формула Збигнева Бжезинского о «глобальных Балканах от Суэца до Синьцзяна» (Палестина, Ирак, Иран, Афганистан и далее в мусульманский Запад Китая и Монголию)<sup>75</sup>... И пусть теперь идущие к власти американские демократы в очередной раз скажут, что Бжезинский — архаичный маргинал и что применяемое им к и без того изуродованному войной Среднему Востоку имя «Балкан» — это жест процветания, а не вечного конфликта и новой резни...

Осталось дожидаться, когда и Китай, впечатлённый навязываемой ему философией американского «заднего двора» и прекрасно понимающий свои жизненные интересы в сопредельных государствах, разделит товарищеское, но определённое предупреждение интервентам, с которым в годы тяжелейшей государственной Смуты в России,

<sup>74</sup> Stefan Wagstyl. How west can win in central Asia // Financial Times. August 26, 2007; Russia is in need of firm handling // The Financial Times. December 26, 2007 (Редакционный комментарий); Giulietto Chiesa. L'Asia Centrale, cortile di casa di Russia e Cina // La Stampa. 19/08/2007: [www.esserecomunisti.it/index.aspx?m=77&f=2&IDArticolo=17716](http://www.esserecomunisti.it/index.aspx?m=77&f=2&IDArticolo=17716); [www.larouchepub.com/other/2005/3229c\\_asia\\_coldwar.html](http://www.larouchepub.com/other/2005/3229c_asia_coldwar.html). Сп. с гонконгской газетой: Sean Yom. Russian-Chinese pact a 'great game' victim // Asia Times. July 30, 2002: [www.atimes.com/atimes/Central\\_Asia/DG30Ag01.html](http://www.atimes.com/atimes/Central_Asia/DG30Ag01.html).

<sup>75</sup> Збигнев Бжезинский. «Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы» (2007).

в, пожалуй, самой кровавой точке гражданской войны — в Крыму — выступил русский поэт:

*Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,  
В русскую водоверть!  
Не прикасайся до наших пожарищ!  
Прикосновение — смерть<sup>76</sup>.*

**Февраль 2008**

---

<sup>76</sup> Максимилиан Волошин. «Неопалимая купина» (1919).

## Библиография

### I.

1. Перспективы войны в Закавказье и Средней Азии // REGNUM. 13 июня 2008 (*вместе с В. К. Акопяном*).
2. «Концепция внешней политики России» ставит новые акценты в отношении стран б. СССР // REGNUM. 15 июля 2008.
3. Статус-кво больше не будет: ООН не продлит «ложные надежды и агонию» // REGNUM. 10 августа 2008.
4. Новый Большой Кавказ: взаимное сдерживание без чужих. Чего уже нет и что может быть // REGNUM. 21 августа 2008.
5. После победы, накануне войны: Принуждение к власти // REGNUM. 28 сентября 2008.
6. Плевна навсегда. Инфляция эксклюзива // REGNUM. 30 сентября 2008.
7. Мюнхен-1938 и Грузия-2008: европейские «скелеты в шкафу» и «раздираемый Кремль» // REGNUM. 6 октября 2008.
8. «Новое соседство» ЕС и энергетическая безопасность — как диалог превращается в конфликт // REGNUM. 29 октября 2008.
9. Das Futur Zwei: Политическая экономия России и Украины // Русский Журнал. Тема недели. № 8, 1 ноября 2008.
10. Абхазия признана и независима. Что дальше? // REGNUM. 28 ноября 2008.

11. «Обновление институтов»: Dark Age Ahead? // Русский Журнал. Тема недели. № 12. 1 декабря 2008.
12. Необходимый, достаточный и остаточный суверенитет. О евроатлантической безопасности // Русский Журнал. Тема недели. № 14. 15 декабря 2008.
13. Курдистан от Балкан до Кавказа: эффект домино // REGNUM. 16 декабря 2008.
14. «Восточное партнёрство»: чем «доктрина Брежнева» лучше энергетического колониализма ЕС // REGNUM. 2 марта 2009.
15. Политический класс против государства: 100 лет «Вех» // Русский Журнал. Тема недели. № 7 (21). 23 марта 2009.
16. «Вот ваши подвиги...»: 100 лет «Вех» // Пушкин. М., 2009. № 2.
17. «Уход Белоруссии на Запад»: две игры и две погибели // REGNUM. 2 июня 2009 (*вместе с В. В. Зотовым*).
18. Геополитические риски Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии // REGNUM. 2 июля 2009.
19. Штабы в огне... // Пушкин. М., 2009. № 3.
20. Государство Путина: школа консенсуса и война большинства // REGNUM. 4 июля 2009. В основе статьи — доклад для международного экспертного диалога «Что думает Россия», проведённого в Москве Русским институтом и Центром либеральных стратегий (София). 28 июня – 3 июля 2009 г.
21. «СНГ мертво...» // Русский Журнал. 5 августа 2009.
22. Ош-2: почему Узбекистан не хочет военного присутствия России на Юге Киргизии // REGNUM. 5 августа 2009.
23. Война в Южной Осетии: в шаге от катастрофы // Частично: REGNUM. 26 июля 2009.
24. Информационную войну в августе 2008 года вело общество, а не государство // Kreml.org. 7 августа 2009.
25. Послание Медведева: Ющенко — враг, а Украина — пока нет // REGNUM. 17 августа 2009.



26. России и Армении нужен независимый Курдистан // REGNUM. 1 сентября 2009.

## *II.<sup>1</sup>*

1. Тотальное Просвещение для Косово и всех нас // ПОЛИТ.РУ. 19 мая 1999 (Логос. М., 1999. № 5).
2. «Вечный мир» и вечные угрозы ему // Русский Журнал. 26 ноября 2002.
3. Фронт против России: санитарный кордон и внешнее управление // REGNUM. 18 марта 2005.
4. Непризнанные государства бывш. СССР в контексте Балкан и Черноморского региона // Русский Сборник: Исследования по истории России. Том II. М., 2006.
5. «Косовский прецедент»: создатели и плоды (1999 – 2007) // REGNUM, 28 ноября 2007.
6. «Ближнее зарубежье» новой России и «задний двор» США: 1. Империализм и «ближнее зарубежье»: Россия, Польша, Литва // REGNUM. 5 февраля 2008; 2. «Ближнее зарубежье» России и «задний двор» США // REGNUM. 7 февраля 2008.

---

<sup>1</sup> Отдельное издание: М. Колеров. Без СССР: «Ближнее зарубежье» новой России и «задний двор» США. Статьи 1999–2008. М., 2008.

**Издания и сборники  
информационного агентства  
REGNUM  
(2005-2009)**

1. Коррупция в силовых структурах Дагестана: по данным СМИ (2003 – 2004). М., 2005.
2. Преступность в органах Министерства внутренних дел Башкирии: по данным СМИ (2004). М., 2005.
3. Коррупция в Карачаево-Черкесии: по данным СМИ (2002 – 2004). М., 2005.
4. Коррупция в правоохранительных органах Северной Осетии: по данным СМИ. М., 2005.
5. Россия и «санитарный кордон». Сборник / Сост. Информационное агентство REGNUM. М.: Издательство «Европа», 2005.
6. Белая книга Приднестровской Молдавской Республики. М., 2006.
7. Восстание меньшинств. Сборник / Сост. Информационное агентство REGNUM. М.: Издательство «Европа», 2006.

8. Карабахский конфликт: азербайджанский взгляд. Сборник / Сост. Информационное агентство REGNUM. М.: Издательство «Европа», 2006.
9. О.Ф. Тимофеева. Труд иностранных граждан в Российской Федерации: правовые аспекты. М, 2007.
10. Западная Сахара: преданная независимость. Сборник исследований и документов по современной истории Сахарской Арабской Демократической Республики / Сост. Е. Висенс. М., 2007.
11. Л.М. Григорьев, М.Р. Салихов. ГУАМ — пятнадцать лет спустя: Сдвиги в экономике Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии, 1991 – 2006. М., 2007.
12. А. Егиазарян. Турция и Россия во внешнеэкономических отношениях Азербайджана (1995 – 2006). М., 2007.
13. А. Егиазарян. Грузия: структурные проблемы экономики и турецкая внешнеэкономическая экспансия (1994 – 2007). М., 2007.
14. Симон Кордонский. Ресурсное государство. М., 2007.
15. Испания — Каталония: империя и реальность. Сборник статей / Сост. Е. Висенс. М., 2007.
16. Фуад Гаджиев. Независимость де-факто: Турецкая Республика Северного Кипра. М., 2008.
17. А.С. Геворкян. Три страны — три мифа: социально-экономические и политические трансформации Казахстана, Грузии, Украины (опыт социологического анализа). М., 2008.
18. Александр Дюков. Второстепенный враг. ООН, УПА и решение «еврейского вопроса». М., 2008.
19. Александр Дюков. The Soviet Story: механизм лжи. М., 2008.
20. Константин Казенин. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. М., 2009.

Модест Колеров

# ВОЙНА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ  
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА  
(1999 – 2009)

Корректор И. Бернштейн

Дизайн обложки Е. Бороздинская

Верстка Д. Ипполитов

REGNUM

2009

Подписано в печать 23.10.2009. Формат 84 х 60/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro.

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,75. Тираж 500 экз. Заказ \_\_\_\_.